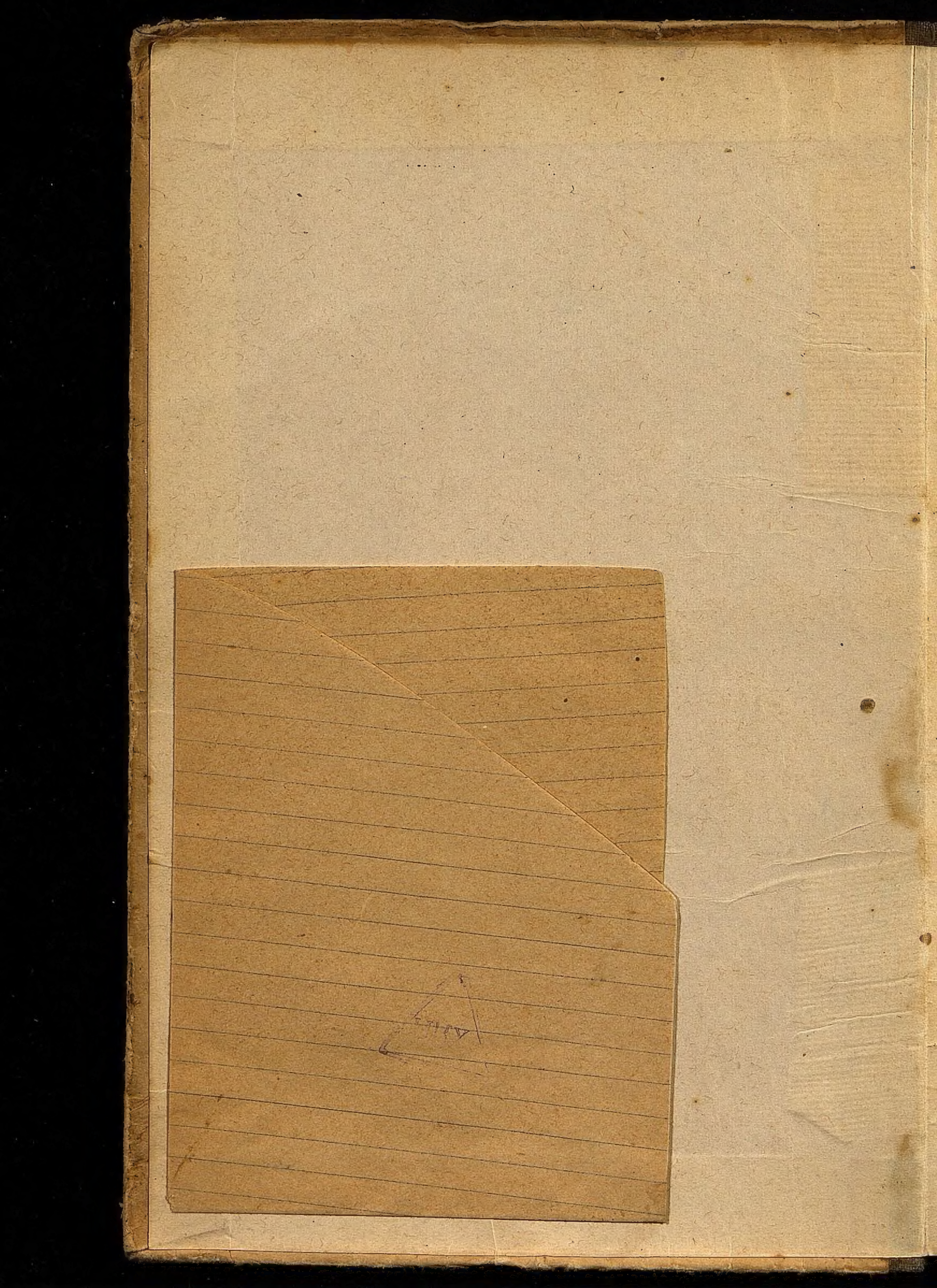
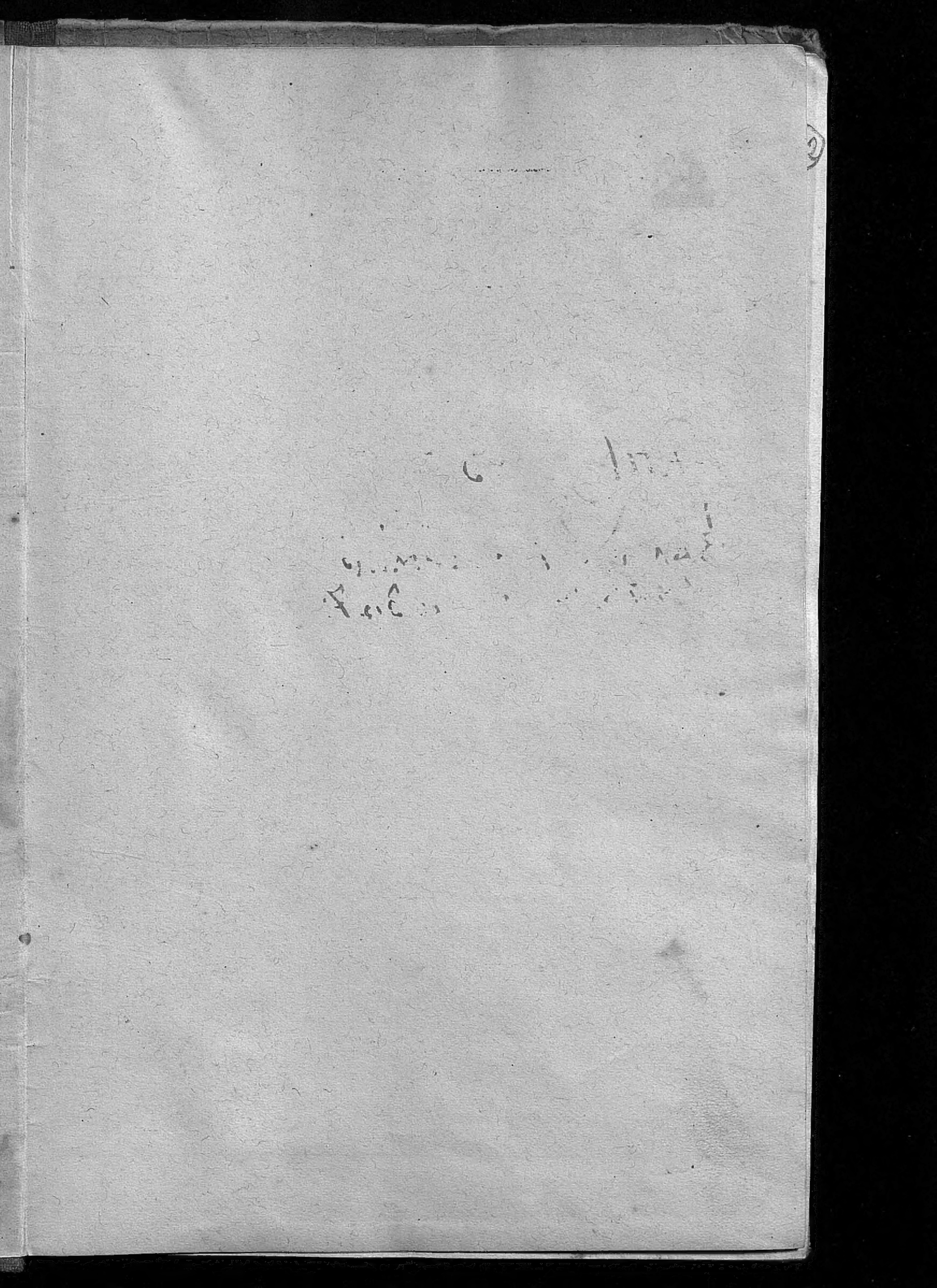
ЕЛЕНА КУЙБЫШЕВА

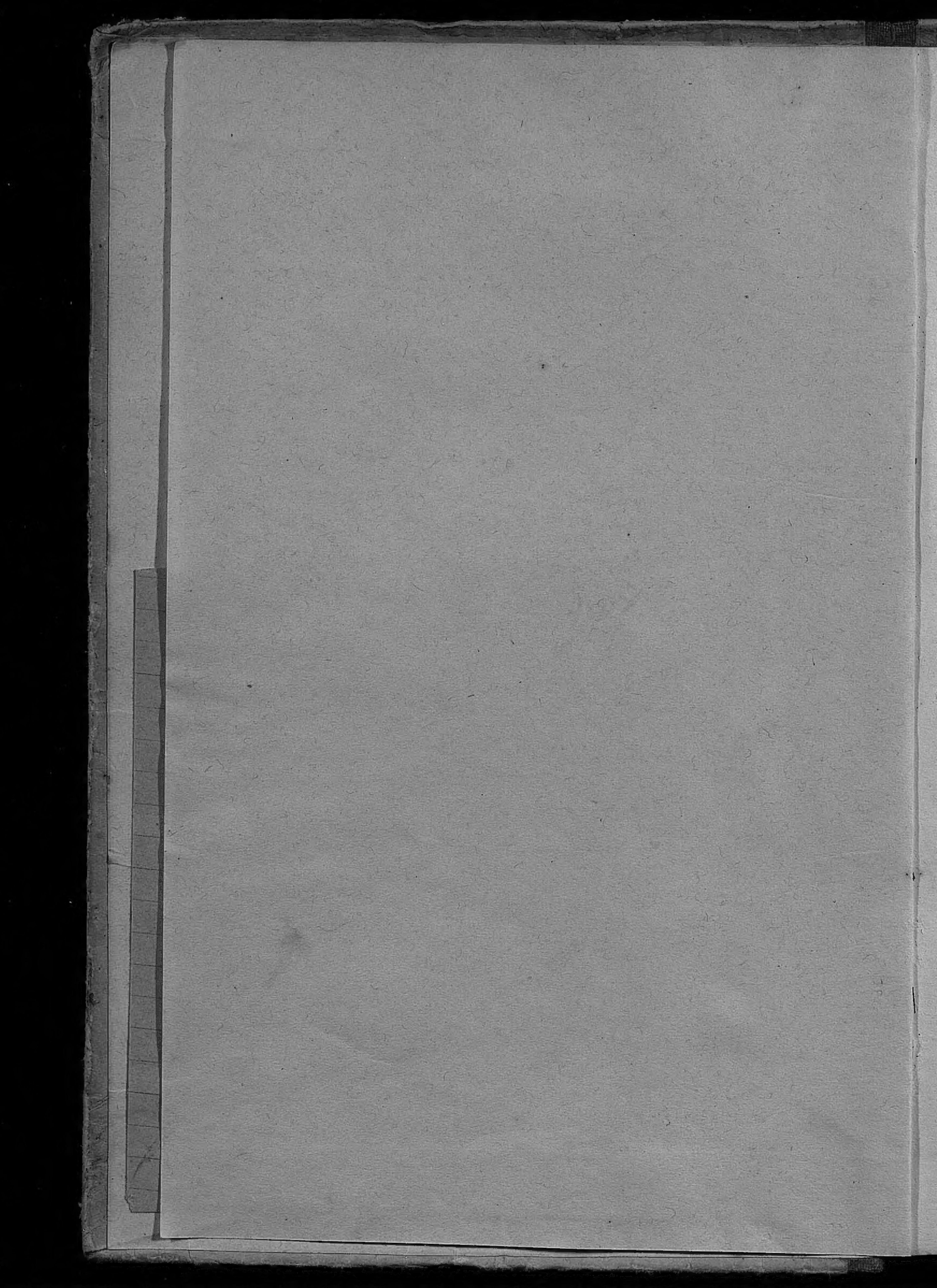
ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ КУЙБЫШЕВ

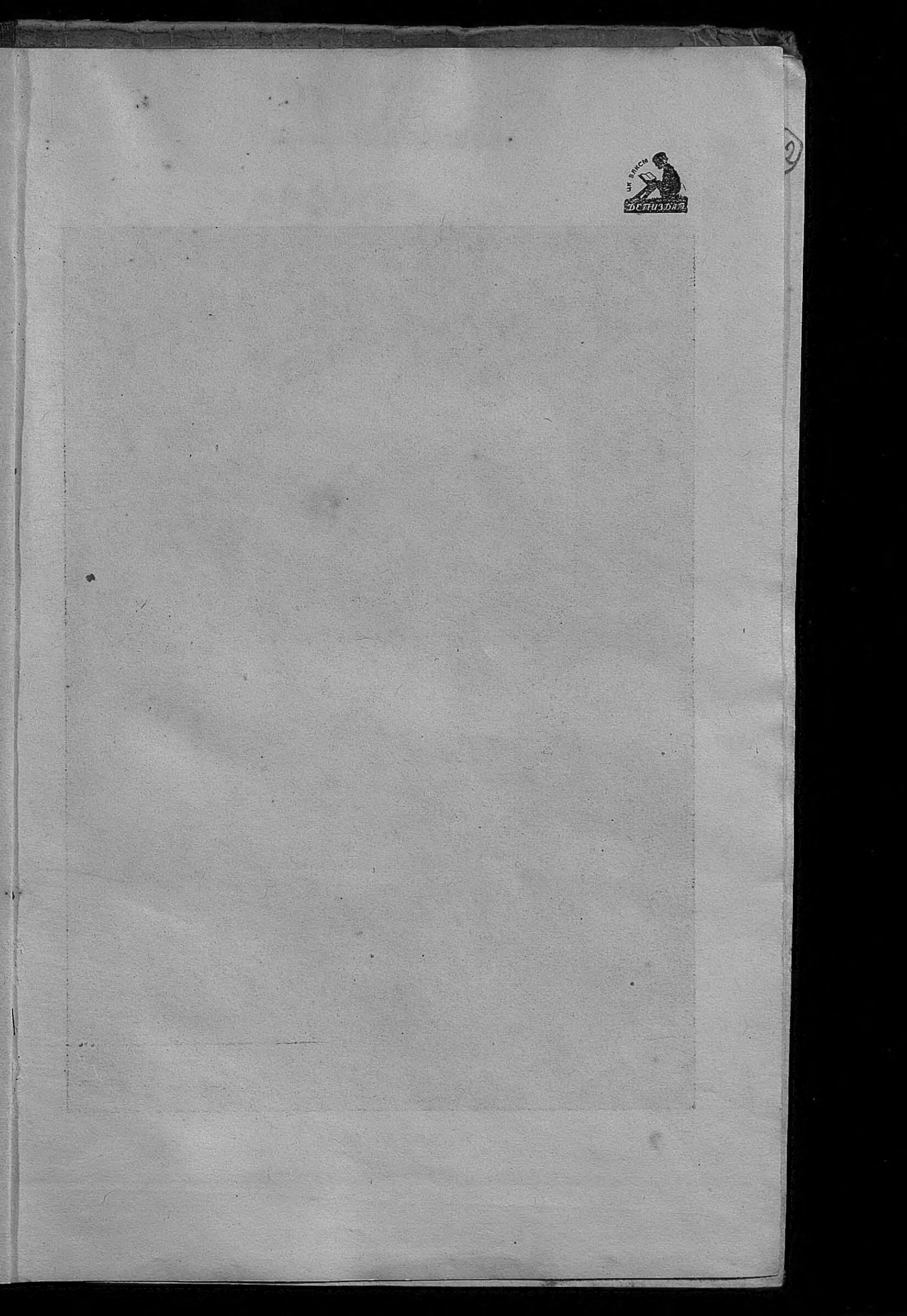

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ
1941

ЦК ВЛКСМ
ДЕТИЗДАТ

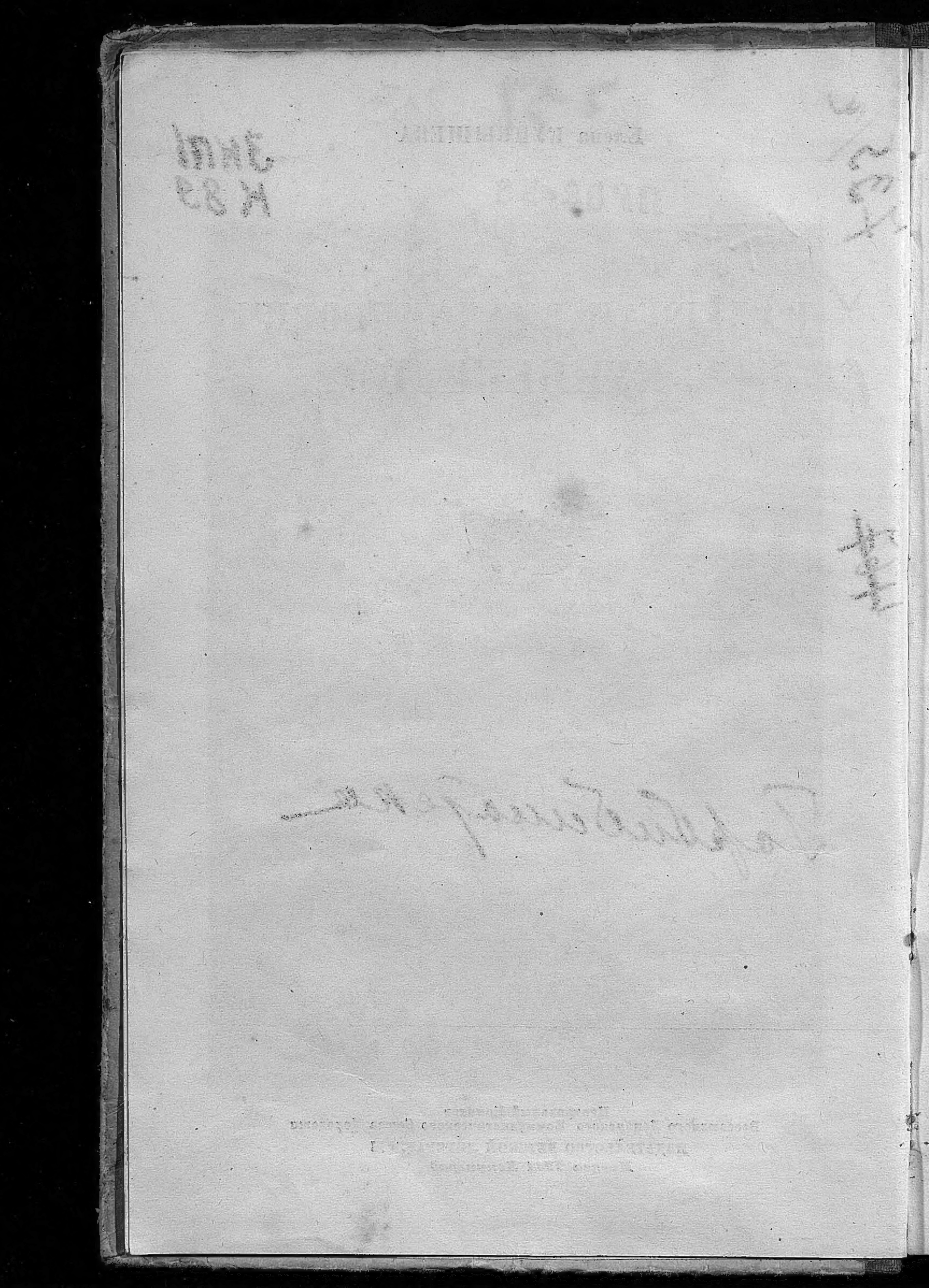
Елена КУЙБЫШЕВА

ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ КУЙБЫШЕВ

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1941 Ленинград

Кокчетав

естность, где стоит город Кокше-Тау, представляет собой оазис в Казахских степях.

Широкие степи вдруг переходят в высокие лесистые горы со скалами и ущельями. На горах и в лугах обилие разнообразных цветов, богатая сочная растительность. Вдали видна гора, на вершине которой вечный снег. Она издали кажется голубой, а иногда синей-синей. Это Синюха, Голубая гора. Кокше-Тау в переводе с казахского — голубая гора. Поэтому и город носит название Кокше-Тау.

Кокше-Тау стоит на берегу озера Копа. В озеро впадает быстрая горная речка Чиглинка. Она протекает по крутым каменистым горам, падая красивыми водопадами, разливаясь в долинах, и опять теряется маленьким ручейком в ущельях гор, для того чтобы еще и еще раз стремительно скатиться со скалы в долину.

Кокше-Тау раньше назывался Кокчетав. Это был маленький городок с несколькими улицами без тротуаров, с природной песчаной мостовой, через которую пробивалась мягкая зеленая травка. Несколько двухэтажных домиков, магазин с большими зеркальными окнами и даже коврами на лестницах составляли все внешнее «украшение» городка.

Две площади — Мещанская и Казачья, — так же как улицы, не были вымощены. После дождя по колеям, журча, текли прозрачные ручейки, скрываясь в рыхлой почве.

Здесь провел свои детские годы Валериан Владимирович Куйбышев. Он родился в 1888 году в городе Омске

и совсем ребенком был перевезен в Кокчетав, куда получил назначение на должность начальника воинской команды наш отец, Владимир Яковлевич. Мать, Юлия Николаевна, поступила учительницей в казачью школу.

В Кокчетаве и теперь помнят нашу семью. Старожилы задушевно рассказывают, как Юлия Николаевна и Владимир Яковлевич помогали детям бедняков получать образование, готовили их к экзаменам, а потом отправляли учиться в Петропавловск. Средства для этого они добывали устройством спектаклей и вечеров, в которых участвовала вся наша семья и школьники.

Ими же был организован народный дом и вечерняя воскресная школа, чтение лекций, занятия с неграмотными и малограмотными.

Дом, в котором жила наша семья, был одноэтажный, деревянный. Весной он утопал в цветущей черемухе, а летом в саду было много всевозможных цветов, которые заботливо выращивала Юлия Николаевна. Цветов было так много, что с приближением осени в наш сад устраивалось настоящее паломничество горожан. Редкая семья не наделялась цветами из нашего сада.

Зимой дом заносило огромными сугробами снега. У старых высоких берез виднелись только верхушки — они казались кустарниками на снежных горах.

Не только богатства, но и среднего достатка семья не имела. Заработка отца и матери хватало только на то, чтобы сводить концы с концами и воспитывать детей. Нас, детей, было восемь человек!

Одежда и обувь от старших детей переходили к средним, потом к младшим. Все это тщательно переделывалось, перешивалось по нескольку раз.

В квартире, обставленной скромной мебелью, бывало всегда очень чисто и уютно; мамино рукоделие украшало все уголки.

В зимние длинные вечера собирались все в столовой за большим столом. Мальчики вырезывали, выпиливали, рисовали. Девочки вязали, вышивали. Самые маленькие делали различные фигурки из спичек, скрепляя их размоченным горохом. Старшие по очереди читали вслух.

Знакомые приходили учиться у мамы рукоделию. В гостиной всегда стояли пяльцы, на которых вышивались скатерти разноцветным берлинским гарусом.

У отца была большая библиотека. Он выписывал журналы, книги. Когда ему удавалось бывать в Петербурге

Дом в Кокчетаве (ныне Кокше-Тау, Казахской ССР), в котором жил в детстве В. В. Куйбышев.

или в других крупных городах, он привозил много дорогих и редких книг в красивых переплетах. Отец гордился своей библиотекой, любил ее. Часто пересматривал, перетирал книги и нас, детей, привлекал к этой работе. Он охотно давал читать книги знакомым и своим ученикам. В Кокчетаве тогда библиотеки не было, поэтому все шли за книгами к нам.

В народном доме впоследствии была открыта библиотека, которую вдумчиво и бережно собирал отец. Библиотека разрасталась с каждым годом, и когда мы уезжали, она была уже большая и хорошая. Отец говорил: «Это мое детище».

Зимой старшие дети, Толя, Надя и Воля — так звали в детстве Валериана, — уезжали учиться в Омск.

Надя училась в гимназии и жила у бабушки, а Толя и Воля — в кадетском корпусе, там же они и жили.

Учеников кадетского корпуса, кроме общих наук, обучали военному делу — маршировке, стрельбе, подготовляя их к военной карьере.

Из Омска старшие не приезжали домой даже на зимние каникулы: проехать двести восемьдесят верст на лошадях по снежной степи в метель и снежные заносы было очень трудно.

Когда в доме у нас зажигалась елка, мы веселились и прыгали вокруг нее, а мама сидела в кресле и плакала о том, что нет Толи, Нади и Воли...

Мама вообще часто плакала: нет писем — слезы; пришло письмо, пока его распечатают, — слезы; прочтет, если даже нет ничего печального, — все равно слезы. Нас это всегда пугало. Мы окружали мать, утешали ее.

Зимой, когда дети укладывались спать, отец и мать долго читали вслух. На огонек приходили соседи, и чтение продолжалось далеко за полночь.

Помню, у нас был такой обычай: мама ставила на окно зажженную свечу или маленькую лампу — это был сигнал для знакомых, что к нам нельзя: болен кто-нибудь или отец и мать заняты каким-нибудь серьезным делом, например подготовкой к лекции.

Гостеприимная мама не могла бы, если уж кто-нибудь придет, просто сказать, что к нам нельзя. И вот отец придумал этот способ, который вошел в обычай не только в нашем доме, потом его ввели многие наши знакомые.

Летом у нас бывало весело, радостно: приезжали старшие, привозили с собой товарищей. Дом оглашался веселыми молодыми голосами, смехом. Устраивались шумные игры, гулянье в горах, катанье верхом.

Мы никогда не замечали нужды. Родители поддерживали наше веселье и никогда не омрачали его.

Летом наш дом привлекал к себе молодежь всего города, учащихся, приезжавших на каникулы в Кокчетав.

В нашей семье все дети росли здоровыми, только один Валериан был болезненным мальчиком.

Он учился хорошо, в младших классах его переводили из класса в класс без экзаменов, и поэтому он раньше других детей приезжал в Кокчетав. Его поили кумысом, заставляли больше спать и гулять.

В раннем детстве Волю звали «доспальта». Это потому, что он мечтал вырасти до потолка и слова «до потолка» произносил «доспальта».

Валериан рано полюбил чтение. Его всегда можно было застать за чтением или в глубокомысленной задумчи-

вости над книгой. Он любил исторические книги, увлекался жизнью знаменитого русского полководца Суворова.

Над его кроватью висел портрет Суворова. Он подражал Суворову: спал на досках, сбрасывая с кровати тюфяк; обмывался даже зимой холодной водой; делал гимнастику. Он находил в своей наружности сходство с Суворовым и мечтал стать знаменитым полководцем, как Суворов.

Стараясь быть храбрым, он и нас приучал к храбрости. Заставлял нас итти в темную комнату и залезать под кровать. Дверь плотно закрывалась, а под кроватью лежала какая-нибудь вещь, которую нужно было принести ему для доказательства, что мы были под кроватью.

Дрожа всем телом от страха, но боясь прослыть трусами, мы лезли, приносили спрятанный предмет. Чем дольше просидишь под кроватью, тем выше получаешь отметку за храбрость.

Тогда Валериан казался нам очень взрослым, а сейчас мне ясно представляется его детское лицо и совсем детские проказы.

Мы очень любили с Волей гулять по горам. Он всегда придумывал что-нибудь интересное, устраивал какую-нибудь страшную игру с приключениями.

Однажды, гуляя в горах, мы наскочили на змею. Змея ползла на нас, и мы в ужасе бросились бежать.

Воля с гордым видом бросился на нее: вероятно, в это время он воображал себя Суворовым, а змею — целым полчищем врагов. Он храбро наступил на хвост змеи и быстро схватил ее рукой.

Мы торжествовали! Мы всегда гордились храбростью и ловкостью Валериана. Но... крик ужаса! Змея брошена, а «храбрый Суворов» держится за ужаленный палец.

Палец быстро синел и распухал. Мы очень испугались. В нашей компании нашелся один мальчик, который не растерялся, — он туго перевязал веревочкой палец Валериана выше ужаленного места, чтобы опухоль не шла дальше.

Печальные возвращались мы домой. Наш «Суворов» всю дорогу молчал и только перед самым домом сказал:

— Только маме не говорите, а то она подумает, что змея ядовитая...

Обошлось все благополучно — змея оказалась неядовитой.

Как-то мы играли в крокет на полянке возле дома. Вблизи, на другой полянке, паслись гуси и маленькие желтые гусята. Гуси в это время особенно сердитые. Шар от крокета закатился в самую гущу гусиного стада. Гуси насторожились, вытянули шеи. Никто не решался итти за шаром. И вот Воля опять проявил свою храбрость. Высоко подняв над головой крокетный молоток, он двинулся на гусей.

Гуси тревожно окружили его, шипят, щелкают языками, тянутся к нему. Но он смел и ловок. Шар у него в руках, и он торжественно несет его к играющим. Мы хлопаем в ладоши, а отец смеется и говорит:

— Ведь он у нас Суворов!

Мы увлекались игрой в «моды»: из модных журналов вырезывали фигуры людей и играли ими как живыми действующими лицами. Они у нас совершали кругосветные путешествия, терпели крушения, голод, нищету, попадали в снежные заносы...

Мы увлекались, и скоро вместо вырезанных фигурок действующими лицами становились мы сами. Переворачивались столы, стулья, натягивались простыни, и мы плыли по океану.

Вот Надя осталась на берегу — она не успела сесть на корабль. Она по-настоящему плачет, мы все волнуемся, а капитан Миша ни за что не хочет послать за ней шлюпку. Он непреклонен. Но тут Воля бросается в «волны бушующего океана». Мы суетимся, бросаем спасательные круги, бегаем по палубе, вызывая недовольство капитана.

Надя, утомленная, «промокшая», — на борту корабля. Мы заботливо окружаем ее, приводим в сознание, растираем руки, ноги. Воля победоносно смотрит на нас, стряхивает с себя «воду», сушится у «огня». И мы продолжаем свой путь, выражая благодарность Воле, и совершенно серьезно сердимся на Мишу.

Плывем до нового приключения, до новой опасности.

Часто всей семьей уезжали на целый день в горы или в лес. Брали с собой самовар, провизию.

Дети, конечно, и здесь устраивали игры. Разыскивали заблудившихся путешественников, спускались с каменных скал по веревочной лестнице, перекидывали мосты через пропасти.

Воля очень любил пение и музыку. Он хорошо подбирал все слышанные мелодии на мандолине, но голосом

не мог передать ни одного мотива. Он это знал и, когда пели хором, говорил:

— А я буду держать паузу...

Как-то летом у нас на крыльце пела девушка. Песня была печальная. Девушка пела о несчастной сироте, которой некому пожаловаться на свою одинокую жизнь.

Воля, слушая песню, тайком украсил шляпу девушки цветами и незаметно положил ее обратно. Он всегда оказывал певцу или музыканту какое-нибудь, хотя бы маленькое внимание.

На другой день Воля играл на мандолине этот грустный мотив и сложил слова:

Слушайте, товарищи, песенку мою,
Эту песнь сложил ведь я про судьбу свою,
Эта песня вырвалась из души, как стон.
Как-то, братцы, видел я страшный-страшный сон:
Будто бы остался я в свете одинок
И никто мне ласковых слов сказать не мог...

И заканчивалась эта песня:

Но не сон то, братцы, я вам рассказал,
Всю, всю правду-истину от души сказал.

У него были и другие стихотворения, которые он тщательно скрывал от всех и прятал в секретные места.

***

Комната мальчиков выходила окнами в сад. В комнате были кровати, книжный шкаф и большой стол, который они часто обращали в биллиард или в поле сражения для оловянных солдатиков.

Над кроватями висели портреты писателей, а над кроватью Валериана — портрет Суворова, вырезанный из журнала.

Валериан много читал, прятался в глухих уголках сада, чтобы ему не мешали; ночами читал при свете ночника или свечи, чтобы не видели родители.

Отец и мать перед сном всегда проверяли по всем комнатам, не горит ли свет, и почти всегда заставали Волю за чтением.

— Ты приехал отдыхать, а не переутомлять себя ночным чтением, — говорила мама и тушила у Воли свет.

— Хуже, если я буду вас обманывать; вы заснете, а я опять зажгу свет, — говорил Воля.

И когда в доме наступала тишина, он зажигал свет и читал до утра.

Как-то раз Валериан заснул, не погасив лампы. Керосин догорел, и фитиль стал коптить.

Черные пылинки копоти полетели по комнате, превращаясь в хлопья, садясь на белые подушки, на лица спящих мальчиков, забираясь в уши, носы.

Когда утром пришли будить мальчиков, то от черной копоти ничего не было видно. Ребята соскочили с постелей, черные как трубочисты. Поднялась возня, смех, шутки над Волей, который чувствовал свою вину и не старался оправдываться. Он взял тряпку и стал стирать копоть со стола, с окон, стряхивал с подушек, но сажа размазывалась все сильнее и сильнее.

— У нас теперь не комната, а паровозная топка, — шутил Миша.

Валериан в отчаянии смотрел на потолок, на стены, которые тоже были покрыты копотью, он безнадежно махнул рукой, а потом обвязал тряпкой палку и стал вытирать потолок, размазывая черные жирные круги...

За этим занятием застала его мама. Она не сумела удержаться от смеха, глядя на чумазых мальчиков и особенно на Валериана. Она хотела рассердиться, но не могла. Ее замешательством воспользовался Миша. Он так повернул все дело, будто не Воля виноват, а виноваты все вместе.

Долго пришлось отмываться горячей водой, обильно намыливаясь. Терли лица и руки мочалками и все же вышли к столу завтракать далеко не чистыми. За столом много смеялись над мальчиками, особенно папа.

Спешно затопили баню и после завтрака отправили всех «трубочистов» отмываться, а комнату пришлось так же спешно мыть, белить и проветривать.

На Валериана этот случай произвел большое впечатление, несмотря на то что он кончился почти благополучно и даже весело.

Придя из бани и увидав, что комната опять чистая и свежая, Валериан улучил минуту, когда мама была одна, подошел к ней и сказал:

— Я был один виноват. Даю честное слово, что больше обманывать вас не буду, а вас прошу не запрещать мне читать вечерами. Когда в доме тихо, мне читать приятнее, я больше понимаю.

Так Валериан добился для себя права читать по ночам. И мама горестно вздыхала, глядя на бледное лицо и воспаленные глаза Валериана.

Семья Куйбышевых в 1896 году в Кокчетаве. В. Куйбышев сидит во втором ряду первым справа.

— Раз обещала, — говорила она папе, — запрещать не могу. Но нужно внушить ему, что это вредно.

Брат Миша был младше Валериана. Это был очень веселый мальчик, большой выдумщик, необыкновенный фантазер.

Он часто устраивал импровизированные спектакли, в которых сам играл несколько ролей. На другие роли Миша брал совершенно не подготовленных к выступлению, например няню, денщика, а иногда просто надевал на стул пальто и шапку и, когда нужно было этому неживому актеру говорить, искусно делал это сам: он отворачивался от публики и изменял голос.

Спектакли у него получались очень занимательные. Миша придумывал обязательно какую-нибудь драму. Играл с увлечением, в роль свою входил так живо, что нередко по-настоящему плакал, вызывая слезы не только у детей, но и у взрослых зрителей.

Нас всегда интересовал конец пьесы, судьба Мишиных героев, и мы с мест кричали:

— Миша! А кончится хорошо или печально?

Но что мог ответить Миша? Он часто сам не знал, чем кончится его представление. Иногда он вдруг в ходе действия решал кончить совершенно не так, как задумал сначала и как ожидал зритель. Вдруг у него события перевертывались так, что из драмы, над которой только что плакали, получалась веселая комедия и все радостно аплодировали и удачному концу и Мишиной выдумке.

Папа всегда говорил, что Миша у нас будет или знаменитым актером, или драматургом.

Однажды Миша таинственно сообщил Воле, что он слышал разговор папы с мамой: Воля, оказывается, не наш, его взяли у нищих.

Миша об этом разговоре скоро забыл, но Воля забыть не мог.

Воля легко поверил Мише: он сам часто слышал, как знакомые говорили, что он ни на кого из семьи не похож.

Он еще чаще стал уединяться, грустил, плакал по ночам и даже собирался бежать разыскивать своих родителей.

***

Во дворе нашего дома под навесом были сделаны трапеции, лестница, шесты, кольца для упражнений, —

мальчики занимались гимнастикой, акробатикой, а иногда превращали место под навесом в цирковую арену.

Но больше всего Валериан увлекался игрой в солдаты.

Приезжая на каникулы, он собирал мальчиков своего возраста и обучал их военному делу.

Он объявил себя Суворовым, и никто из его «войска» иначе его не называл.

«Суворовское войско» было дисциплинированное, красиво маршировало, совершало большие походы через воображаемые Альпы.

В горах, среди скал, Валериан соорудил крепость, которая охранялась часовыми из его войска. Караул сменялся днем и ночью, и никто без разрешения Суворова не мог пройти в пещеру-крепость.

Однажды ночью, когда все мальчики уснули, Валериан лежал на своей жесткой кровати и большими задумчивыми глазами смотрел в темноту.

За окном бушевала летняя буря. Со скрипом качались деревья, били ветвями по крыше, скреблись в окно. Вспыхивала молния. Собиралась гроза.

Тихий стук в окно. Вот еще и еще. Окно бесшумно открывается, и в раме вырисовывается силуэт мальчика. Это Касым.

— Тише, все спят!

Одним прыжком Касым очутился на кровати Валериана.

— Я опоздал, Суворов? Я долго собирался. Мать заснет — отец не спит. Отец заснет — мать не спит. Я ползком, крадучись ушел...

Валериан торопливо одевался. Вот уже надета шинель, за плечами вещевой мешок.

— Идем!

Тем же путем, каким вошел Касым, — через окно, мальчики спустились в сад. Сильный порыв ветра заставил их остановиться, поднять воротники.

Вот они уже перелезли забор. Обычно с забора видны горы, а сейчас их затянуло темными грозными тучами. Но мальчики хорошо знают дорогу и быстро направляются кратчайшим путем к горам. Перевалить одну гору, там долина, кладбище, а дальше, через крутые, скалистые горы можно быстро перебраться, если знаешь тропинку.

— Суворов, не пойдем через кладбище! Там ночью в грозу ходят умершие. Твоя бабушка умерла, она хо-

дит — тебя ищет. Мой дедушка умер, он ходит — меня ищет.

Валериан смеется. Он знает, что никто не ходит, никого не ищет. Но итти через кладбище всегда бывает почему-то немного страшно. Валериан борется с непонятным страхом, идет и тащит за собой Касыма.

Мальчики останавливаются в темноте. Касым испуганно хватает Волю за руку.

— Суворов, я тебе говорил...

Прямо на них из темноты движется большая белая фигура, размахивая длинными руками.

Касым падает на землю.

— Воля, ложись, я тебя прошу, ложись!.. Суворов, ложись, пожалуйста!

Валериан хватает камень и идет навстречу привидению.

Оглушительные раскаты грома. Молния на миг освещает привидение. Валериан громко смеется и силой тащит Касыма.

— Смотри!

Он зажигает фонарь. Виден большой деревянный белый крест с развевающимися от ветра лентами и ветками венка, — стоит и не думает двигаться с места.

— Ты смелый, Воля, настоящий Суворов! — едва отделавшись от испуга, шепчет Касым. — Я с тобой не боюсь, я обещаю тебе больше не трусить. Я всюду с тобой пойду, Суворов!

— А я тебя не возьму, — сказал Валериан. — Какой ты революционер, если трусишь! — уже серьезно говорит он. — Знаешь, какие революционеры должны быть смелые? Они не должны бояться за свою жизнь, для них нет опасностей.

Мальчики подходят к большой скалистой горе. Борясь с порывами ветра, они взбираются по крутым откосам, цепляясь за уступы камней. Вот еще один перевал, а там крепость.

Два мальчика-часовые ходят около крепости.

— Холодно! Хорошо бы войти в крепость.

— Какой же ты солдат, если боишься холода?

— Почему солдат не может погреться?

— Придет смена — погреемся. Умри на посту, если ты настоящий солдат. Что сказал бы Суворов, если бы мы спрятались? Позор!

— Я пошутил... Кто-то идет.

— Смирно! Приготовься!

— Вольно! — еще издали кричит им Валериан.

Мальчики обмениваются приветствиями, прикладывая руку к козырьку.

— Разжигайте костер. Я вам поесть принес.

Валериан вынимает из мешка молоко и хлеб.

— Воля, а сахар принес? Касым любит сахар! — ласково просит Касым.

— Вот тебе сахар, — Воля дает Касыму пакет.

— Ой, сколько! Вот это я отдам товарищам, это съем сам, а это понесу моей маленькой сестренке. Она любит, когда Касым приносит ей эти маленькие беленькие камешки.

Валериан озабочен.

— Нам нельзя терять времени. Касым, идем в крепость. Вы ешьте, грейтесь, а если заметите приближение постороннего, давайте условный сигнал.

Темная небольшая пещера образовалась между громадными камнями, навалившимися друг на друга.

Войдя в пещеру, Валериан и Касым закрывают вход большим камнем. Из-под другого камня, лежащего на дне пещеры, Валериан извлекает сверток бумаг, — это прокламации.

— Жаль, Касым, что ты не умеешь читать! Вот в этих бумагах написано, что пора жизнь перевернуть так, чтобы не было бедных и богатых, а были бы все одинаковы, чтобы у всех был хлеб и сахар...

— Чтобы казахские дети не умирали с голоду и чтобы наши матери не болели от тяжелой работы? — перебивает его Касым.

— Да, да, здесь все это написано. Здесь написано и о том, что царь притесняет народ, держит его в голоде и в холоде, а богачи все богатеют. Здесь все-все написано!

Валериан внимательно перечитывает прокламацию, затем свертывает ее трубочкой и перевязывает цветным гарусом, которого захватил из дому целый клубок. И так каждую, чтоб ветер не разнес...

Касым помогает ему.

— Воля, мне очень хочется уметь читать. Я хочу много-много знать, как ты, Суворов! Хочу читать интересные книжки, о которых ты мне рассказывал. Я очень люблю слушать тебя, а потом, когда лягу, долго-долго думаю о том, что ты мне рассказывал, сестренке рассказываю. Да она у меня еще маленькая, не все понимает...

— Тебе обязательно нужно научиться читать. Я попрошу маму, чтобы она с тобой зимой позанималась.

Набив карманы прокламациями, мальчики вышли из пещеры.

***

Утром жители Кокчетава нашли на своих окнах, в дверях прокламации, перевязанные цветным гарусом. Прокламации были разбросаны также в воинской казарме. Каждый солдат нашел у себя под подушкой трубочку.

Солдаты оживленно обсуждали прочитанное, спорили и, как только появлялся фельдфебель, прятали прокламации за голенища или в карманы.

А отец Валериана, начальник воинской команды, ходил по своему маленькому кабинету и нервно курил. На столе у него лежала целая куча трубочек. Он сразу догадался, кто разбросал прокламации: трубочки были перевязаны гарусом, тем самым берлинским гарусом, которым мать Валериана вышивала скатерти. Весь город знал этот цветной гарус, выписанный специально для вышивки скатертей.

«Это сделал Валериан, но кто научил его?»

***

Вся семья сидела за обеденным столом. Отец что-то задержался. Мама часто смотрела в окно, тревожно прислушивалась к шагам.

— Не случилось ли что-нибудь? Папа всегда такой аккуратный, он не любит, чтобы его ждали...

Наконец пришел отец. Он угрюм, не улыбается, не шутит. Беглый взгляд на Валериана. Валериан опустил голову и мешает ложкой суп, который и без того остыл.

— Что случилось? — тревожно спрашивает мама, вглядываясь в взволнованное лицо отца.

— Какие-то глупые мальчишки появились у нас в городе, их нужно как следует наказать...

Не глядя на Валериана, отец рассказывает о каких-то мальчишках, которых кто-то научил нехорошим поступкам.

Отец говорит долго, волнуется.

Все прислушиваются и не могут уловить главной мысли: чем же так расстроен отец?

— Кто их научил? Я все равно узнаю, достанется и тем и другим, — продолжает отец и вдруг после некоторого молчания обращается к Валериану: — Это ты?

— Да, я! — тихо, но твердо отвечает Валериан и прямо смотрит в глаза отцу.

С шумом отодвигается кресло, отец бросает салфетку и выходит из столовой. За ним следом выходит мать. Все мы с затаенным дыханием ждем, что будет дальше, чем все это кончится. Валериан тоже выходит из-за стола. Он ложится на свою кровать и большими задумчивыми глазами смотрит куда-то далеко-далеко...

...А на полянке возле дома Валериана ждет его войско. Оттуда слышна команда:

— Шагом марш! Левой, правой, левой, правой!

Валериан порывисто встает и выбегает на улицу.

Через несколько минут уже раздается команда Валериана:

— Левой, правой... На плечо!..

***

Отец рассказывает матери о происшедшем. Прислушиваясь к голосу Валериана, он говорит:

— Какое противоречие: может играть, как ребенок, увлекается игрой в солдаты с игрушечными деревянными ружьями и тут же разбрасывает прокламации, мутит солдат... Кто дал ему эти прокламации? Узнать бы, кто дал!

Отец опять ходит по комнате и курит, курит...

— Позови мне, пожалуйста, Волю! — просит он маму.

— Только не волнуйся и будь с ним осторожен, он тоже нервничает, — просит мать и идет звать Волю.

Мы, встревоженные тем, что папа позвал Волю к себе в кабинет, побежали подслушивать.

Валериан остановился в дверях.

— Вы меня звали, папа?

Отец ходит по комнате и задает Валериану вопросы: кто ему дал прокламации, с кем он разбрасывал их.

Валериан стоит перед отцом и молчит.

— Я еще и еще раз спрашиваю тебя: кто дал тебе эти прокламации, эти глупые бумажонки?

Валериан смотрит на дым, который расплывается по комнате, наполняя ее сизо-серым туманом, и молчит.

— Рано ты занялся политикой! Ты еще мальчик. Тебе ли бороться с такой силой, как царь?

— Народ — сила, а не царь. И народ сбросит царя, — отвечает Валериан. — Мы не боимся грубого царского сапога...

Отец в недоумении останавливается.

— Кто это «мы»?
— Мы — народ...
— Кто тебе дал прокламации? — скрывая свое изумление, опять спрашивает отец.
— Партия, в которой я скоро буду состоять, — не по-детски серьезно отвечает Валериан.
Неожиданно отец порывисто обнял Валериана и взволнованным голосом сказал:
— Иди, мой мальчик, играй!..
Валериану в это время было четырнадцать лет.

***

После объяснения с отцом Валериан нервничал и не мог уснуть. Ему припомнился рассказ Миши, что он чужой в семье; вспомнились неприятности по поводу ночного чтения; одиночество в кадетском корпусе, где учились генеральские сынки и он, Валериан, не мог себе найти хорошего, задушевного друга.
Отец тоже не спал. Он был взволнован случившимся, в его ушах еще звучали слова Валериана: «Мне их дала партия, в которой я скоро буду состоять».
«Мальчик, совсем мальчик, и вдруг революционер! — думал отец. — Не отразилось бы это на учении... Узнает начальство...»
Отец ясно представлял себе, как поступит начальство, узнав, что воспитанник кадетского корпуса — революционер.
Он пошел посмотреть, спит ли Воля, тихо подошел к комнате мальчиков и стал прислушиваться.
Всхлипывание. Кто это плачет? Уж не Валериан ли? Может быть, раскаивается? Может быть, он тоже боится последствий?..
Отец вошел в комнату, сел на кровать к Воле.
— О чем?
Молчание.
— Ну, о чем ты? А еще революционер! «Мы сила», «Мы народ»...
— Где мои родители? Зачем вы взяли меня? Зачем вы меня обманываете?
— Постой, постой! Кто взял? Откуда взяли? Что за чушь?!
— Мне Миша все сказал... Он слышал, как вы с мамой говорили, что я не похож ни на кого из семьи, вы взяли меня у нищих...

Валериан Куйбышев в восьмилетнем возрасте (1896 год).

Долго уговаривал отец Валериана; он говорил, что это очередная Мишина выдумка, что нельзя такому большому, серьезному мальчику верить всякой чепухе.

Пришлось разбудить Мишу и вместе с ним уверять Волю, что это была шутка.

Долго сидел папа около Валериана и беседовал с ним. Ласковый, задушевный тон отца успокоил Волю, и он даже стал откровеннее.

— Вот вы говорите, нужно бросить политику и учиться, — возражал он отцу. — Но разве я не учусь? Я отличный ученик. Я знаю: нужно много учиться, чтобы стать хорошим революционером. Я это все знаю. Вы смеетесь надо мной, что я увлекаюсь игрой в солдаты... Я в корпусе очень одинок, у меня нет товарищей. Я многих просто ненавижу за их любовь к франтовству и танцам. У нас редко можно встретить мальчика, который бы заинтересовался чтением, изобретениями, путешествиями... Только танцами, только прогулками и увлекаются... И вот, когда я приезжаю домой, я подбираю себе товарищей, которые так же, как и я, любят путешествовать, изобретать, которые любят, когда я им читаю или рассказываю прочитанное...

Валериан помолчал, взор его устремился куда-то в темноту. Колыхающееся пламя свечи, с которой пришел отец, освещало большие грустные глаза и бледное, взволнованное лицо мальчика.

— Вот и я играю в солдаты, — заговорил он опять. — Я приучаю их к дисциплине. Мне кажется, что я воспитываю войско, которое пойдет за мной строить баррикады, свергать царя и переделывать жизнь бедняков. Вы не думайте, папа, что меня кто-нибудь тащит к революционной работе. Я много читал о революционерах, об их работе, их страданиях, о трудностях борьбы... И вот сам иду, сам прошу дать мне революционную работу. Я буду в партии, это твердо! Я к этому стремлюсь... Вы не понимаете меня?

Отец молча разглядывал своего мальчика. Он гладил его волосы, плечи, брал его руку, заглядывал ему в глаза и думал: «Какой я отец, если не видел, не заметил, как вырос этот мальчик! Смогу ли я удержать его от такой трудной, такой опасной жизни? Ну, а чем я ему помогу?»

Уже настало утро, когда отец ушел к себе. Он так и не уснул. У него появилась большая забота: он не знал, что делать, как помочь мальчику. Нужно ли мешать ему?

Воля тоже не уснул в эту ночь.

Весь день он был бледен, задумчив. Мы все то и дело поглядывали на него и старались уступить ему самую вкусную конфетку, сделать для него что-нибудь приятное.

А когда пришел с работы отец, он ласково-дружески потрепал Волю по голове и сказал:

— Ничего, брат, все будет хорошо! Будь молодцом...

Мы очень радовались, что все кончилось так хорошо и для Воли и для папы.

Юный революционер

Из старших классов Валериан приезжал в Кокчетав совсем серьезным. Он уже не устраивал с нами шумных, веселых игр, но всегда был ласков и внимателен.

Игру в солдаты он тоже забросил. Теперь Воля много читал, уходя далеко в горы.

С мамой у него все чаще и чаще стали повторяться столкновения. Маме не нравилось, что ее сын говорит денщикам «вы» и здоровается с ними за руку, дает им читать книги, беседует с ними в кухне или в саду.

— Ну, какой из тебя выйдет офицер, — говорила она, — когда ты не умеешь себя вести с солдатом! Разве он после этого будет тебя уважать и слушать?

— А почему я не могу беседовать с денщиком? — говорил в ответ Воля. — Он ведь такой же человек, как я... И почему я должен говорить ему «ты»?

Мама очень сердилась, она бессильна была доказать ему свою правоту, и ссоры повторялись.

Нас все это страшно волновало. Мы боялись за маму, мы всегда боялись за ее сердце, когда она начинала нервничать, но и брата нам было жаль: мы все относились к нему с особым уважением, нам казалось, что он всегда и во всем прав.

Нас огорчала мысль, что Воля не любит маму, и мы были страшно обрадованы, когда из кадетского корпуса он прислал свое собственное стихотворение, посвященное ей:

Откуда, ласточки, вы быстро так летите?
Быть может, вы покинули край родины моей?
Ну что она? Ну что же вы молчите?
Скажите же вы мне хоть что-нибудь о ней.

Быть может, вы в долине той летали,
Где хижина стоит на берегу реки,
Где дни мои так быстро протекали,
Где годы детства милого прошли?

Бывало всей семьей мы на брегу сидели
И вместе наслаждалися прекрасным летним днем...
Быть может, ласточки, вы около летели?
Ну что мой дом? Скажите же вы мне
Хоть что-нибудь о нем...
Все так же милая, любимая мной мать
В слезах меня все поджидает?
О как бы я хотел скорей ее обнять!
О скоро ли мгновенье то настанет?

Значит, Воля попрежнему любит маму! Радости нашей не было конца.

Наша мама была очень религиозна, она много молилась, ходила в церковь, простаивала там целыми часами на коленях. Особенно религиозной она стала, когда нашу семью постигло большое несчастье: Миша, наш веселый, шаловливый Миша погиб.

Он уже учился в кадетском корпусе, перешел в четвертый класс, ему было четырнадцать лет. Однажды он отправился к своему товарищу, тоже воспитаннику кадетского корпуса, чтобы позвать его с нами в горы. Мы долго ждали их и хотели уже отправиться одни, как узнали о происшедшем несчастье. Оказалось, что Миша, дожидаясь товарища, стал рассматривать ружье. В это время товарищ вошел и сказал:

— Что ты так осторожно его рассматриваешь? Ведь оно не заряжено!

Взял из Мишиных рук ружье и прицелился в него. Раздался выстрел, и Миша упал замертво, сраженный пулей.

Все это, конечно, произошло случайно, товарищ был уверен, что ружье не заряжено...

Трудно описать скорбь, которая долго не покидала нашу семью.

Могила Миши в Кокчетаве. Недавно пионеры этого города писали мне, что они ходили экскурсией, чтобы посмотреть, где похоронен брат Валериана Владимировича Куйбышева.

Каждое воскресенье мама заставляла нас ходить в церковь. Мы не были религиозны, но посещение церкви было для нас развлечением.

Мама любила, чтобы из церкви мы возвращались все вместе. Она говорила:

— Так приятно смотреть на большую, дружную семью.

Ее огорчало, что Воля под различными предлогами отказывался итти в церковь: то сапог жмет, то зуб болит, то голова... А когда он и был в церкви, маму это мало радовало.

— Папа и Воля лба не перекрестят, — говорила она огорченно.

Дома, ложась спать, мы тоже молились. Молитвы наши были всегда одни и те же. Мы просили бога, чтобы он послал всем здоровье, и перечисляли всю нашу громадную семью, с бабушками, тетями, дядями, по старшинству, никогда никого не забывая.

В последние годы детства, помню, к нашей молитве прибавилась еще одна просьба:

«Дай боже, чтобы Толя, Надя и Воля верили в бога и признавали царя».

Мы все знали, что наши старшие ненавидят царя, но что об этом нельзя говорить, так как наш папа военный. Мы даже знали много запрещенных песен и распевали их украдкой.

Когда я и моя сестра Женя были в старших классах гимназии, папа нам говорил:

— Девочки, не говорите своим подругам, что у вас брат политический.

И когда мы знакомились с новыми подругами и нам приходилось говорить о нашей семье, мы старались пропустить имя Валериана, чтобы не выдавать тайну.

***

Старшая сестра, Надя, окончив гимназию, осталась жить в Омске; она готовилась на аттестат зрелости и, чтобы учиться и содержать себя, давала уроки.

Жила она на тихой улице, почти на окраине города, занимала с подругой маленький домик. Домик этот смотрел окнами во двор, на улицу же выходила глухая стена.

В этом домике была явочная квартира для партийных работников Здесь некоторое время помещалась подпольная типография, в которой работала сестра со своей подругой. Здесь же устраивались собрания молодежи, читались рефераты, писались воззвания, прокламации, готовились агитаторы и пропагандисты.

Из кадетского корпуса воспитанников отпускали только перед праздниками и на праздничные дни.

Валериан всегда с нетерпением ждал праздника, чтобы скорее отправиться к сестре, куда его неудержимо влекла интересная работа, чудесные товарищи, от которых можно было узнать, как нужно жить, чтобы жизнь была полезная и правильная.

Сестра рассказывает, что Валериан начал выступать на собраниях с рефератами и докладами, еще не будучи в партии.

— Я всегда поражалась, с каким жаром и подъемом Валериан выступал на собраниях, я завидовала его умению говорить, хорошо и просто объяснять самые трудные политические вопросы, — вспоминает сестра.

Валериан в мундире воспитанника кадетского корпуса шел на собрания, разносил листовки, проникал в казармы, беседовал с солдатами, оставлял у них запрещенную литературу и прокламации.

Первое время рабочая молодежь относилась к юноше в военной форме с некоторым недоверием. Но вскоре рабочие убедились, что юноша в мундире настоящий товарищ и учитель, хорошо и просто знакомит их с политическими событиями и учит, как надо действовать в борьбе с врагами пролетариата.

— Ничего, что он был кадет, сын полковника, что на его плечах красовались погоны, мы скоро поняли, что не в одежде дело, — рассказывал мне недавно один омский железнодорожник. — Помню, как он яростно выступал перед нами, рабочими, после январских событий 1905 года. Сам совсем мальчик, а так говорил, что все как один закричали: «Долой царя! К оружию! Этого терпеть больше нельзя!»

В январе 1905 года в Петербурге произошло событие, весть о котором прокатилась по всей России.

Рабочие Петербурга, измученные тяжелой жизнью, собрались большой толпой и пошли к царю просить о помощи.

Они шли со своими женами, отцами, матерями и детьми, несли иконы и портреты царя. Шли безоружные. Они несли царю петицию — прошение о том, чтобы он им помог своей милостью, чтобы не дал им погибнуть голодной смертью.

В петиции говорилось:

«Мы, рабочие города Петербурга, наши жены, дети и

беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей... Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол... Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук...»

Они шли к Зимнему дворцу, где находился тогда царь Николай Второй. Всего собралось свыше ста сорока тысяч человек.

Царь приказал стрелять в безоружную толпу. Больше тысячи рабочих было убито царскими войсками, более двух тысяч ранено. Улицы Петербурга были залиты кровью рабочих.

Большевики понимали провокационный характер такой демонстрации, но массы еще верили царю, и большевики шли вместе с рабочими. Многие из них были убиты или арестованы. Тут же, на залитых рабочей кровью улицах, они объясняли рабочим, кто виновник этого ужасного злодеяния и как нужно с ним бороться.

Об этом событии большевики рассказывали на всех рабочих собраниях, по всем городам и местечкам России.

В Омске среди рабочих-железнодорожников тоже выступал оратор-большевик. Он рассказал собравшимся о кровавой расправе с мирными демонстрантами. Это был Куйбышев.

Валериан был страшно взволнован. Он выступил с яркой речью, призывая к протесту.

— Пиши, пиши протест! Все подпишемся, все как один! — волновалась аудитория.

— Долой царя! К оружию! — неслись крики возмущенных рабочих.

Валериан составил протест с требованием расправы с виновниками расстрела. Протест был подписан всеми участниками собрания и отправлен в Петербург, к царю.

Валериан произнес еще одну речь перед рабочей молодежью и учащимися. Он знал своих слушателей, верил, что все они будут возмущены царским произволом, и не ошибся.

— К оружию! Долой царя! — кричали присутствующие.

И еще один протест, подписанный рабочей молодежью и учащимися, полетел к царю в Петербург.

Возбужденный, взволнованный вернулся Валериан в кадетский корпус. Он решил, что кадеты тоже возмутятся злобной, зверской расправой царя и тоже подпишутся под протестом. Но генеральские сынки иначе смотрели на жестокую расправу.

Они готовились быть, как и их отцы, царскими полковниками, генералами, так же как и отцы, слепо поклонялись царю и на жестокую расправу смотрели как на естественную необходимость: царь приказал, значит так нужно...

Валериан зачитал двум-трем кадетам написанный им протест, познакомил их с петицией петербургских рабочих, рассказал, что заставило рабочих итти к царю просить милостыню, просить хлеба. Он говорил им о возмущении рабочих всей страны. Он призывал и их подписаться под протестом.

Рассказ Валериана привлек еще несколько человек, и Валериан, воодушевленный тем, что его слушают, рассчитывая на поддержку воспитанников, стал говорить еще горячее. Толпа слушателей росла, образовался митинг.

— Это ты сочинил? — спросил Валериана кадет Ребровцев. Он держал в руках протест, написанный Валерианом.

— Я.

— Ты должен отказаться от своих слов и порвать протест! — со злостью выкрикнул Ребровцев.

— И не подумаю!

— Ты позоришь стены кадетского корпуса, ты позоришь свои погоны, честь офицера!

— Протест я рвать не буду и уверен, что если ты хорошенько подумаешь, то и сам подпишешься.

— Ты что, хочешь учить царя, как он должен поступать? Я повторяю: если ты не порвешь протеста и не откажешься от своих слов в присутствии всей роты, мы будем с тобой говорить иначе.

— Не откажусь и не порву, — твердо стоял на своем Валериан.

Кадеты удалились в один из классов и стали обсуждать, как поступить с Валерианом.

Валериан остался один, — даже та маленькая группа товарищей, которая соглашалась с ним, удалилась на совещание. Струсили!

Много в эти минуты передумал Воля и твердо решил

Валериан Куйбышев в 189[illegible] году (в форме кадетского корпуса).

стоять на своем: не рвать протеста и не отказываться от своих слов.

И вот дверь отворилась. Шумная толпа ворвалась в зал и окружила Валериана. Он был один среди врагов.

— Мы еще раз предлагаем тебе отказаться от своих слов, — заявил Ребровцев.

— Я еще и еще раз повторяю, что отказываться от своих слов не буду, протест не порву. Пусть под ним будет моя единственная подпись, но я его пошлю к царю в Питер.

— Мы выкинем тебя из нашего общества!

— Кто это «мы»? И из какого общества вы хотите меня выкинуть?

— Мы, дворяне, будущие защитники царя, которые по первому зову его императорского величества...

— ...пойдете стрелять в невинных рабочих с их семьями только за то, что они придут к царю просить хлеба и милости... — перебил Ребровцева Валериан.

— Мы выкинем тебя из нашего общества... Твое общество мы знаем: оно... там, с рабочими Питера. Мы объявляем тебе бойкот...

Валериан окинул взглядом толпу и увидел, что те, которые несколько минут назад соглашались с ним, стыдливо прячутся за спины других кадетов. Он увидел, что большинство настроено к нему враждебно, что разговаривать с ними, агитировать их нет никакого смысла. Он вспомнил другую аудиторию. Там внимательно слушали его, там были свои, товарищи, а здесь — будущие господа офицеры, которые с нагайками в руках будут бороться против его товарищей — рабочих.

— Ты молчишь? Обдумываешь? Согласен порвать протест?

— Нет, — твердо сказал Валериан и, повернувшись, вышел из зала.

— Бойкот! Бойкот! Мы объявляем тебе бойкот! Крамольник! Вон из корпуса! Тебе здесь не место! — кричали кадеты.

Протест с одинокой подписью Валериана полетел в Петербург, к царю.

Бойкотом не ограничились. Донесли начальству. Заволновалось корпусное начальство. Произвели обыск в книгах Валериана.

Ребровцев принимал деятельное участие в обыске, по-

могая воспитателю разбирать книги и тетради, лежащие в парте Валериана.

Были найдены «Письма» Лаврова, сочинения Энгельса.

— Вас должны бы исключить из кадетского корпуса, — говорил Валериану воспитатель, — но ваш отец... Я думаю, что все обойдется благополучно. Только вам придется образумиться.

Валериан решил молчать, не возражать воспитателю — до окончания корпуса осталось несколько месяцев. Нужно обязательно удержаться и закончить учение... Так советуют и старшие партийные товарищи.

Наказание

В громадном кабинете директора по всему полу пушистый бархатный ковер, громадный стол с массивным письменным прибором. На стенах портреты царей. За столом почтенный старик-генерал с окладистой седой бородой. Это директор кадетского корпуса.

Валериан стоит навытяжку, по-военному. Здесь же сидит воспитатель. Он принес директору все, что было найдено при обыске.

— Крамолы в стенах вверенного мне корпуса не допущу. Вы были мною замечены еще в пятом классе как юноша не совсем правильных взглядов... Ваши споры со священником — лицом, которое все уважают и с мнением которого считаются... Вы были наказаны — лишены похвального листа, хотя за хорошее учение должны были его получить. Вы помните, что перед всем строем вам было объявлено, что за второе замечание следует исключение? Вы это помните?

Генерал говорил тягучим тоном, не глядя на Валериана.

— Вы как лучший ученик корпуса должны его закончить... Вас исключать не будут — за вас просит отец, почтенный человек, офицер, награжденный орденами за русско-японскую войну, честный, порядочный офицер. Я уважаю его и не могу отказать ему в просьбе... На бал к губернатору вы поедете, хотя там должны присутствовать только безупречные... Списки лучших воспитанников, заканчивающих в этом году, уже посланы ему... На балу вы должны быть. Но три дня вы отсидите в карцере. За

эти три дня вы должны обдумать... свои поступки... раскаяться в них... Вы как будущий офицер...

Валериан перебил директора:

— Виноват, я уже говорил, что в военное училище не пойду, офицером не буду...

Генерал, как бы не слыша, повторил:

— Вы как будущий офицер, защитник царя... вы должны с честью носить свой мундир...

— Я еще раз должен вам напомнить, ваше превосходительство, что офицером я не собираюсь быть... Увольте от поездки на бал к губернатору.

— Вы несовершеннолетний и судьбой своей не распоряжаетесь! В военном училище вас научат, как нужно уважать мундир, звание офицера, и выбьют вольнодумство... В карцер на три дня! А потом на бал к губернатору.

Валериан по-военному повернулся и вышел из кабинета. Открывая массивную дубовую дверь, он столкнулся с Ребровцевым, который подглядывал в замочную скважину.

— Подслушиваешь? Это украшает тебя и твои погоны. Ты с достоинством носишь мундир... Шпион!

***

В карцер Валериана привел дядька (так назывались солдаты, обслуживающие кадет). В руках у дядьки была большая связка ключей, они гремели, как кандальные цепи. Неожиданно откуда-то появился Ребровцев.

— А ты проверил, что у арестанта в карманах? — грубо обратился он к дядьке. — И почему без конвойного? Что ты, порядка не знаешь?

— Я... я... так приказали его превосходительство господин директор, — испуганно стал оправдываться дядька. — «Веди, грит, его в карцер, грит, на три дня...»

— Грит... грит... — передразнил Ребровцев дядьку. — Болван! Обыщи карманы!

Валериан старался держаться спокойно.

— Я не арестант, а наказанный, а дядька не болван, а человек, и ты не смеешь с ним так разговаривать!

— Если ты не арестант, то будешь им, я тебе это пророчу.

— А ты был, есть и будешь шпион — здесь не нужно даже моего пророчества, — спокойно ответил Валериан и вошел через маленькую дверь в карцер.

Дверь захлопнулась, большой ключ повернулся в скважине два раза, послышались удаляющиеся шаги дядьки, бряцание связки ключей. И вдруг наступила полная, глухая тишина.

— Арестант... — вслух сказал себе Валериан.

Он осмотрел комнату: три шага вдоль и два поперек; небольшое окно во двор, — стекло давно не мылось, и трудно через него что-нибудь увидеть. Из мебели только кровать и ученическая парта — больше ничего.

Промерив несколько раз шагами комнату вдоль и поперек, Валериан осмотрел замочную скважину и, убедившись, что через нее из коридора подсматривать невозможно, сел на парту, вынул из голенища сапога свернутую в трубочку тетрадку и углубился в чтение.

Это была перепечатанная на папиросной бумаге в подпольной типографии книга Ленина «Шаг вперед — два шага назад».

Все три дня в карцере Валериан изучал эту книгу, тщательно пряча ее в сапог, как только до него долетали из коридора звуки шагов.

Через три дня — суббота, и Валериан уйдет из корпуса туда, в маленький домик, к сестре. Туда придут его товарищи рабочие, он им должен рассказать, что́ Ленин писал в этой книге, как учил распознавать меньшевиков и как нужно бороться с ними.

Валериан ходил по комнате, обдумывая план своего выступления. Нужно так хорошо запомнить, чтобы рассказать товарищам все, чтобы и им так же стала ясна цель борьбы с меньшевиками, как она ясна теперь ему, Валериану.

Три дня прошли незаметно. Когда дядька приносил обед Валериану, он рассказывал о корпусных новостях, о том, как злится Ребровцев, как он его постоянно расспрашивает, что делает арестант, не читает ли...

Вот и суббота. Вечером можно уйти домой в отпуск на целые сутки.

Но директор настоял, чтобы Куйбышев был на балу у губернатора.

Начальству было невыгодно показать, что в стенах корпуса завелась «крамола»; это ложилось пятном на репутацию директора, и он поэтому всеми силами старался скрыть происшедшее от губернатора.

Бал

Во дворец к губернатору кадет привели строем. Воспитатель несколько раз тщательно осмотрел, всё ли в порядке, все ли по правилу одеты, достаточно ли начищены пуговицы, сапоги и погоны.

— Господа, господа! Главное — дисциплина и порядок, — то и дело твердил он, еще и еще раз оглядывая каждого воспитанника, но вдруг в ужасе закричал: — Перчатки, белые перчатки забыли! Что же вы? Убили, зарезали меня... Что скажет губернатор!

И когда все воспитанники натянули на свои руки белые, такие же ослепительно-белые, как погоны, перчатки, он успокоился и совсем довольный, оглядев еще раз кадет, провел их в особо отведенную им комнату.

— Побудьте здесь, оправьтесь... Вот зеркало. А я пойду доложу его превосходительству.

Он суетливо убежал, а кадеты непринужденно развалились на мягких удобных креслах и диванах. Все устали после дневных занятий, приготовлений и волнений перед этим блестящим балом, на котором будет присутствовать сам губернатор.

Валериан сел у окна и грустно смотрел на ярко освещенную площадку у подъезда. Там дальше был глубокий мрак, и было странно, когда из него неожиданно появлялись люди.

То и дело подъезжали экипажи, из них выходили разнаряженные девушки с важными мамашами, блестящие стройные офицеры.

Вот парами, длинной вереницей привели гимназисток, среди них есть знакомые. Валериан узнает Веру. Она летом тоже живет в Кокчетаве, и они там часто встречаются — друзья детства.

И Валериан думает о Кокчетаве, об отце и матери: как-то они отнесутся к тому, что он откажется пойти в военное училище? Будут уговаривать: в военном училище бесплатное обучение, это единственная возможность продолжать образование. Мама будет плакать, просить... Валериану тяжело думать об этом. Он знает, что придется выдержать упорную борьбу.

Он так был поглощен своими мыслями, что не слышал, как его окликнул Ребровцев. И только смех воспитанников привел его в себя.

— Что такое?

Вместо ответа Ребровцев запел слова Онегина:

Зачем приехал я на этот глупый бал? Зачем?..

А потом, с хохотом пройдясь по комнате, он опять остановился перед Валерианом и продолжал петь:

Как Чацкий — из... тюрьмы на бал...

— Я бы тебе советовал паясничанье приберечь, оно тебе на балу больше пригодится, — сказал Валериан.

Ребровцев не унимался:

— Он у нас Чацкий, он Печорин, он Онегин, он...

— Крамольник, — подсказал ему Валериан, — я уже это знаю. Уймись...

Вошел воспитатель, взволнованно призвал к порядку. Команда:

— Смирно!

Входят, звеня шпорами, губернатор и директор корпуса.

— Довожу до сведения вашего высокопревосходительства... — рапортует директор губернатору.

— Вольно, вольно... — сказал губернатор. — Я уже знаю, что здесь лучшие воспитанники корпуса, будущие защитники царя и отечества, все славные сыны матушки России, которые грудью будут защищать ее от врагов внешних и внутренних. Это все потом, там в корпусе. А сейчас молодые люди должны веселиться... Итак, господа, пожалуйте...

Легкой поступью по пышным коврам лестницы шагают кадеты в зал. Ослепительный блеск люстр... музыка... шум голосов... нарядная толпа...

«Только бы скорее уйти», думает Валериан, проходя в глубь зала, где в ожидании их стоят гимназистки. С ними молодые люди должны в парах менуэтом пройтись мимо губернатора и почетных гостей.

«Только бы скорее уйти», не покидает мысль Валериана, и ему страшно: а вдруг он не сможет уйти? Что тогда? Там ждут... Подумают, что он рад этому глупому балу с этими противными церемониями.

— А знаешь, я хотел выступить перед губернатором и сказать, что среди нас есть крамольник, — шепчет Валериану Ребровцев.

— И, как всегда, струсил, — спокойно ответил Валериан и направился к знакомой девушке.

Вера удивлена: она слышала, что Валериан в карцере.

и думала, что его здесь не будет, — пришла только для того, чтобы узнать, когда выпустят его.

— Я сейчас попытаюсь уйти. Мне не хочется оставаться здесь. Знаешь, Вера, как-то странно танцовать здесь, видеть нарядных, веселых людей и вдруг хоть на миг представить себе Петербург, улицы, залитые кровью рабочих...

— Тише, Воля, разве здесь можно об этом говорить!

Они двигаются по большому красивому залу в танце. Валериану хочется еще много-много сказать девушке, но он не знает, можно ли ей доверять свои мысли и тайны.

— Меня Ребровцев предупреждал, что с тобой опасно танцовать, — смеялась Вера.

— А ты все-таки решилась? Не боишься?

— Не боюсь! Я тоже стала совсем-совсем другая... Мне так надоело наше общество. Я тоже чего-то ищу, а найти ответа не могу...

— У тебя есть подруги, которые нашли ответ на многие вопросы, например моя сестра Надя, ее подруга Соня, которая живет с ней. Они не жалуются на скуку, как ты, и не ходят по губернаторским балам.

— Я пробовала бывать у них, но они как-то странно относятся ко мне. Нам не о чем говорить...

Валериану стало еще скучнее, его так потянуло туда, к рабочей молодежи, что он решил сейчас же уйти. Пусть накажут за самовольную отлучку, все равно.

Он сказал Вере, что уходит.

— Я тоже пойду, мне нужно поговорить с тобой...

Выйдя из губернаторского дворца, они пошли сначала по освещенной главной улице, а потом свернули на малопроезжую темную улицу.

— Я тороплюсь, Вера, мне нужно успеть.

— Воля, я тоже хочу принять участие в революции. Я хочу быть с тобой, с Надей... Но мне кажется, что сначала нужно учиться, а потом делать революцию. И зачем тебе и Наде сейчас вмешиваться в эти страшные дела... огорчать родителей... срывать учение? Пусть революцию делают рабочие. Пусть они строят баррикады и добиваются своих прав. А что нужно тебе, Наде, мне? У нас все есть. Мы должны учиться...

— Ну, мне пора, — нетерпеливо сказал Валериан. — Учитесь, успокойте своих родителей, ждите, когда рабочие для вас что-то сделают. Я уверяю вас, что они и без вашей помощи обойдутся. И жизнь пройдет мимо вас.

Валериан Куйбышев в Кокчетаве (1905 год).

Вы, как песчинки, будете носиться, и никто на вас не обратит внимания, никому вы не будете нужны. Сидите и копайтесь в своих вопросах, которые не можете разрешить...

И он быстро зашагал по улице.

— Воля! Ты меня не понял... Воля!

Но Валериан не слышал ее, он шел быстро, не оборачиваясь.

Валериана ждали с тревогой. Его друзья знали, что он наказан и что после наказания он должен был быть на губернаторском балу. Они все были уверены, что он вырвется из дворца и прибежит.

В темноте глухой улицы его окликнул знакомый голос:

— Кто идет?

— Свой... свой, — тихо, но внятно ответил Валериан и поздоровался с пожилым рабочим.

— Мы уже начали опасаться, что не придешь. А ты белые перчатки-то не снял... Ишь, каким франтом выглядишь! Не проследили за тобой?

— Не беспокойся, товарищ! Я нарочно шел франтом, чтобы ни у кого подозрения не было, — смеясь, ответил Валериан.

Твердое решение

В стенах кадетского корпуса Валериан чувствовал себя совсем чужим.

Большинство кадет мечтало о блестящей военной карьере, о геройских подвигах в боях «за веру и отечество», о красивой, шумной, сытой жизни.

Валериан твердо решил быть профессионалом-революционером, он наметил себе ясный и верный путь.

Как он и ожидал, родители запротестовали против того, чтобы он бросал военное образование.

— Я не хочу и не могу быть офицером... не могу по своим убеждениям. Неужели вы не понимаете, мама?

— Какие у тебя могут быть убеждения! Ты мальчик, тебе семнадцать лет. Потом будешь жалеть и меня же обвинять, что я не настояла на своем.

Мама начинала сердиться и нервничать.

Воля замолкал, а через некоторое время разговор возобновлялся:

— Мамочка, я знаю, что у вас лишних денег нет. Я буду зарабатывать уроками.

— Будешь бегать по всему Петербургу в поисках уроков, будешь голодать. А в военном училище тепло, уютно, хорошо кормят.

Но Валериан настаивал на своем.

Отца в это время в Кокчетаве не было: он лечился в Петербурге.

Мама со слезами писала ему большие письма, советовалась, просила повлиять на Валериана и наконец все же принуждена была подать директору кадетского корпуса прошение об освобождении ее сына вследствие слабого здоровья от ученья в военном училище. Мать просила определить его в Военно-медицинскую академию на казенный счет.

В просьбе матери было отказано. «Куйбышев обладает достаточным здоровьем, — ответил директор, — и подлежит переводу из кадетского корпуса в Павловское военное училище».

В это время в Кокчетав возвратился из Петербурга отец. Он вместе с матерью стал уговаривать Валериана.

Но Валериан был непоколебим в своем решении.

— В военное училище не пойду. Офицером не буду!

В конце концов, после долгих споров, отец уступил. Он сказал матери:

— Согласимся, а? Пусть мальчик учится, где хочет. Средства найдем. Вот брошу курить — экономия будет, пошлем ему несколько десятков рублей. А там уроки найдет. Пусть к самостоятельности привыкает. Видишь, какой он у нас настойчивый и серьезный!

Через несколько дней отец послал прошение:

«Желая определить сына В. Куйбышева в Военно-медицинскую академию, прошу распоряжения об исключении его из числа воспитанников корпуса и выдаче мне его документов, а также аттестата об окончании им корпуса».

Так Валериан вырвался из военного училища.

Осенью он поехал в Петербург и там поступил в академию.

Новая жизнь

В Петербурге Валериан снял сначала маленькую комнату на Лиговке, а потом, когда получил партийную работу, перебрался на Выборгскую сторону и поселился в небольшом деревянном домике, на чердаке.

Нужно было искать заработка.

Начались занятия в академии. Нашлись и уроки, но он так мало за них получал, что существовать на этот заработок было невозможно. Валериан спешно прошел курс массажа, сдал экзамен и стал искать практику.

Много лет спустя Валериан вспоминал этот период своей жизни. Он рассказывал, что его первыми пациентами были дети. Трудно было заставить детей спокойно лежать, они терпеть не могли массажа, и Валериан, идя на практику, заходил в магазин, покупал детские книжки, бегло прочитывал их на ходу и потом рассказывал прочитанное своим маленьким пациентам, часто при этом фантазируя. Дети так увлекались его рассказами, что сеанс массажа проходил быстро и незаметно.

Ученики и пациенты Валериана жили в разных концах города, и ему приходилось тратить много времени и энергии на беготню, чтобы заработать на кусок хлеба.

Страна в тот год была охвачена бурным революционным движением. И в стенах академии с первых же дней занятий начались студенческие волнения.

Сразу же после приезда в Петербург Валериан связался с подпольной большевистской организацией и начал пропагандистскую работу среди студентов академии и других учебных заведений.

Насколько широко развивалось революционное движение среди петербургского студенчества, можно судить по паническому донесению петербургского градоначальника генерала Трепова царю Николаю Второму:

«Недалеким, повидимому, представляется тот момент, когда под давлением революционеров, хозяйствующих в учебных заведениях, беспорядки из стен университета перейдут на улицу».

И действительно, революционные события нарастали с огромной силой. Охватившее страну мощное стачечное движение пролетариата находило живейший отклик среди студенчества.

В студенческих «беспорядках» слушатели Военно-медицинской академии принимали деятельное участие, предоставив даже свое помещение для митингов и сходок.

Валериан проводил большую организационную и пропагандистскую работу среди студентов академии.

Многие и сейчас помнят, какая жестокая борьба велась в стенах академии с меньшевиками, которые из кожи лезли вон, чтобы овладеть аудиторией, где собирались

рабочие-металлисты. Им это не удалось — металлисты шли за большевиками.

В этот год в революционном пламени зародились первые советы. Повсюду говорили о свободе слова, совести, свободе собраний и союзов.

Яростную борьбу вели большевики с меньшевиками.

Меньшевики пытались сдержать революционный порыв рабочих, они обманывали рабочих всевозможными обещаниями, они кричали, что Государственная дума поможет рабочим отстоять свои интересы.

Большевики неуклонно вели рабочих к свержению царизма, они говорили, что нельзя верить ни одной уступке царя, что трудящихся обманывают и что только под руководством рабочего класса в союзе с крестьянством будет свергнуто самодержавие. Большевики настаивали на создании временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян.

От слова большевики переходили к делу: они готовили вооруженное восстание, приобретали оружие, агитировали среди солдат, среди крестьян и рабочих.

В эту большую, серьезную работу включился и Валериан.

Ему партия поручила перевозить оружие, распространять литературу, полученную из-за границы, разбрасывать листовки и прокламации.

В маленькую комнату на чердаке приносили из подпольной типографии большевистские листовки, газеты и брошюры, полученные из-за границы, а отсюда эта литература расходилась по всем районам столицы.

Так невзрачная комнатушка Валериана превратилась в один из подпольных штабов большевистской пропаганды.

Резолюцию большевистского III съезда, ленинские статьи и ленинские лозунги, призывающие к борьбе и победе, нес Валериан в партийные организации Петербурга.

Другое боевое задание, которое партия поручила Валериану, — разноска оружия — требовало исключительной смелости, ловкости и выдержки. Оружие предназначалось для вооруженного восстания многих городов России, а особенно для московского вооруженного восстания. Оно находилось в доме рабочего, живущего у Финляндского вокзала. Оттуда Валериан его перевозил или переносил в центральный склад.

Он распаковывал привезенные с вокзала ящики, на-

гружал свои карманы гранатами, бомбами и снарядами, вешал оружие за пояс, на спину, на грудь и туго набивал им портфель. С этим опасным грузом Валериану приходилось делать большие маршруты, часто усложняя свой путь, чтобы избежать встречи со шпиками и полицейскими.

Валериан рассказывал, как однажды, нагрузившись доотказа, он вместе с партийным товарищем Агатой шел к складу и на одной из улиц заметил, что сзади идет околоточный надзиратель.

Они свернули в первый попавшийся переулок, но околоточный следовал за ними попрежнему. Они начали маневрировать, но безуспешно: околоточный не отставал.

«Мы были в полном отчаянии, — рассказывал потом Валериан, — дальше итти с таким грузом не было никакой возможности: он давил грудь, оттягивал плечи и руки до того, что они становились бесчувственными. Еще одна минута — и мне пришлось бы бросить портфель, что означало неизбежный провал, так как идущий сзади околоточный не мог не обратить на него внимание».

Но в эту критическую минуту Валериан, осторожно оглянувшись, заметил, что околоточный зашел в какой-то дом. К счастью, мимо проезжала свободная пролетка. Валериан громко назвал извозчику адрес.

Агата всполошилась.

— Что вы сделали?! Ведь вы же провалили дело. Вы громко назвали адрес склада, а околоточный зашел в этот дом только для того, чтобы скрыть погоню за нами. Он все слышал.

Тогда Валериан предложил повезти бомбы в другое место, но она ответила, что раз они провалили склад, товарищи, работающие там, погибнут, следовательно и они должны разделить их судьбу.

«Всю дорогу она твердила об ужасе положения, которое я создал, и довела меня до последней степени отчаяния, — рассказывал Валериан. — Нужно не забывать, что мне было только семнадцать лет, в конспирациях и в подпольной борьбе я не был закален. Спутница моя была старше меня, и то, что она мне говорила, я принимал за проявление большого опыта, большой конспиративной практики. В крайне тягостном настроении мы приехали на квартиру, где помещался центральный склад».

Тревога, которую подняла Агата, оказалась напрасной: все обошлось благополучно.

В. В. Куйбышев в Кокчетаве перед отъездом в Петербург на партийную работу (1905 год).

Разгрузившись от тяжести, Валериан почувствовал не только физическое облегчение, но и огромную радость, что все опасения оказались лишь фантазией Агаты; ничего не случилось, и, как показало время, склад не был обнаружен полицией и впоследствии.

Гранатами и бомбами, которые с таким риском переносил Валериан на своих плечах, рабочие Москвы во время декабрьского восстания защищались от царских войск.

Напряженная революционная работа Валериана в петербургском подполье продолжалась до весны 1906 года.

За участие в революционных студенческих «беспорядках» он был исключен из академии. Чтобы избежать ареста и не провалить организацию, нужно было покинуть Петербург.

Однажды ему дали задание провести митинг среди бунтовавших солдат. Причиной бунта была плохая пища, мутная похлебка из гороха, в которой плавали черви.

Во время выступления Валериан заметил в дверях казармы офицера, рядом с ним юнкера (так назывались воспитанники военных училищ, будущие офицеры). Лицо юнкера показалось Валериану знакомым, но было не до этого. Он говорил страстно, призывая солдат к борьбе.

Когда Валериан кончил, солдаты окружили его тесным кольцом, начали расспрашивать о положении на фабриках и заводах, о поражении на полях Маньчжурии. Здесь же суетились меньшевики. Особенно волновался один пожилой, в сединах. Началась борьба двух ораторов.

«По мере того как солдаты задавали вопросы ему и мне, я видел, как они все теснее подходили ко мне, — вспоминал потом Валериан. — Их вопросы к меньшевику уже начали носить иронический характер, а потом перешли в свист и улюлюканье. Приятно и радостно было уходить из казармы, унося с собой приветствия и просьбы чаще наведываться к ним».

Свободой слова большевики пользовались во-всю, но не дремали и царские опричники. Они шныряли всюду, заводили у себя большие списки ораторов, выступающих против существующего строя, незаметно фотографировали их, доносили о них в охранку.

Идя по улице и обдумывая, куда перебраться из Петербурга, Валериан опять заметил юнкера, лицо которого было страшно знакомо.

Юнкер пристально взглянул на Валериана, Валериан узнал его — это был Ребровцев, тот самый Ребровцев,

который так яростно выступал против Валериана в кадетском корпусе.

Эта встреча обеспокоила Валериана, но, чтобы скрыть волнение, он спокойно продолжал свой путь и в то же время зорко присматривался. Он заметил, как юнкер подошел к городовому и что-то ему сказал.

Жаль было покидать Петербург, но все говорило за то, что покинуть его придется, и как можно скорее.

«Я так сжился с кипучим петербургским большевистским подпольем, что мне было невыносимо тяжело оставлять работу, товарищей и этот город, который был моей большой и суровой школой», рассказывал нам впоследствии Валериан.

Но решение было твердое: покинуть Петербург.

Свернув на другую улицу, Валериан заметил, что за ним следует шпик. Дело принимало серьезный оборот: надо было соблюдать спокойствие. Когда шпик случайно задержался, Валериан прошел через проходной двор на Надеждинскую улицу и взял извозчика. Чтобы запутать след, уже на Литейном он пересел на другого извозчика, и так, меняя несколько раз извозчиков и делая огромные круги по городу, он приехал на вокзал.

Надо было торопиться. На квартиру возвращаться нельзя: проследят. Хорошо, что в комнате не осталось литературы: вся была накануне разнесена по районам. Товарищей можно предупредить с дороги условным шифром... Нужно как можно скорее скрыться, не заходя на квартиру.

Валериан вспомнил о своих вещах: все богатство состоит из одеяла и подушки, — терять нечего!

Валериан бежал в Омск.

Новая большая подпольная работа ждала его на родине.

Петербург дал юному революционеру опыт большевистской борьбы, сделал его непримиримым и последовательным революционером-ленинцем.

Опять Омск

Приветливо встретили Валериана омские рабочие-железнодорожники. В партийной организации опытных большевиков было мало, и поэтому Валериан сразу же окунулся в работу. Он был назначен агитатором-пропа-

гандистом всего Степного края Сибири. Он переезжал из города в город, создавая подпольные политические кружки, организовывал учебу, печатанье листовок.

Летом царь разогнал I Государственную думу. Начались еще более жестокие репрессии над рабочими, были созданы карательные экспедиции.

Вскоре был объявлен созыв II Государственной думы.

Большевики решили принять в этой думе деятельное участие, использовать ее трибуну для агитации. По-иному смотрели на думу меньшевики. Они всеми силами старались внушить рабочим, что дума будет контролировать царское правительство, обуздает его. Они рассматривали Думу как законодательное учреждение и настаивали на совместной работе с буржуазными партиями.

Большевики разъясняли рабочим и крестьянам истинную роль Думы, указывая, кого выбирать в Думу и чего в ней добиваться. Они подготовляли рабочих к революционной борьбе с правительством через Думу.

Работа Валериана протекала среди рабочих-железнодорожников и среди молодежи Петропавловска, Омска, Барабинска, Каинска и других городов Сибири.

Чтобы привлечь в свои кружки как можно больше рабочей молодежи, Валериан устраивал вечеринки с танцами.

Один петропавловский рабочий рассказывал мне об этих вечеринках:

«Я шел туда просто так, провести весело время, поболтать, потанцовать. В голове еще ходил ветер... Несколько раз собирались мы, и всегда среди нас был высокий с пышной шевелюрой парень в студенческой тужурке. Он тоже танцовал. «Кто это?» спрашиваю. «Касаткин», говорят. Ну, Касаткин — так Касаткин. Веселый, славный парень! Потом я стал замечать, что вокруг Касаткина всегда группа молодежи, он им все что-то рассказывает. Стал и я ближе подходить. Слышу интересные вопросы задевает: о Думе говорит, рассказывает, почему разогнали первую Думу, что вот вторую избирают; рассказывает, нужна ли Дума рабочему, как он к ней должен относиться... А потом начнет о Чехове, о Толстом, о Горьком говорить, интерес к чтению пробуждать. После четвертой вечеринки я вышел совсем другим, словно переродился. Сразу, как пришел домой, записал названия книг, о которых Касаткин говорил, и стал добиваться, чтобы их найти и прочитать... А уж когда на следующие вечеринки

шел, о танцах не думал; одно было желание: встретить Касаткина, поговорить с ним, расспросить обо всем, что интересовало... Вот как он привлекал к себе нашего брата! За ним мы готовы были итти хоть на край света...»

Много рабочих и работниц вспоминают Валериана в Сибири, рассказывают, как он втягивал их в революционную работу, как воспитывал любовь к книге.

«Читали мы в это время очень много, — рассказывала мне одна пожилая работница. — Не читать было нельзя. Стыдно с Касаткиным встретиться, если не прочтешь книгу, которую он посоветовал. А он обязательно задаст вопрос из этой книги, чтобы проверить, читала ли. А потом совершенно незаметно вдруг и запрещенную книжку сунет. «Прочтешь — передай подруге, только осторожно», скажет и обязательно потом спросит, поняла ли, не нужно ли разъяснить».

Одна моя знакомая, с которой Воля меня познакомил в Омске, недавно мне рассказывала следующее:

«Однажды моя приятельница по гимназии позвала меня на вечеринку. Я охотно согласилась. Когда мы пришли туда, меня поразило то, что было очень много публики и большей частью незнакомой. Тут были и реалисты, и гимназисты, и рабочие девушки и юноши, продавцы и продавщицы из магазинов. Я, разочарованная всем этим, решила уйти, но подруга меня не отпустила. Она стала меня уверять, что будет весело и интересно. Я осталась. Среди всей публики был только один студент. Он был высокий, с пышной вьющейся шевелюрой, с большими серыми глазами. Его фамилия, как мне сказали, была Касаткин.

Настроенная на танцовальный лад, я думала: «Пригласит ли меня на вальс этот студент?»

Было очень шумно. Стали играть в фанты. Я проиграла свой фант и должна была петь.

Я стала отказываться. Мне не хотелось петь среди незнакомых, но Касаткин стал уговаривать меня. И он так просто, по-товарищески подошел ко мне, что я согласилась. Когда я кончила петь, Касаткин очень громко аплодировал, потом подошел ко мне и сказал, что у меня очень хороший голос, но странно, что я смущаюсь среди молодежи.

— Будьте проще, ведь это все наши товарищи! — говорил он.

Начались танцы, и вот я танцую с Касаткиным. Вместо обычной веселой болтовни я слышу разговоры о прочитанных книгах. Касаткин задает мне такие вопросы, на которые я не могу ответить. Он меня пожурил тогда, что я мало читаю, и порекомендовал несколько книг.

Танцуя с другими, я узнаю, что Касаткин часто приезжает сюда, что сегодня он сделает нам доклад о Государственной думе, что он друг петропавловской молодежи. Все мне его хвалят.

Меня поражало, с какой почтительной лаской все относились к этому Касаткину. По всему чувствовалось, что он любимец молодежи. Его звали просто Валериан.

Потом в каждый его приезд в Петропавловск я обязательно бывала на вечеринках. Я уже знала, что танцы устраиваются для того, чтобы привлечь молодежь к революционной борьбе, не возбуждая никаких подозрений у полиции.

Касаткин научил нас иначе смотреть на жизнь. Мы уже знали, что существуют партии большевиков и меньшевиков, как и за что они борются. Он учил нас распознавать меньшевиков, не доверять им и бороться с ними.

Мы помогали Касаткину прятать литературу, разбрасывать прокламации, предупреждать партийную организацию об опасности, о слежке полиции, — много и других обязанностей было возложено на нас.

Кроме этого, мы много читали. В дни его приезда кто-нибудь из нас выступал с рефератом на политические темы. Но Валериан беседовал с нами не только о политике. Он смеялся над теми, кто забрасывал чтение классиков. Он говорил, что революционер должен быть образованным и культурным, что каждый может получить образование, если только постарается.

Потом нам сообщили, что Касаткин арестован. Тяжело переживала петропавловская молодежь его арест и всячески старалась наладить с ним связь.

Сколько было радости, когда мы получали письма от Касаткина! В каждом письме он писал о том, что нам нужно делать, что читать, где достать книги и т. д.

Несколько лет спустя я приехала учиться в Томск. Однажды я шла со своей подругой, приехавшей из Барабинска, и мы встретили Валериана. Он еще издали нас заметил и приветливо снял шляпу. Он подошел к нам, радостно улыбаясь.

— Вот не ожидал кого встретить! Здравствуйте!

— Кукушкин! — весело вскрикнула моя подруга.

«Не может быть такого сходства», подумала я и, поправляя подругу, сказала:

— Касаткин!

— Нет, — ответил Валериан улыбаясь, — я сейчас Куйбышев! И представьте себе — нарымский ссыльный. В Томск меня отпустили только для того, чтобы проститься с матерью и сестрами, которые уезжают в Тамбов. Ну, а я, конечно, опять в Нарым.

— Так, значит, вы нас обманывали? — вырвалось у меня.

— Вас нет и вас нет, — обратился он к каждой из нас, — а полицию и жандармов, сознаюсь, обманывал, — и он весело рассмеялся».

***

В том же 1906 году в лесу, в четырех километрах от Петропавловска, у озера Пестрое, собрались рабочие депо, механической мастерской и других предприятий.

Разместились маленькими группами.

Около каждой группы рабочих валялось несколько пустых бутылок, — эти бутылки были принесены для того, чтобы обмануть полицейских, если они вдруг нагрянут. Скажут: «Пикник», и уйдут ни с чем.

Тут и Касаткин. Он говорит о борьбе с меньшевиками, о том, что омская организация разоблачила меньшевиков и вытеснила их отовсюду. Страстно и убедительно звучит голос Валериана. Внимательно слушают его рабочие. Оживленно проходит митинг.

Вслед за Касаткиным выступает меньшевик. Он старается скомпрометировать большевиков и лично Валериана. Но рабочие не хотят его слушать.

Неожиданно появляется полиция и вскоре за нею солдаты петропавловского гарнизона.

— В чем дело? — возмущаются рабочие. — Разве мы не имеем права гулять в лесу?

Некоторые даже пытаются симулировать опьянение. Но полиция и солдаты пускают в ход нагайки. Рабочие начинают защищаться, защищаются чем могут, некоторые пустили в ход бутылки.

Валериан тоже пострадал от солдатской нагайки, но ему удалось скрыться. Полиция разыскивала его, но рабочие умело скрыли своего руководителя.

***

Через Петропавловск шли эшелоны поездов. Они везли политзаключенных в самые отдаленные места Сибири, в ссылку и на каторгу.

Что могли сделать рабочие и железнодорожники станции Петропавловск, чтобы хоть на миг показать товарищам в заточении, что и здесь, вдали от родных и друзей, есть их близкие, единомышленники, продолжающие дело революции?

На тайном собрании, которое состоялось на татарском кладбище, Валериан предложил рабочим выделить из профсоюзной кассы деньги на продукты и подарки для политических заключенных. Предложение Валериана было единодушно принято. А когда собравшиеся начали уже расходиться, он вдруг сказал:

— Хорошо бы и цветы принести!

В условленное время товарищи, дежурившие на станции, дали знак рабочим о приближении эшелона с заключенными. Мигом все побросали работу. Каждый достал из своего инструментального ящика маленький сверток и букет цветов.

Это было удивительное зрелище. Сотни рабочих с высоко поднятыми букетами цветов расталкивали толпу, вступая в борьбу с прибывшими на станцию жандармами, мчались к вагонам с решетчатыми окнами.

Вдруг кто-то крикнул:

— Казаки!

Со всех сторон к станции неслись разъяренные казаки.

Но машинисты умышленно остановили состав с вагонами заключенных между двумя мощными паровозами. Раздались оглушительные гудки, и клубы пара непроницаемой завесой отделили рабочих от казаков.

Один заключенный, старый рабочий, закованный в кандалы, взволнованно сказал:

— Первый раз за решеткой я вижу цветы. Спасибо вам, товарищи! Они украсят наш путь и долго будут нам напоминать, что у нас много друзей по всем городам России, а особенно в Петропавловске.

Казаки смогли пробраться на платформу только тогда, когда рассеялся дым, но там уже не было ни одного демонстранта. Рабочие уже успели вернуться к своим станкам, а учащаяся молодежь не спеша расходилась небольшими группами по домам.

Валериан бегал от преследований полиции, терпел

В. В. Куйбышев в петербургской большевистской организации в 1905 году. Переноска оружия. (С картины художника Стреблова.)

нужду и голод. Он редко отдыхал, но никогда не было у него желания оставить дела хотя бы на небольшое время и приехать домой. Его никто не видел грустным, он никогда не жаловался на усталость.

— Меня не тянуло домой, я уже отвык от домашнего уюта, от регулярного питания, — рассказывал о себе Валериан. — Я знал, что дома беспокоятся обо мне, волнуются за мою судьбу. Это меня огорчало. Но я так был занят революционной работой, она меня так увлекала, что некогда было думать о себе.

Валериан писал маме теплые, нежные письма, просил ее не заботиться о нем. «А все-таки, — писал он, — я так и не раскаиваюсь, мама, что не пошел в военное училище! Как хорошо чувствовать себя свободным от этих военных маршировок и окриков...»

А мама грустно говорила:

— Это он из упрямства и гордости так говорит. Вот утомится скитаться да голодать — и вернется к военному образованию.

Первый арест

Большевистская партия решила созвать партийный съезд. Нужно было выбирать делегатов. По всем городам России шли партийные конференции. В Омске тоже собралась партийная конференция.

Валериан тогда уже был членом городского комитета партии, он должен был сделать доклад о предстоящем съезде.

На конференции присутствовало тридцать восемь большевиков. Едва успел Валериан закончить свой доклад, как в комнату вбежал взволнованный товарищ Курилка.

— Мы окружены казаками и полицией! — сказал он.

Все лихорадочно принялись разрывать протоколы, проекты резолюции, списки членов организации.

Ввалились полицейские во главе с исправником.

— Руки вверх! Будем стрелять!

Всех вывели на улицу. Полиция и казаки окружили арестованных и повели.

Все участники конференции недоумевали: почему такая строгая охрана? В чем их подозревали? Среди арестованных было несколько старых, опытных революцио-

неров, неоднократно отбывавших тюремное заключение. Они особенно были удивлены.

Всех заперли в маленькой комнате околоточного участка, женщин и мужчин вместе. Было очень тесно и душно. Начали обсуждать случившееся. Решили, что при допросе никто ничего не скажет, все будут отвечать: «Я представителям царского суда никаких показаний давать не буду!»

В комнате нечем было дышать.

— Душно, выбейте окно, — сказал кто-то.

Валериан, стоявший близко к окну, выбил ногой стекло. Свежий воздух оживил арестованных, и они запели:

Смело, товарищи, в ногу!..

После трехчасового пребывания в участке всех опять под строжайшим конвоем повели в тюрьму.

Валериан заметил, что один товарищ сильно нервничает. Он взял его за руку и спросил:

— Что ты так дрожишь, Молодов? Боишься?

— Нет, так какая-то нервная дрожь!

Валериан пожал ему руку и сказал:

— Нас много. Не падай духом! Вот только жаль, что не успели делегата выбрать, да еще то плохо, что у тебя дома осталась литература.

В тюрьме всех мужчин посадили в одну камеру. Среди арестованных был один адвокат, который хорошо знал все царские судебные законы. Был еще портной Абрамович, опытный революционер, который тоже знал эти законы. Их удивило, что они были арестованы исправником, когда по закону арестовать мог только полицмейстер или жандарм. Потом — почему такая охрана? Почему не было сделано обыска перед арестом? Долго обсуждали эти вопросы. Адвокат и портной стали обучать молодежь, как нужно вести себя с тюремной администрацией на допросах.

— А мы на суде ничего говорить не будем, — опять сказал кто-то из молодежи.

— Говорить надо. Но что говорить? — возразил адвокат. — Нужно сейчас все обсудить, сговориться и не путать.

Молодой товарищ, веселый и очень подвижной, которого все называли Курилкой, предложил:

— А мы на суд войдем с революционной песней.

— Правильно! — радостно воскликнул Валериан. —

Нас за эту демонстрацию выведут из суда и будут судить без нас. Вот и прекрасно, пусть судят!

Абрамович стал уговаривать не делать этого.

— Вы, молодые большевики, не знаете еще ни ссылки, ни тюрьмы, ни каторги. И поэтому вы так легко относитесь к предложению о демонстративном поведении на суде. Видимо, наше дело принимает серьезный оборот, если нас передали военно-окружному суду. Мы должны относиться осторожно к обвинениям, все обдумывать, договориться, как себя вести, чтобы не получить долгосрочной каторги. Зачем она нам?

Он уверял, что в деле у них есть очень много моментов, которые можно использовать для прекращения следствия или для смягчения наказания.

— Защитников мы себе брать не будем, — говорил Абрамович, — так как среди нас есть юрист и я, человек опытный в таких процессах. Мы с юристом беремся использовать во время суда все ошибки, допущенные полицией во время ареста и следствия.

Стали тайным голосованием решать вопрос о том, нужно ли брать защитников. Большинство было против защитников. Только относительно одного товарища, которому было шестнадцать лет, вопрос о защитнике решили родители.

«Я чувствовал, что Абрамович не просто портной, что он образованный человек, хорошо знающий законы, — рассказывал Валериан. — Я также знал, что его партийная кличка «Марат» и что он послан в Омск из центра для проведения выборов на партийный съезд. Но что настоящая фамилия Абрамовича — Шанцер, я не знал, равно как не знал, что он по образованию тоже юрист».

Итак, все отказались от защиты. На допросах все отвечали так, как сговорились: «Представителям царского суда никаких показаний не дадим».

***

Помню большую комнату, где происходили свидания с заключенными. Я и моя сестра Женя не пропускали ни одного дня свидания. Мы уже учились в омской гимназии и, конечно, тщательно скрывали от подруг и преподавателей, что бываем в тюрьме у брата.

Ко всем заключенным приходили родные и знакомые. Было шумно и весело. Валериан много шутил, смеялся и уверял нас, что все благополучно, говорил, чтобы мы

чаще писали маме и успокаивали ее. Мы видели, что Валериан пользуется среди товарищей большим уважением. Они с исключительной любовью и нежностью относились к нему. Это нас очень радовало. И все же каждый раз, выходя из тюрьмы, мы обязательно плакали: нам страшно жаль было Волю.

Мы даже сочинили какие-то печальные стихотворения об узнике и показали их Воле, а он их перечеркнул и написал как резолюцию: «Безумству храбрых поем мы славу!», или как-то раз он написал: «...Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни, и много смелых сердец зажгутся безумной жаждой свободы, света!.. Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

Мы узнали потом, что эти слова Воля взял из горьковской «Песни о Соколе». Мы выучили эти слова наизусть и часто-часто их произносили, особенно когда шли в тюрьму на свидание или возвращались оттуда.

Валериан нам сказал, что его будет судить военно-окружной суд, и просил послать домой телеграмму.

— Может быть, папа приедет...

Сообщение это сильно взволновало нас. Мы долго обсуждали, как составить телеграмму, чтобы не огорчить маму. И наконец составили:

«Если можете, приезжайте. Воля предан военно-полевому суду».

Мы перепутали: вместо «окружной» написали «полевой». А в этом была большая разница. Военно-полевой суд редко миловал, он чаще всего выносил один приговор: расстрел.

Отец, получив такую телеграмму, немедленно собрался и приехал в Омск. В это время отец уже работал в Кузнецке, на Алтае.

Он страшно нервничал, боялся, что не застанет Волю в живых. Ему рисовалась ужасная картина гибели сына: расстрел... Трудно себе представить, что переживала мать, оставшись дома с одной маленькой дочкой.

Прямо с дороги отец приехал в тюрьму. И тут у начальника тюрьмы узнал, что Валериан жив, что увидеться с ним можно и что суд будет военно-окружной... Радости отца не было границ. Значит, не расстрел!

Начальник тюрьмы разрешил отцу свидание с Валерианом в своем кабинете. Отец стоял у окна и смотрел

на тюремный двор. Ему представлялось, что сейчас он увидит, как поведут Валериана, закованного в кандалы, больного, измученного...

Волновался и Валериан, когда ему сообщили о свидании с отцом.

— Будет упрекать за беспокойство, станет уговаривать оставить политику, пойти учиться... — говорил Валериан товарищам по камере.

Он хотел отказаться от свидания, но старшие товарищи уговорили его:

— Иди, иди, нельзя старика-отца обижать, ведь он специально для тебя приехал.

Отцу в это время было сорок три года, но выглядел он стариком: борода седая да и вся фигура старческая.

«Порву с родными, но от своей идеи не откажусь», решил Валериан и отправился на свидание.

Отец стоял спиной к входной двери, он опирался на палку — раненая нога еще не зажила. Отец не слышал, как вошел Воля.

— Папа! — позвал его Валериан.

Отец быстро обернулся и бросился к Валериану.

— Мальчик мой, как я рад! Как я рад! — твердил отец, гладя и обнимая Валериана.

«Он как бы ощупывал меня, проверяя, действительно ли это я», рассказывал Валериан об этой встрече.

— Чему вы рады?

Отец рассказал о перепутанной телеграмме, о своих опасениях.

— А как мама?

— Ну что мама? Конечно, плачет, болеет, беспокоится о тебе, сравнивает твою участь с участью декабристов.

Они сидели на окне, близко друг к другу, и долго задушевно беседовали. Отец ни одним словом не упрекнул Валериана, и они расстались друзьями.

Суд

Приближался день суда. Свидания продолжались попрежнему.

Арестованные все время поддерживали связь с партийной организацией, с новым городским комитетом партии, избранным после ареста старого комитета. Связь с омской

Здание омской тюрьмы. Полукруглое окно — камера, в которой был заключен В. В. Куйбышев в 1906—1907 годах.

организацией была настолько тесна, что однажды в камере для свидания было устроено заседание обоих составов Омского комитета, прежнего, арестованного, и вновь избранного.

На этом собрании в тюремной камере удалось настоять на том, чтобы делегатами на съезд были избраны и арестованные товарищи, юрист и Абрамович, и только в том случае, если им не удастся освободиться, они будут заменены другими.

Приближался день суда. Все заключенные уже знали, в чем они обвиняются.

Дело возникло таким образом. Исправник донес губернатору, что в Омске организована боевая революционная дружина, которая готовит вооруженное восстание.

Исправнику хотелось отличиться. Ему представлялось, что он накроет эту дружину, арестует и таким образом предотвратит вооруженное восстание и получит за свой подвиг похвалу и награду от губернатора. Поэтому-то он лично руководил арестом боевой дружины.

Заключенные знали, что во время ареста была найдена

печать организации, несколько листовок, резолюция конференции с исправлениями, сделанными рукой арестованного юриста. Вот самые главные улики.

Юрист и портной Абрамович уверяли, что все эти улики — пустяки, от них нетрудно отказаться, тем более что обыск производился в отсутствие обвиняемых.

Настал день суда. Всех заключенных ведут на суд.

Торжественный зал. Кругом военные. Председатель суда — седой и толстый генерал, прокурор — полковник с академическим и университетским значками.

Так как подсудимые на следствии ничего не сказали, то суд имел представление о преступлении только из показаний свидетелей.

Свидетелями были полицейские и казаки, которые произвели арест и в отсутствие арестованных обыск.

Свидетелей вызывают поодиночке.

Вот исправник докладывает суду, при каких обстоятельствах был произведен арест; он рассказывает, что было найдено при обыске.

Председатель обращается к заключенным:

— Не желаете ли задать вопросы свидетелю?

С места поднимается юрист.

— Скажите, пожалуйста, господин исправник, на каком основании вы нас арестовали, тогда как мы находились в черте города и были подвластны жандармам и полицмейстеру города Омска?

Исправник свирепо смотрит на подсудимого и бурчит:

— Я не намерен отвечать подсудимому.

— Нет, будьте добры, отвечайте! — настаивает председатель.

— Полицмейстер города Омска — мой большой приятель, — невнятно лепечет исправник. — Иной раз он мне помогает... А тут я ему...

— Ну, знаете, дружба — дружбой, а служба — службой, — говорит председатель суда.

На скамье подсудимых движение. Их удивляет замечание председателя; чувствуется, что он не на стороне исправника. Юрист и Абрамович смеются.

Исправник неуверенно переступает с ноги на ногу и наконец, совсем сконфуженный, садится на свое место.

Вот перед судом другой свидетель — околоточный надзиратель.

После его сообщения опять слово берет юрист:

— Вы обыскали помещение, где нас арестовали?

— Да, я.
— Там был сундук с вещами?
— Да, был.
— Там были брюки и десять рублей в кошельке?
— Да, были.
— А скажите, пожалуйста, куда вы дели эти деньги?
— Деньги мной переданы господину полицмейстеру, который прибыл после ухода арестованных, — выпалил околоточный, не подозревая, что он подводит полицмейстера, исправника и всю полицию.
— Больше вопросов не будет?
— Нет, пока больше не будет, — отвечает юрист.
Появляется полицмейстер, тоже в качестве свидетеля.
— У меня, — говорит подсудимый-юрист, — два вопроса к господину полицмейстеру: первый — почему мы были арестованы исправником, а не вами, и второй — почему не были возвращены арестованному десять рублей, которые были обнаружены при обыске и переданы вам?
Полицмейстер возмущен такими дерзкими вопросами подсудимого и отказывается отвечать. Председатель опять настаивает:
— Вы должны отвечать на все вопросы. Потрудитесь отвечать.
— Я действительно получил десять рублей, но кому их отдал, не могу теперь припомнить.
— Прошу занести в протокол, — говорит юрист, — что деньги переходили из кармана в карман и в чьем-то кармане исчезли.
На скамье подсудимых смех. Еле сдерживаются от смеха конвойные. Председатель суда закрывает рукой рот, чтобы скрыть улыбку.
Вдруг неожиданно поднимается прокурор и просит слова.
Подсудимые подумали, что он сейчас начнет говорить о неправильном ведении дела, укажет на дерзость подсудимых, и насторожились.
И вдруг:
— Я прошу занести в протокол... — Здесь последовала пауза.
Заключенные ждут, секундная пауза кажется вечностью.
— ...я прошу занести в протокол... что и брюки тоже пропали, — четко произносит прокурор.

«Мы уже не хохотали, — рассказывает Валериан, — а гоготали».

Юрист опять просит слова.

— Мне хочется задать каждому свидетелю вопрос: кто из них принес с собой прокламации и подбросил при обыске в вещи, принадлежащие нам? И что было найдено при обыске такого, что свидетельствовало бы о подготовке к вооруженному восстанию?

Оказалось, что из оружия при обыске обнаружен только... перочинный нож!

Между прочим, был найден еще и револьвер, но свидетели этого не упоминали, видимо он тоже исчез в чьем-то кармане.

По всему было видно, что исправник заварил все это дело, чтобы прославиться, и что военный суд настроен против исправника за попытку придать этому делу важное значение.

Все дело оборачивается против исправника. Прокурор отводит обвинение подсудимых в подготовке вооруженного восстания; он соглашается, что это было не разрешенное правительством собрание социал-демократической организации и что арестованные должны за это нести наказание, но ни в коем случае не за то, что хочет приписать им исправник.

Вызвали экспертов, которые сверяли почерк каждого подсудимого с почерком исправлений, сделанных на резолюции; они сообщили, что исправления были сделаны очень распространенным почерком.

— Следовательно, их мог сделать кто-нибудь из обыскивавших в наше отсутствие? — ядовито вставляет юрист беспощадный вопрос.

Председатель предлагает последнее слово подсудимым. Выступает Абрамович.

Он смело и дерзко бросает обвинение полиции: воровство, подлоги, кумовство...

Его речь была необыкновенно яркой, он говорил с таким ораторским умением и подъемом, что и судьи и подсудимые слушали с большим интересом.

Суд удалился на совещание. Подсудимых увели в отдельную комнату, где они свободно могли разговаривать между собой, делиться впечатлениями. Настроение у всех было хорошее.

— Но почему суд на нашей стороне? Какая-то загадка! — говорит юрист.

В комнату входит прокурор, он направляется к Абрамовичу.

— Скажите, вы действительно портной?

— А почему вы сомневаетесь?

— Где вы так научились говорить?

— Знаете, господин прокурор, я портной. Наше дело такое: сидим на нарах, ноги под себя поджав, и все время разговариваем с товарищами на разные темы. Вот так я и приобрел практику. Умею болтать.

Прокурор понял иронию, покачал головой и, уходя, сказал:

— Да, знаете, это речь, это речь!

Суд постановил: «Признать всех обвиняемых по 126 статье Уголовного уложения оправданными за неимением доказательств. Признать всех обвиняемых виновными по 124 статье Уголовного уложения и приговорить к одному месяцу крепости».

124-я статья вместо 126-й, которая грозила восьмью годами каторги или ссылки в отдаленные места Сибири на поселение!

Почему так повернулось дело? Это стало известно гораздо позже. Оказывается, военный суд, рассмотрев дело, не хотел брать его на себя, потому что не нашел доказательств, свидетельствующих о подготовке вооруженного восстания. На военном суде настоял губернатор. Этот вопрос даже рассматривался в Петербурге: там уважили просьбу губернатора — передали дело военному суду. Вот суд и отомстил губернатору. От этого только выиграли наши подсудимые.

Возвратясь из суда в камеру, каждый подсудимый стал обдумывать, что он будет делать, когда выйдет на свободу.

— Вы поедете в Лондон на пятый партийный съезд, а мы будем ждать вашего возвращения с директивами, — говорил Валериан юристу и Абрамовичу. — Жаль только, что суд так странно повернулся, что дали нам месяц тюремного заключения. Уж либо совершенная свобода, либо каторга...

Юрист и Абрамович смеялись.

— Ишь чего захотел — каторгу! Молодость в тебе говорит, молодость! Ты вот принимайся снова за работу да благодари господина прокурора, что он с исправником и полицмейстером не в ладу, а то было бы нам не расхлебать! Радуйся свободе! Пользуйся ее благами!

Но губернатор решил отомстить за поруганную честь полицмейстера и исправника. По его распоряжению, подсудимых после тюремного заключения подвергли административной высылке.

Валериан был сослан в Каинск, куда из Кузнецка перевели отца и назначили воинским начальником.

В семье

Валериан случайно очутился в родной семье.

В свободное время Валериан много и подробно рассказывал нам о суде, о товарищах, вместе с ним отбывавших заключение. Нам всем понравился своей веселостью, остроумием и выдумкой Курилка, о котором рассказывал Валериан.

Курилка обвинялся еще и по другому делу: он был пойман за распространением прокламаций в казарме. Правда, ему удалось бежать, но когда он был арестован на конференции, его узнали и судили за два преступления сразу.

Через некоторое время Курилке удалось из тюрьмы бежать, и он работал в омском большевистском подполье.

А еще позже Валериан рассказал нам о печальной судьбе этого хорошего, смелого товарища. Курилка присутствовал на рабочей массовке. Конные полицейские и казаки разогнали рабочих, преследуя их по улицам. Один казак долго гнался за Курилкой. Товарищи видели, как Курилка бросился в Иртыш и поплыл. Все знали, что он хорошо плавает, но все же было страшно. Казак стал стрелять из винтовки. Пули падали рядом с плывущим. Он нырял, потом опять выплывал на поверхность. Пули настигали его. Нырнув еще раз, Курилка больше не показывался на поверхности — он утонул.

Валериан с грустью вспоминал о гибели Курилки, славного боевого товарища по большевистскому подполью.

***

Приезд Валериана внес большое оживление. К нам стали приходить его товарищи, устраивались игры, чтения, мы начали готовить рефераты на всевозможные литературные темы, пели хором, уходили гулять большими компаниями в лес, на луга.

Валериан после каждого гулянья приносил огромный букет цветов для матери.

Мать, которая смотрела на него как на человека обреченного, постоянно поражалась, с какой страстностью он любил свободу, простор, веселых людей, природу.

— Как он любит все живое, а сам ушел от жизни, — говорила она.

Мама бережно расставляла цветы по вазам, комната наполнялась благоуханием. Валериан, шагая в раздумье по комнате, часто останавливался, долго нюхая каждый цветок.

— Я никогда, нигде не видел такого разнообразия и красоты цветов, как в Сибири, — говорил Воля.

И действительно, трудно было где-нибудь в другом месте найти такие большие, с крупными лепестками ромашки, такие яркие синие колокольчики, лиловые с желтой серединкой астры и полевые крупные ароматные левкои, как у нас в Кокчетаве и в Кузнецке. В Каинске природа была беднее и растительность менее разнообразна, но Валериан умел подбирать исключительно красивые букеты из трав, веток деревьев и скромных цветов.

В Каинске было много ссыльной молодежи. Валериан дружил с ними и привлекал в эту компанию все больше учащейся молодежи, с которой был уже знаком по своим частым наездам сюда во время избирательной кампании во II Государственную думу.

Под видом прогулок за город устраивались политические сходки, читались рефераты уже не на литературные темы, произносились политические речи, знакомились с положением партии, с ее директивами.

Вечерами почти всегда собирались у нас. Мама была рада, что Валериан не скучает, и не протестовала.

— Может быть, увлечется, станет учиться и забудет свою политику, — с надеждой говорила она.

Но когда начинали петь революционные песни, она страшно волновалась, все время прислушивалась к шагам по деревянному тротуару, выглядывала в окно. Ей казалось, что возле нашего дома шагает жандарм или полицейский.

Полиция, конечно, знала, что у нас собираются политические ссыльные, и за нашим домом была установлена слежка, а тут еще вдруг политические, запрещенные песни, и где — на квартире воинского начальника!

Это могло показаться полиции особенно дерзким.

***

Так прожил Валериан в Каинске несколько месяцев. Но вскоре он загрустил — его тянуло в гущу рабочего революционного движения.

Он все время поддерживал связь с Москвой и Петербургом, получал оттуда литературу, директивы.

За короткое время пребывания в Каинске Валериан сумел организовать и в Каинске и в Барабинске подпольные типографии, где перепечатывалась полученная из партийного центра литература и издавались листовки. Наладив работу в кружках, подобрав людей, которые бы продолжали работу, Валериан решил бежать из Каинска и попытаться поступить в Томский университет.

Но просто уехать было нельзя, нужно было просить разрешение у исправника, а разрешение — Валериан знал это — исправник не даст.

Произошел длинный, задушевный разговор с отцом.

— Я не могу быть далеко от рабочей массы, я должен быть там, меня ждут. А работая здесь, я и пользы мало приношу и вас могу подвести. Я просто не могу, не в силах здесь оставаться, — горячо убеждал Валериан отца.

Решили, что Валериан бежит, оставив записку о своем бегстве. Он попробует устроиться учиться, а отец начнет в это время хлопотать о разрешении сыну жить в Томске.

И вот в один прекрасный день Валериан исчез из Каинска. Трудно себе представить тревогу матери, ее слезы!

— Опять в опасность! Ну что это за мятежная душа — не сидится ему дома, в удобствах! А самостоятельную жизнь и здесь мог бы вести. Взял бы несколько уроков, зарабатывал бы, — жаловалась мать.

Отец ходил крупными шагами по комнате, молчал. Он знал об отъезде Валериана, снабдил его деньгами, сам помог ему бежать и теперь нервничал.

Он в волнении забыл, куда дел записку, написанную Валерианом. И только через несколько дней она выпала из-за какой-то картины.

Записка была приблизительно следующего содержания:

«Вы меня должны простить за беспокойство, которое я вам причинил своим бегством, но жить больше в такой глуши я не могу... Валериан».

С этой запиской отец поехал к исправнику.

А Валериан жил уже в Томске с паспортом на имя

Тюремная карточка В. В. Куйбышева в жандармском управлении (1908 год).

Лесовского, вел большую революционную работу. Но вскоре и здесь его стала преследовать полиция. Он узнал, что за самовольную отлучку из места высылки его заочно приговорили к трем месяцам тюрьмы. Чтобы избежать ареста, Валериан решил уехать в Петербург.

Чужой паспорт

С паспортом на имя Андрея Степановича Соколова, полученным в Челябинске, Валериан приехал в Петербург.

Неласково встретил Петербург Валериана. Он бродил по городу, в котором когда-то у него было много товарищей и друзей по большевистскому подполью, и не мог никого найти.

После жестокой жандармской расправы партия большевиков ушла глубоко в подполье. Многие ее члены были арестованы и высланы. Не найдя связи с товарищами, Валериан долго бродил без работы, без угла для жилья. Наконец он снял комнату, опять на чердаке, и совершенно неожиданно хозяин квартиры предложил Валериану работу, которую он взял с большой радостью — денег уже не было, жить было не на что.

Он стал работать чернорабочим. Нужно было копать песок и сбрасывать его с карьера. Работа была непривычная, тяжелая, утомительная, но Валериан был и ей рад.

Однажды, гуляя в свободный от работы день по взморью, Валериан встретил своего партийного товарища из сибирской организации.

Они не знали настоящих имен друг друга, каждому из них приходилось менять свои имена. Но товарищи были рады встрече, дружески обнялись. Полилась беседа — говорить было о чем: много было общего и в работе и в жизни.

— А как теперь тебя зовут? — спросил товарищ у Валериана.

— Андрей.

— Меня тоже Андрей. Вот интересное совпадение! А фамилия?

— Андрей Степанович Соколов. Сын крестьянина, — рекомендуется Валериан.

— Постой, постой... Какой губернии?

— Новгородской, Череповецкого уезда.

— Где ты взял мой паспорт? — взволнованно спрашивает настоящий Соколов.

Оказалось, что Соколов, когда ехал в ссылку, получил новый паспорт, а старый паспорт, видимо по ошибке, был дан Валериану.

Что было делать? Двум с одинаковыми паспортами жить в Петербурге нельзя. Паспорта должны попасть в Центральное паспортное бюро, и там обнаружится, что существуют два Соколова с совершенно одинаковыми паспортами, — арест неминуем для того и другого.

Одному нужно спешно покинуть Петербург. Конечно, это сделать должен Валериан, а не настоящий Соколов. И Валериан решил попытаться уехать за границу.

«Увижусь с Лениным. Получу лично от Центрального комитета директивы и вернусь сюда», мечтал Валериан.

Оказалось, достать паспорт не так трудно. Дворник взялся это сделать за пять рублей. Ему нужно было дать справку о том, что Андрей Соколов (то есть Валериан) под судом и следствием не состоит.

Через день у Валериана в кармане лежал заграничный паспорт.

Билет куплен. Вещи — подушка, одеяло и маленький чемодан — приготовлены. Все увязано ремнями. Надо ждать еще несколько часов — поезд уходил рано утром. Ночь можно провести без сна; нервы так напряжены, что не уснешь.

Валериан ходит по комнате, курит, часто смотрит в окно: светает ли? Медленно тянется время. Утомившись, он ложится на свернутую подушку. Полежит немного, опять вскакивает, опять курит, опять ходит и ходит по комнате, то и дело посматривая в окно.

Вдруг стук в дверь. Вбегает товарищ, страшно взволнованный.

— Что случилось? — тревожно спрашивает Валериан.

Оказалось, что одного товарища, участвовавшего в московском вооруженном восстании, заочно приговорили к смертной казни, ему нужно скрыться, а заграничного паспорта достать не могут.

— Что делать? Что делать? Напали на его след... Арест и смерть неизбежны, — взволнованно говорит товарищ и бегает по комнате.

Дело идет о спасении человека, колебаний быть не может. Валериан вынимает из кармана паспорт, железнодорожный билет и передает их ошеломленному товарищу.

Тот рассматривает билет, паспорт, удивленно смотрит на Валериана, как-то странно смеется, на глазах блестят слезы радости, он еще раз осматривает паспорт и, не спросив Валериана, как он достал его, кому он был нужен, не поблагодарив, быстро выбегает из комнаты.

Валериан слышал, как, стуча каблуками по деревянной лестнице, товарищ сбежал вниз, как хлопнула калитка и скоро звук торопливых шагов потонул в спящей петербургской улице.

Валериан снова остался в большом холодном Петербурге, без угла, без денег, без друзей...

Несколько дней ночевал у одних знакомых, не имеющих ничего общего с партией; попытался разыскать товарищей по организации и, не найдя никого, хотел уе-

хать, но его уже проследили шпики. Валериан попытался скрыться, но безуспешно: через несколько дней он был арестован.

Опять тюрьма, опять ссылка, из которой бежал, в Каинск.

Печальная встреча

Прежде чем вернуть в Каинск, Валериана повезли в Томск.

В это время отец был где-то в командировке. Мама получила телеграмму: «Еду этапом Томск, встречайте вокзале Барабинск. Воля».

Мама, сестра Надя и я поехали на вокзал.

Вот подошел поезд. Мы бежим к вагону с тюремными решетками. В окне через решетку мы видим радостное лицо Валериана.

— Мамочка, приехали? Я не ожидал, думал, не получите моей телеграммы, страшно волновался...

Конвоир запрещает разговаривать. Валериан не обращает на него внимания, продолжает говорить с нами, утешает плачущую маму.

Конвоир опять и опять грубо дергает Валериана за плечо. Надя кричит:

— Вы не имеете права!

Поезд трогается, мы бежим за уходящим вагоном и видим бледное от волнения лицо Валериана и рукоятку шашки конвойного над его головой.

— Вы не имеете права! Как вы смеете!.. — кричит Надя, но поезд уже далеко.

Надя продолжает бежать за ним, потом останавливается и хочет итти к железнодорожному жандарму, но мама удерживает ее:

— Все равно не поможешь.

Мама еле держится на ногах и плачет, плачет. Возвращаясь домой, она всю дорогу твердит:

— Зачем я приехала? Что будет с ним? Что будет с ним?

А конвоир жестоко избил Валериана и надел на него кандалы. Это были первые в жизни Валериана кандалы.

Когда приехал отец, мама рассказала ему о встрече с Валерианом и показала свое заявление «на высочайшее имя» — царю.

— Зачем? — сказал расстроенный отец. — Ты этим ни-

чуть не поможешь нашему мальчику, а может быть, только ухудшишь его положение. Нашла кому писать!

Валериан рассказывал потом, что телеграмму он выбросил из окна поезда, без денег, к ногам какого-то человека и не совсем был уверен, что мы получим ее.

Тюрьмы и ссылки

Несколько месяцев просидел Валериан в томской тюрьме, прежде чем попасть в каинскую ссылку.

В Томске было у него много друзей, и весть о том, что Валериан арестован, живо облетела всех.

К нему стали приходить на свидания, приносить передачи: приносили белье, на рукавах и воротниках рубашек писали сообщения о жизни и работе партии. Валериан и в тюрьме не переставал работать для партийной организации. Его снабжали литературой, газетами, спрашивали его советов... Валериан не был одинок. Но все же он грустил. Вот стихи, которые он писал матери из тюрьмы:

Замолчи, мое сердце, не думай о воле,
О задумчивом лесе, о солнечном поле.
Слышишь, в камеру входят, грохочут ключи.
Скрой же слабость в молчаньи, будь гордо в неволе,
Замолчи...
Предо мною твой образ, любимый и милый.
Не дождаться меня из-за стенок могилы,
Позабудь, позабуду и я как-нибудь,
Ведь на многие годы мне надобно силы, —
Позабудь...
О свободе, о жизни замолкли рыданья,
Ни оковы, ни стены, ни годы страданья
Не заставят позорной пощады просить.
Не сломить мою гордую стену молчанья,
Не сломить...

Много слез пролила мама над этим стихотворением. Она бережно записала его к себе в дневник и написала от себя:

«Воля избрал себе жизнь мученика. Его судьба напоминает мне судьбу декабристов. Так страшно сознавать, что и он погибнет, не добившись того, к чему стремится».

***

Но вот Валериан опять дома. Опять заботы мамы. Опять встречи с товарищами, сходки за городом, чтение рефератов, организация кружков, преподавание в них...

Но невесел Валериан, его тяготит жизнь в Каинске, а может быть, тяготит жизнь в семье, боязнь подвести своей работой отца.

С отцом у него трогательная дружба. Они часто разговаривают до поздней ночи.

Валериан рассказывал нам однажды такой случай.

Когда он жил на чердаке в Петербурге под фамилией Соколова и работал чернорабочим на карьере, к нему приехал отец.

Как-то раз, возвратившись с работы, он застал у себя отца. Так странно было видеть полковника в мундире с орденами — на чердаке...

Валериан предложил отцу сейчас же покинуть его квартиру и переехать в гостиницу.

Отец и слушать не хотел:

— Раз ты, мой сын, живешь здесь, поживу и я...

Валериан стал уговаривать отца, объяснять, что этим он может подвести не только себя, но и его, Валериана, так как приход сюда полковника, конечно, не останется не замеченным полицией и слежка за Валерианом будет обеспечена.

Этот довод повлиял на отца, он с грустью ушел от сына.

— Я так наскучался, беспокоился о тебе, мне так много хотелось тебе сказать, многое от тебя услышать, — обиженно говорил отец.

Каинск тяготил Валериана, он старался быть очень осторожным, чтобы не навлекать подозрений полиции, — хотелось скорее, как можно скорее отбыть ссылку и уехать учиться и работать в центр.

Однажды, возвращаясь из гимназии, я увидела, что наш дом окружен полицией. Меня пропустили. Войдя в дом, я застала там такой ужасный беспорядок, какой может быть только при обыске.

По комнатам ходили жандармы и осматривали все; они не оставили в покое даже рояля и детских кроваток.

Мама сидела в кресле взволнованная, с красными пятнами по лицу и шее; Валериан стоял в папиной комнате у окна, на котором были чугунные решетки. Вся поза Валериана говорила: опять за решетку!

Обыск в доме кончился. Жандармы увезли Валериана в тюрьму. Что случилось? Почему накануне окончания ссылки и вдруг обыск, арест?

Часть жандармов осталась, чтобы осмотреть двор, сарай, амбар. В амбаре стояли корзины с папиными книгами. Они давно не перебирались, были пыльные. Жандармы, перелистывая каждую книгу, чихали, кашляли, ворчали на пыль, но продолжали рыться.

Мама попросила меня присутствовать при обыске в амбаре.

Здесь же высоко, на балках, почти под самой крышей, стояли корзины с Волиными книгами. Жандармы уже посматривали на них.

— Это корзины с архивом управления воинского начальника, — соврала я.

Присутствующий здесь писарь из папиного управления совершенно неожиданно подтвердил мои слова. Жандармы поверили и ушли. Им, наверное, уже надоело возиться в пыли.

Мама облегченно вздохнула, когда узнала, что Волины книги не смотрели, и попросила писаря снять корзины с балок.

А ночью мы с мамой сжигали Волины книги. Я бегала в амбар и таскала их большими пачками, а мама сидела у ярко горящей печи и все время перемешивала кочергой горевшую бумагу.

Выбегая за очередной партией книг, я смотрела на трубу, не летят ли хлопья пепла от горящих книг. Мама опасалась, что по дыму и хлопьям следящие за нашим домом жандармы догадаются, что мы сжигаем книги, и вернутся.

***

В тюрьме мы увидели Волю за двумя решетками. Между решетками шагал жандарм и мешал разговаривать. Это было первое наше свидание через решетку. В Омске было проще.

Мама совершенно не могла разговаривать с Волей, она опять плакала. Грустно было лицо Валериана, когда он смотрел на плачущую мать. Он старался успокоить ее.

— Ну за что? Ты скажи, за что тебя опять арестовали? Что ты сделал? — недоумевала мама.

Я, желая успокоить Волю, сообщила ему как-то незаметно, что книги мы сожгли. И каково же было мое удивление, когда я увидела на лице Валериана досаду, огорчение.

— Что вы сделали! Я так долго собирал эти кни-

ги, так гордился, что у меня есть в подлиннике «Капитал»!

Вернуть книги уже не было никакой возможности, и нас это очень огорчило.

Впоследствии выяснилась причина ареста. На имя отца из Киева была получена посылка. Послала ее женщина, партийный товарищ Валериана. За ней следили, когда она шла на почту сдавать посылку. Жандармов удивило, что посылка адресована на имя полковника Куйбышева. По сообщению киевских жандармов посылка в Каинске была арестована. Под холстом, в который была зашита посылка, на ящике было написано: «Для Валериана». В посылке оказалась нелегальная первомайская литература.

Вот за эту посылку и был арестован Валериан.

Он недолго просидел в каинской тюрьме, его опять этапом, в вагоне с чугунными решетками, увезли в Томск и посадили в одиночку.

Режим для Валериана был назначен строгий. Свидания разрешались только раз в неделю. Узнать, что делается на воле и в партийной организации, было невозможно. Вести с воли проникали за решетку случайно.

Валериан углубился в занятия, читал все, что только попадалось под руку, стал изучать языки, потом математику, физику. Как-то ему попалась книга по медицине, он и ее стал внимательно читать, составляя конспект прочитанного; через несколько дней ему попалась астрономия — Валериан и ею занялся.

Письма домой от него приходили попрежнему бодрые, но иногда в них проскальзывали нотки тоски.

Отец стал хлопотать об освобождении Валериана на поруки до суда. А Валериан в надежде на то, что его отпустят, подал в Томский университет заявление с просьбой принять его на юридический факультет. Он писал:

«Прошение.

Прошу Ваше превосходительство зачислить меня в число студентов 1-го курса юридического факультета вверенного Вам университета на 1909/1910 учебный год. Требуемые документы и деньги в размере 25 рублей будут присланы Вам канцелярией С.-Петербургского университета, о чем мною было сделано соответствующее заявление.

Валериан Куйбышев».

Отец в это время был уже переведен из Каинска в Тюмень и оттуда 23 июля 1909 года выслал в Томский университет плату за право учения.

Между тем Валериан все еще находился в тюрьме, надежд на освобождение становилось все меньше и меньше.

Наконец отцу удалось взять Валериана на поруки до суда. Валериан даже сумел получить через одного товарища свидетельство о политической благонадежности. Без такого свидетельства в университет не допускали.

Опять закипела большая политическая работа. Валериан — пропагандист среди рабочих-железнодорожников и солдат.

По заданию партии, он несколько раз выезжал на Анжеро-Судженские угольные копи, несколько раз на станцию Тайга и вел там пропагандистскую работу.

Анжеро-Судженские угольные копи и станция Тайга были крупными рабочими центрами, большевики проводили здесь широкую пропагандистскую работу.

В ноябре 1909 года в Тюмени умер отец. Мама вызвала Валериана из Томска. Валериан приехал, но отца уже похоронили. Сильно переживал Валериан смерть отца.

— Как бы мне хотелось еще хоть раз его увидеть! — с отчаянием говорил Валериан.

На могиле отца лежит чугунная плита, на которой написано:

«Дорогому мужу и любимому отцу. Дети тебя никогда не забудут и будут такими же честными тружениками, каким был ты. В этом твоя награда».

Мама эту надпись согласовала с Валерианом. Он одобрил ее.

***

А 5 декабря прокурор Томского окружного суда предложил привлечь Куйбышева к новому судебному следствию, и 15 февраля Валериан был опять арестован. Его пытались обвинить в принадлежности к эсерам.

Валериан на допросе в протоколе № 28 написал:

«Виновным себя в принадлежности к Томской организации с.-р. я не признаю и никогда к таковой не принадлежал. После моего ареста и суда в Омске я ни в какой организации не состоял и никакую деятельность не проявлял. По своим взглядам скорее мог бы разделить некоторые принципы с.-д., но ни в коем случае не с.-р. В на-

стоящее время я занимаюсь исключительно учением. Более показать ничего не могу. Писал собственноручно.

Валериан Куйбышев».

Тогда снова выдвинули обвинение в получении посылки.

***

После смерти отца вся наша семья переехала в Томск. Мама получала маленькую пенсию, мы все еще учились, и жить было чрезвычайно трудно. Мама постоянно была в заботах о Валериане, она писала повсюду прошения, посылала меня с Женей к депутату Государственной думы с просьбой о Валериане, но ничего не помогло — Валериан продолжал находиться в тюрьме.

На свиданиях в тюрьме было тяжело видеть Волю. Опять мешал говорить шагающий между решетками жандарм. Валериан все время жил надеждами на освобождение. Приближался суд, и Валериан был уверен, что его оправдают. Так он утешал маму, когда она приходила к нему на свидания.

Помню, ясно помню Волино лицо через частые проволочные решетки. Он всегда выходил к нам с приветливой улыбкой и старался говорить бодрым и веселым голосом. Серьезных разговоров вести было нельзя, жандарм прислушивался и поминутно прерывал:

— Об этом нельзя... Перемените разговор...

И мы, чтобы развлечь Валериана, начинали загадывать загадки, но и это жандарм запретил, боясь, вероятно, что это шифр.

Как-то раз, в то время как мы собирались итти к Валериану на свидание, к нам пришла одна его приятельница, Анна. Она отозвала меня в сторону и просила передать Валериану, что она пекла блины и они вышли замечательные, ни одного подгорелого.

Я удивилась этому сообщению и решила, что я таких пустяков Валериану передавать не буду. Мне было странно, что Анна, такая серьезная девушка, революционерка, и вдруг говорит о таких пустяках.

Провожая нас до тюрьмы, Анна еще раз повторила свою просьбу:

— Только обязательно скажи, что ни одного блина нет плохого, все вышли замечательные!

Тут я поняла, что это, видимо, шифр.

Разговаривая о разных пустяках, перебирая всех родных и знакомых, я наконец решилась сказать:

В. В. Куйбышев (1909 год).

— Знаешь, Анна вчера пекла блины...

Я не успела еще закончить фразу, как Валериан оживился и спросил:

— Ну, и, конечно, они у нее все подгорели?

Он пристально смотрел на меня, и я чувствовала, что он волнуется.

— Что ты, нет ни одного подгорелого блина... Анна такая мастерица! — воскликнула я.

Глаза Валериана засияли, он оживился.

— Вот здóрово! — воскликнул он да так радостно, как будто собирался итти к Анне есть блины.

Потом я узнала, что Анна сообщала Валериану о прокламациях, которые она печатала в подпольной типографии и которые благополучно разбросала, расклеила на столбах и заборах, раздала членам организации для распространения в других районах города.

Валериан, сидя в тюрьме, руководил работой организации, даже написал и передал нужную прокламацию.

Однажды на свидание к Валериану пошла сестра Женя одна. По дороге в тюрьму она купила большой красивый букет роз. Она знала, что Валериан страшно любит цветы и будет рад, как она думала, такому красивому букету роз.

Передачу принял помощник начальника тюрьмы. Он очень удивился цветам. Подумал, нерешительно посмотрел на Женю, на букет и как-то скороговоркой сказал:

— Цветы в тюрьму не допускаются!

Женя, огорченная, пошла во двор тюрьмы. Тогда он догнал ее и сказал:

— Я попробую, может быть мне удастся...

Женя при свидании сказала Воле, что принесла цветы.

Валериан радостно засмеялся, но лицо его тотчас же омрачилось:

— Нет, не разрешат! Что ты, разве можно, чтобы в тюремной камере были цветы или солнце! Этого не допускают!

И все-таки цветы появились в камере у Валериана.

Валериан как-то вспомнил этот случай:

«Вдруг открывается форточка в двери. Я приготовился увидеть там физиономию старшего надзирателя и вместо этого вижу протянутую руку с превосходным букетом роз. Я бросаюсь к форточке, хватаю букет, и форточка немедленно закрывается. Все это произошло так быстро. Я даже не успел увидеть, кто мне передал цветы,

Букет роз в одиночке! Я не знал, что с ним делать, носился с ним из угла в угол. Наконец сообразил и поставил его в жестяную кружку для чая. Но куда его поставить? Через глазок надзирателю видна вся камера. Я выбрал угол потемнее и там спрятал цветы. Потом мне это показалось кощунством, и я поставил букет на стол.

Снова открылась форточка, и один из помощников начальника тюрьмы, молодой человек лет двадцати пяти, говорит мне, что он не должен был бы передавать букет цветов, но моя сестра его очень просила об этом и он не мог отказать ей в просьбе; он просит, чтобы цветы ни в коем случае не попадались на глаза дежурному надзирателю.

И я вынужден был отправить букет в угол на пол. Время от времени я подходил к цветам, брал их в руки и любовался ими».

Наконец состоялся суд. Мама была допущена к слушанию дела.

Она вернулась из суда страшно взволнованная и со слезами нам сообщила:

— Оправдали его! Он скоро будет у нас... Так, какие-то формальности оставалось сделать...

— Что же вы плачете, мама? — спрашивали мы ее. — Радоваться надо!

— Ой, как тяжело было видеть мне Волю на скамье подсудимых!

И вот Валериан на свободе, у нас дома, среди своих.

— Ты уж будь, Воленька, теперь осторожнее, — просила мама, — смотри, как намучился и меня намучил... Учись лучше. Как папе хотелось, чтобы ты учился!

Опять начинались уговоры, просьбы. Валериан в таких случаях старался переменить разговор.

Но недолго пришлось Валериану быть дома. Начальник Томского губернского жандармского управления предписал томскому губернатору:

«Если бы Валериан Куйбышев по суду оказался оправданным, то выслать его в отдаленные места Сибири под гласный надзор полиции на три года».

Особое совещание постановило выслать Куйбышева в Нарымский край на два года. Министр внутренних дел утвердил постановление Особого совещания.

28 июля Валериана вызвали к исправнику, который объявил ему, что, по постановлению министра внутрен-

них дел, он, Куйбышев Валериан Владимирович, высылается в Нарым на два года, и потребовал от Валериана следующей подписки: «...состоя под гласным надзором полиции, без разрешения обязуюсь из города Томска не отлучаться и 31 июля в 8 часов утра обязуюсь явиться в управление 1-го полицейского участка».

Мама была сильно огорчена таким поворотом дела.

— Как же так, ведь по суду ты освобожден и оправдан? Вот что вынес суд, — мама читает в своей тетрадке: — «...Подсудимого В. Куйбышева, по обвинению в тяжком преступлении, предусмотренном ч. 1 120 ст. Уг. Ул., признать невиновным и по суду оправданным». Я буду писать прошение царю. Ведь это же несправедливо — оправдать и вдруг выслать!

Валериан просил маму не писать никаких заявлений, а просить милости у царя он просто категорически запретил.

Проводы. Нарым

31 июля мы провожали Валериана в Нарым.

Вся наша семья пришла на пароход. У нас в руках пропуска на палубу. Мы имеем право сидеть близко к Валериану, разговаривать вполголоса. Нам никто не мешает, нас не подслушивают. Мы обнимаем нашего Валериана, и порой нам даже кажется, что все несчастья уже кончились, что он освобожден и что в Нарыме ему будет неплохо. Два года пройдут незаметно, и он вернется к нам.

На прощанье мы крепко обнимаем, целуем Валериана. У него печальное лицо. Но вот он берет себя в руки, ласково улыбается, успокаивает маму, и глаза его светятся необыкновенным светом. Мы сходим с парохода, поддерживая плачущую мать.

— Берегите маму! — кричит Валериан с палубы отходящего парохода. — Не плачьте, мама! Все будет хорошо!

Мы долго стоим на берегу и машем платками, пока не скрывается пароход, увозящий от нас нашего дорогого Валериана.

Отправляясь в Нарым, Валериан написал бодрое стихотворение, которое скоро стало известно многим товарищам по ссылке; его декламировали и пели в кружках, на собраниях, на вечеринках. Часто его декламировал и сам Валериан.

Море жизни

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает,
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.

Радость жизни, радость битвы
Пусть умчит унынья след.
Прочь же робкие молитвы,
Им уж в сердце места нет.

В сердце дерзость. Жизни море
Вскинет нас в своих волнах,
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.

Горе выпадет на долю,
Бури шум поможет нам
Закалить страданьем волю
И не пасть к его ногам.

Будем жить. Любовь? Чудесно.
В бурю любится сильней,
Ярче чувства, сердцу тесно
Биться лишь в груди своей.

Так полюбим. Жизни море
Вскинет нас в своих волнах,
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.

Наслажденье мыслью смелой
Понесем с собою в бой,
И удар рукой умелой
Мы направим в строй гнилой.

Будем жить, страдать, смеяться,
Будем мыслить, петь, любить.
Буря вторит, ветры злятся.
Славно, братья, в бурю жить!

Нуте ж в волны! Жизни море
Вскинет нас в своих волнах,
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.

8 августа 1910 года Валериан на пароходе прибыл к месту ссылки.

Нарым — это захолустный, маленький городок в пятистах километрах от Тобольска. Шесть месяцев в году он оторван от внешнего мира. Политические ссыльные, попадая сюда, почти совершенно не имели надежды выбраться на свободу. Полицейский надзор был строгий.

Когда в Нарым приехал Валериан, там было несколько сот политических ссыльных.

Нарым по-остяцки означает болото. Но и в этом мрачном болотистом крае Валериан не замкнулся, не ушел в себя. Он с юношеским пылом принялся за работу.

Вместе со Свердловым он организовал народный дом, библиотеку, столовую, две школы.

Партийная школа, названная ссыльными «второй каприйской школой», по мысли Валериана должна была готовить кадры для будущей революции. В этой школе он и Свердлов читали лекции.

Вторая школа была общеобразовательная. С поступающими ссыльными уславливались: по окончании школы — побег и работа в партийной подпольной организации.

И действительно: каждую зиму большевики устраивали больше десяти побегов слушателей школы.

В то время среди ссыльных было много меньшевиков, анархистов, эсеров. Они всячески вредили большевикам. Меньшевики пытались завладеть всем тем, что организовали большевики: столовой, библиотекой, школами, кассой взаимопомощи.

Но опытный в борьбе с меньшевиками Куйбышев так организовал своих товарищей по ссылке, что они стали проводить все подпольно.

Кто-то донес обо всем местному исправнику.

— Как это так: у политических ссыльных — и все свое! — возмутился он и стал зверствовать.

С помощью шпионов, полиции и меньшевиков он разузнавал, на какие средства содержат большевики столовую, какие книги в библиотеке, где собираются слушатели школы и т. п.

Меньшевики, воспользовавшись затруднениями большевиков, пытались завладеть библиотекой.

— Ни в коем случае нельзя уступать библиотеку меньшевикам, даже работать в ней их нельзя допускать, — говорил Валериан своим товарищам большевикам. — Они снабдят ее вредной литературой да еще, чего доброго, передадут в ведение полиции.

Валериан Владимирович вместе с Яковом Михайловичем Свердловым повел ожесточенную борьбу с предателями рабочего класса меньшевиками.

«Речи двадцатидвухлетнего Куйбышева производили на нас большое впечатление, — рассказывал мне один товарищ. — Он имел большое влияние на нас, пользовался

огромным авторитетом даже среди пожилых ссыльных. Его молодость, жизнерадостность сплотили нас в крепкую семью большевиков. До его приезда в Нарым мы жили обособленно, и никаких занятий и развлечений у нас не было. Он стал душой нашей большевистской организации».

Товарищ Свердлов пытался бежать из Нарыма, но побег не удался. Яков Михайлович был замечен полицией и вывезен из Нарыма в отдаленное глухое местечко Максимкин Яр, окруженное со всех сторон непроходимыми болотами, маленькими речонками и диким лесом.

Яков Михайлович там тяжело болел, ему не оказывалась самая необходимая медицинская помощь.

Из Максимкина Яра не возвращался никто, кого прятали туда жандармерия и полиция. Жизнь там была почти невозможна для человека.

Валериан организовал кампанию за освобождение Свердлова.

— Свердлов сослан, а не приговорен к смерти, — говорили большевики ссыльным и коренным жителям, — а там он умирает. Кто имеет право отнимать у него жизнь?

Протест ссыльных вырос в целую демонстрацию, к которой примкнуло и местное население.

Царское правительство специально командировало в Нарым томского губернатора с огромной сворой вооруженных опричников.

Много было возни у жандармов и полицейских с протестующими ссыльными, но все же победа оказалась на стороне большевиков: Свердлова вернули обратно в Нарым.

В Нарыме еще остались жители, которые помнят юного Куйбышева. Там никто не называет его по фамилии. Вспоминая о нем, все говорят с нежностью: «Валериан».

На берегу одной из многочисленных речек Нарыма однажды состоялась первомайская демонстрация. Сюда с красными знаменами пришли ссыльные и многие коренные жители Нарыма.

С большой яркой речью выступил Валериан. Вскоре явилась полиция. Товарищи окружили Валериана. Как ни пыталась полиция пробраться в гущу собравшихся и услышать, о чем говорит оратор, как ни угрожала, публика не расходилась.

Полицейские пустили в ход приклады и шашки, они

старались вырвать из рук демонстрантов красные знамена, но это им не удалось.

Валериана и его товарищей вызвали к местному исправнику для объяснений. Исправник прокричал им свое наставление бросить эти «штучки».

Все думали, что дело этим и закончилось, что исправнику невыгодно давать этому делу ход, тем более что в демонстрации участвовало много коренных нарымских жителей.

После демонстрации Валериан оживленно говорил товарищам:

— Как растет уважение и любовь к нам, большевикам, среди местного населения! Это нужно учитывать и использовать для агитации. Нужно привлекать местных жителей к занятиям в кружках и школах.

Опять закипела работа. Работали школы, кружки, выпускался рукописный журнал. Большевики вели горячий бой с меньшевиками.

В это время в Нарымском крае почти совсем не было школ, и в распространении грамотности среди населения большую роль сыграли школы, организованные ссыльными.

Пушкарева, квартирная хозяйка Валериана, рассказывала, что многих Валериан научил грамоте, что он постоянно учился сам и учил других.

Однажды совсем неожиданно в Нарым приехал губернатор. С ним было много жандармов. Заволновался, засуетился исправник.

Ссыльные чувствовали, что здесь что-то неладно.

Оказалось, один ссыльный написал письмо своей знакомой девушке в Томск, в котором рассказал, как работает большевистская организация.

Он писал ей о школах, которые существовали теперь в подполье, о том, кто и как работает в школе, кому они хотят устроить побег, на какие темы читаются лекции. Вообще написал полный отчет о всей работе партийной организации, которую тщательно скрывали большевики от постороннего взгляда. Он разоткровенничался до того, что даже написал фамилии всех товарищей, которые занимали центральное место среди большевиков, перечислил всех руководителей и даже сообщил, в какой квартире они собираются для разработки того или иного вопроса.

За девушкой, к которой было адресовано письмо, следила полиция, письмо было перехвачено, и вот жандармы

приехали расправиться с большевиками. Подробное письмо болтуна крайне облегчило жандармам эту задачу.

Жандармы явились прямо на квартиру. Все семнадцать человек, о которых было написано в письме, были здесь. Их всех арестовали и отвели в каталажку, грязную, тесную и темную комнату при полицейском участке.

Валериан тоже был арестован.

Арестованных приготовили к отправке в томскую тюрьму.

Была зима. Ехать нужно было на лошадях.

В каталажке все узнали причину ареста, и Валериан со всей своей пылкостью набросился на болтуна:

— Тебе мало объявить бойкот! Предать так глупо всю организацию, сорвать налаженную работу! Ты представляешь, как велико твое преступление перед партией?

Что мог ответить болтун? Он молчал, и с ним за время пребывания в каталажке никто не разговаривал.

«Это было жестокое наказание, — вспоминал потом Валериан, — но иначе мы поступить не могли. Страшная злоба была против этого болтуна, который подвел целую организацию».

Местное население с большой симпатией относилось к политическим ссыльным — большевикам. В этом полиция и губернатор скоро убедились.

Готовясь к отправке арестованных в Томск, полиция пошла по всем дворам мобилизовывать подводы. Нужно было собрать семнадцать саней и тридцать четыре лошади.

По снежной тяжелой дороге от Нарыма до Томска всегда ездили парами. Каждого политического сажали отдельно на сани, с ним ехали полицейский и конвоир. Боялись побега. И все же и в этот раз одному товарищу удалось бежать.

В каждом дворе, куда приходил полицейский, оказывалось не все благополучно: то лошадь захворала, то кто-нибудь из семьи поехал на базар, то сани не в исправности.

— Сами понимаете, возить дрова для больницы, для полицейского управления, для церкви не станем без лошади, — отговаривались жители.

Наконец часть подвод все же набрали. Повезли сначала одну партию арестованных, а через несколько дней,

применив силу, собрали еще часть подвод для отправки оставшихся ссыльных.

Валериан поехал во вторую очередь. Провожать его пришли ссыльные и местные жители. Он говорил:

— Товарищи, из-за нашей оплошности, опрометчивости у организации вырвали семнадцать человек. Потеря, будем надеяться, временная. Она не должна отразиться на работе. Нас увозят, но вы, остающиеся на месте, обещайте не покладая рук бороться, учиться и учиться. Будущее, товарищи, за нами! Никакие невзгоды, встряски не должны поколебать нашу веру в грядущее светлое будущее, веру в победу социализма, веру в борьбу и в правоту этой борьбы. Набирайте опыт, закаляйтесь, приобретайте как можно больше знаний. Наши силы понадобятся будущей свободной России!

Всех арестованных привезли в томскую тюрьму. К моменту приезда Валериана в томской тюрьме сидел товарищ Киров. Они знали друг о друге, но ни разу не встречались. И здесь, сидя в одной тюрьме, они тоже не встретились, но передавали друг другу приветы, обменивались полученными сведениями о делах на свободе, в организации.

На прогулки выводили по десять человек. Разговаривать не полагалось. Ходили вереницей друг за другом, так что каждый мог видеть только спину и затылок своего соседа. Повертываться нельзя было — не разрешали. И вот кто-нибудь начинал вполголоса напевать. Сосед прислушивался. Оказывалось, это не просто песенка, а какое-нибудь сообщение, которое нужно передать и другим товарищам.

Однажды все политические возмутились зверским отношением к одному туберкулезному заключенному. Он содержался в ужасных условиях, почти голодал, не оказывали ему и медицинской помощи. Политические стали требовать, чтобы больного поместили в тюремную больницу. Каждый из заключенных ежедневно обращался к дежурному надзирателю с этим требованием. Ничего не помогало. И вот на прогулке один товарищ запел:

— Кузьмину очень плохо... Требования о больнице не выполняются, объявляем все голодовку...

Эта «песенка» передавалась, как по телефону, от одного к другому, потом ее перестукивали из камеры в ка-

меру. Вскоре вся тюрьма знала о решении провести голодовку.

Валериан рассказывал:

«Когда приносили есть, я спрашивал надзирателя: «Кузьмина отвезли в больницу?» — «Нет!» отвечал он. «Тогда унесите обед, я есть не буду». И так поступали все».

Забегали начальник и помощник начальника тюрьмы. Начались угрозы, потом уговоры, обещания.

Тюремному начальству было невыгодно, чтобы тюрьма бунтовала. Они за это отвечали перед высшим начальством. Вот они и бегали и уговаривали.

Наконец Кузьмина увезли в больницу, и политические заключенные через уголовных, которые обслуживали ее, узнавали о состоянии его здоровья. Голодовку прекратили.

Состоялся суд, однако тюремщики не могли найти серьезного обвинения против арестованных, и после четырехмесячного сидения в томской тюрьме их направили обратно в Нарым.

Мама говорила:

— Неужели Воля не устал от такой жизни? Хотя бы ссылку-то спокойно отжил... Учиться он так и не сможет.

Она писала Валериану письма, в которых уговаривала его переменить образ жизни, хоть немного отдохнуть от партийной работы. Она боялась, что горе и несчастья, которые все время преследуют Валериана, подорвут его здоровье.

Валериан ответил матери:

«Когда уважаешь себя и сознаешь правду своего пути, то всякое горе лишь согнет, но не сломит, а сознание правды опять выпрямит, и опять смело и гордо смотришь вперед».

Мама эти слова записала в свой дневник.

Ссыльных вернули в Нарым. Надзор за ними был теперь строже прежнего. Оказалось, что меньшевики, воспользовавшись арестом главных организаторов-большевиков, стали разлагать работу, с таким трудом налаженную большевиками. Нужно было все начинать сызнова в условиях строгого надзора.

Бывшие нарымские ссыльные рассказывают, что Валериан, занимаясь с другими, не переставал учиться сам.

Прежде чем прочесть лекцию по истории, он много работал над темой, находя марксистские обоснования историческим фактам; так же и по географии и по другим предметам. У Валериана было правило: пока сам хорошо не усвоил ту или другую тему, никогда не выступай с ней перед аудиторией. А выступать нужно было часто, и поэтому он работал целыми ночами.

Квартирохозяйка Валериана, Пушкарева, крепко осуждала своего квартиранта за ночные занятия и потому, что много керосина сжигал, и потому, что здоровье свое не берег.

В связи со смертью Льва Толстого ссыльные нарымчане организовали митинг, а потом состоялась лекция Валериана о творчестве Толстого.

Он разделил свою лекцию на две части: Толстой как художник, Толстой как философ. Товарищи рассказывали впоследствии, с каким интересом слушали они Валериана. Он умело и живо рассказывал о художественном значении Толстого, которого высоко ценил, но крайне непримиримо относился к его философии, вредящей борьбе с существующим строем. Все слушали, затаив дыхание. «Откуда у такого молодого революционера столько знаний и, главное, разносторонних знаний?» задавал себе вопрос каждый.

Занимался Валериан в ссылке и другими делами. Например, организовал бригаду из ссыльных для помощи беднякам, главным образом вдовам и солдаткам. Задачей бригады было снабдить бедняков на зиму дровами.

Один товарищ вспоминает такой эпизод:

«Колю я дрова в лесу. Холодно. Мороз так и щиплет то за ухо, то за нос. Смотрю, идет Валериан. (Одет он был всегда легко, мы все вели с ним борьбу из-за его безразличного отношения к своему здоровью.) Подходит ко мне, потирает озябшие руки и говорит: «Довольно тебе рубить, дай и нам, интеллигентам-белоручкам, поработать», а сам весело смеется. Ему и мороз нипочем. Да как стал рубить! И не выпустил из рук топора, пока не кончил работу. «Ну и сила у тебя, Валериан!» сказал я, не скрывая изумления».

***

В 1912 году Валериан отбыл ссылку и отправился в Омск. Он чувствовал себя необыкновенно хорошо на свободе, был жизнерадостен и весел.

В. В. Куйбышев в нарымской ссылке в 1910—1912 годах.

Остановился он у своей бабушки, матери отца. Старушка все оплакивала своего сына. Валериан погрустил вместе с ней и отправился к одному знакомому разузнать, что делается в партийных кругах, кто из товарищей в Омске.

Только стали беседовать, как вдруг вбежала знакомая девушка и предупредила: жандармы разыскивают Валериана и собираются нагрянуть сюда.

На квартире отца этой девушки был телефон. К ним пришел жандарм, позвонил в жандармское управление и сообщил, где находится сейчас Куйбышев. Квартал, в котором находилась квартира бабушки, был оцеплен полицией. Стали придумывать, что же делать. Девушка предложила итти к ней на квартиру.

— Жандарм говорил от нас, следовательно наша квартира вне подозрений.

Валериан согласился. Он шел за девушкой и думал: что случилось? Что могло произойти, чтобы сразу после ссылки его собирались снова арестовать?

Пришли. Девушка приготовила чай и сказала:

— Вы сидите и не волнуйтесь. Вы мой гость. К нам не придут.

Валериан не переставал нервничать и обдумывать свое положение. Он никак не мог понять, за что его хотят арестовать.

Он выглянул в окно и вдруг увидел, что к дому направляется жандарм.

Девушка попросила Валериана оставаться в комнате и в случае чего выйти через другую дверь в сад.

— А там уж ориентируйтесь, как можете, — сказала она и вышла в переднюю к жандарму.

Валериан слышал весь разговор:

— Вы недавно пришли домой?

— Да, а что?

— За вами шел какой-нибудь юноша?

— Не знаю, не обратила внимания, может быть и шел...

— Он к вам не заходил?

— Нет, ко мне не заходил.

— Странно!

Жандарм топтался на месте, звеня шпорами.

Видимо, у него не было разрешения от начальства делать обыск, поэтому он и не пошел в другие комнаты.

Жандарм ушел.

Девушка волновалась:

— Вас проследили. Сейчас он получит разрешение на обыск и придет опять... Вам придется итти в сад.

Уже вечерело. Валериан вышел в сад, в волнении походил по аллейке и сел в самой гуще сада на пень. Он размышлял. Что же делать? Как и куда скрыться? Так прошло несколько часов. Валериан решил подождать полной темноты, а там уже решать, что делать дальше.

Из сада была видна часть двора и дома. Валериан увидел, что отряд полиции вошел во двор. Девушка оказалась права: жандарм получил разрешение на обыск.

В окнах зажегся свет, и видно было, как по комнатам ходят жандармы.

Обыск! Сейчас придут и сюда. Нужно бежать.

Сад был огорожен высоким забором. Просто перепрыгнуть было невозможно. Для этого нужно было залезть на дерево, по ветке спуститься на забор, а уж оттуда спрыгнуть в соседний двор. На заборе были острые гвозди. Все это осложняло побег. Наконец с трудом Валериан влез на забор и спрыгнул в чужой, незнакомый двор. Две огромные собаки с яростью бросились на него.

Валериан остановился на мгновенье, но, заметив, что собаки на цепи, побежал к воротам.

Лай собак привлек дворника.

— Что вам угодно, молодой человек? — окликнул он Валериана.

Не ответив дворнику, Валериан вышел на улицу и быстро побежал по темной безлюдной улице. Оглянувшись, он заметил, что дворник бежит за ним. Вот он подбежал к какому-то молодому человеку, который стоял на углу.

Теперь за Валерианом бежали уже двое — дворник и шпик.

— Господин Куйбышев, напрасно вы так бежите. Остановитесь! — закричал запыхавшийся шпик.

Валериан не остановился. Он бежал все быстрее и быстрее. Но раздался свисток, из-за угла вышел городовой и преградил Валериану дорогу:

— Ни с места! Вы арестованы!

Опять тюрьма.

В омской тюрьме в это время не было политических заключенных, и Валериана посадили вместе с уголовными.

Всю ночь он не мог заснуть на грязных голых нарах. За что его арестовали, он так и не мог додуматься.

Утром его вызвали в контору. Валериан увидел, что приготовлено все, чтобы его стричь. Здесь же лежал арестантский халат и шапка.

— Я не уголовный и стричь себя не позволю! — протестует Валериан.

— А, ты еще разговаривать! — Грубый окрик и сильный удар, от которого Валериан едва удержался на ногах.

Его переодели в арестантский костюм, обрили и, избитого до полусмерти, бросили в камеру.

Совсем больного, в кровоподтеках и с кандалами на руках, привезли Валериана в арестантском вагоне в Томск и посадили в тюрьму.

Здесь он встретился со своими нарымскими товарищами и узнал, что почти все бывшие в Нарыме вместе с Валерианом и участвовавшие в первомайской демонстрации арестованы.

Оказывается, исправник не забыл о демонстрации, взволновавшей население Нарыма. Он дал делу надлежащий ход.

В это время нас никого в Томске не было и на свидания к Валериану ходили только его друзья.

Началось следствие, допросы. Свидетелями выступали полицейские Нарыма.

— Что говорил Куйбышев собравшейся толпе во время демонстрации? — спрашивает следователь у свидетеля-полицейского.

Тот вытягивается и, моргая, отвечает:

— Так что нас близко не подпустили... Слышать ничего не удалось!

— А почему же в показании сказано, что Куйбышев произносил речь против существующего строя, призывал к вооруженному восстанию? Чем вы это можете подтвердить?

Полицейский все время стоит навытяжку.

— Так что Куйбышев размахивал сильно руками, — можно было предполагать, что это все он говорил...

Следователь недовольно морщится: из таких показаний никакого дела не состряпаешь.

Сидеть в тюрьме было все трудней. Редко выводили на прогулку, кормили плохо. Валериан чувствовал, как

угасают его силы. Решил для поддержания здоровья заняться гимнастикой.

Конвойный долго простаивал перед дверью Валериана и в глазок наблюдал за ним.

Однажды конвойный спросил у Валериана:

— Какой вы веры?

— А что тебя это так интересует?

— Вот говорят, что вы, политические, в бога не верите, а я смотрю на вас и вижу, что вы молитесь каждый день, но какому богу — не пойму. Идолопоклонник вы, что ли? Кувыркаетесь перед окном...

Валериан, вспоминая этот разговор с часовым, всегда очень весело смеялся.

Суд не назначали, так как следствие все еще не пришло ни к какому заключению. Многие арестованные были выпущены на поруки к родным или друзьям. Валериан знал, что его на поруки никто не возьмет — отец умер, у матери нет денег, достать нужную сумму негде. Он с грустью приготовился сидеть в душной тюрьме до конца следствия.

Страшно тянуло на волю! Хотелось с головой уйти в работу, узнать все новости в партийной организации, почитать хорошие книги.

И вдруг ему передали письмо от сестры Надежды, которая продолжала жить в Каинске.

«...Я уже внесла за тебя деньги в жандармское управление, и на-днях ты будешь свободен! Поздравляю тебя, жду с нетерпением к себе в скучный, унылый Каинск, но в дружескую и теплую компанию!»

Радости не было конца!

И вот Валериан опять в Каинске, у своей сестры. Опять старые знакомые, друзья... Валериан потихоньку начинает нащупывать, можно ли развернуть работу. Решил быть как можно осторожнее, так как после суда думал обязательно уехать в Питер и берег себя для кипучей деятельности в гуще рабочего движения.

Валериан опять бывал в обществе ссыльных и учащейся молодежи, посещал клуб, танцовал. Он старался вести себя «благонадежно», чтобы не подвести сестру и чтобы до суда его не могли арестовать.

Но совсем без дела сидеть Валериан не мог. Он много читал — наверстывал время, потерянное в тюрьме и ссыл-

ке. В Каинске организовался драматический кружок. Валериан принял в нем горячее участие. Он набрал себе много уроков, чтобы и заработать и скоротать время до суда.

Сестра рассказывала, как смешно было смотреть тогда на Валериана:

«Смотришь на него и не веришь, что это политический деятель. Уж очень он непосредственно выполнял смешные роли в играх с молодежью. Например, хоровод поет: «Журавли длинноноги, не нашли пути-дороги...», а Валериан, подражая журавлю, ходит среди хоровода. Или если начнет танцовать, то уж буквально доупаду... Я смотрела на него и думала: сколько у него энергии, жизнерадостности и терпения переносить все превратности судьбы! Он никогда не унывает».

В Каинске молодежь очень любила Валериана. В этот приезд он, как никогда, был весел и разными затеями привлекал скучающую каинскую публику.

Валериан сам рассказывал об одной своей затее.

В клубе готовился бал-маскарад. Его устраивала «знать» города. Одна молодая нарядная «знатная» дама рассказывала в присутствии Валериана, что у нее будет необыкновенный костюм и она уверена, что получит приз. Тут же дама проболталась, что она будет одета в оранжевое платье со шлейфом, которое украсят черные бархатные двуглавые орлы. В руках она будет держать скипетр, а на голове у нее будет корона.

— Это олицетворение России, могучей, властной, непобедимой царской России, — объяснила дама. — Я патриотка! — добавила она, довольная своей выдумкой.

И вот наступил день, когда должен был состояться бал-маскарад.

Вечером клуб наполнился публикой. В разгар бала появляется непревзойденная по пышности и богатству своего костюма маска. Она гордо проходит по залу, величественно неся скипетр с царской короной...

Вдруг сразу из трех дверей в зал вихрем влетают парни в красных рубахах, в высоких сапогах, в которые заправлены черные брюки. На пышных шевелюрах лихо надеты маленькие фуражки. Парни окружают «величественную Россию», проходятся вприсядку вокруг нее и, вытащив из карманов красные платки, размахивают ими почти у самого лица царственной маски и так же быстро, как появились, исчезают.

Публика стоит в изумлении. Величественная маска,

посрамленная, обиженная, в истерике покидает клуб, а молодцов и след простыл. Кто они? Черные маски скрыли их лица от взоров публики. Да и произошло это так быстро, что и рассмотреть-то их никто не успел.

Исправник взволнован. Это демонстрация... демонстрация против существующего строя. Ведь маска олицетворяла царскую Россию!

Эта «демонстрация» так удачно прошла потому, что в ней участвовали не только эти три парня, а многие из присутствующих на балу. Они помогли скрыться демонстрантам, и поиски полиции не увенчались успехом.

Конечно, исправник в этом подозревал Валериана, и не без основания. Действительно, одним из парней был он. Но исправнику никак не удалось этого доказать, и поэтому все осталось без последствий.

По дороге в Питер

Приближалось время суда. Валериан нервничал: а вдруг опять придерутся к чему-нибудь и вышлют в отдаленные места!

Все отпущенные на поруки явились на суд. Явился на суд и Валериан.

Суд вынес всем один и тот же приговор: за ненахождением улик оправдать.

Валериан облегченно вздохнул. Он послал телеграмму Наде в Каинск: «Наконец-то действительно и серьезно свободен. Счастлив. Жму твою руку. Благодарю. Валериан».

Мама тоже получила от него телеграмму:

«Свободен, спешу к вам, чтобы крепко обнять и успокоить. Валериан».

Я в это время была учительницей в селе Лысые Горы Тамбовской губернии; у меня жила мама и две младшие сестры, Маруся и Галя.

Воля приехал к нам в село, перед тем как отправляться в Петербург.

Валериан, как всегда, внес большое оживление в нашу скучную, однообразную жизнь.

И в Лысых Горах у Валериана сейчас же появились друзья.

Мы собирались большими компаниями, гуляли по окрестностям села.

У Валериана была ярко-красная рубашка, та самая, в которой он танцовал перед величественной маской. Шевелюра на голове была пышная и длинная, почти до плеч. Он носил студенческую фуражку, которая была ему мала и едва сидела на его большой голове.

Он приехал в рваных ботинках. Денег у нас лишних не было — мама получала маленькую пенсию, я скромное жалованье, а две сестры еще не работали. Пришлось отдать старые ботинки в починку и временно походить в лаптях, которые сплел Валериану школьный сторож.

Валериана не смущали лапти, он даже находил, что в них очень удобно, мягко, не жарко. Вид у него был замечательный! Представьте себе высокого юношу в красной рубахе, в маленькой студенческой фуражке, которая едва сидит на макушке, и в довершение всего — лапти. Картина замечательная!

Как-то раз гуляли мы большой компанией вдали от села. Нужно было перейти глубокий овраг с крутыми обрывами. Обходить овраг было далеко, и Валериан скомандовал:

— Смелее! Спускайтесь!

Все осторожно стали спускаться по крутой стене оврага; ноге трудно было где-нибудь зацепиться, держаться руками тоже было не за что. Из-под ног сыпались мелкие комочки сухой глины, а иногда и большая глыба сползала в овраг.

Вдруг сильные руки Валериана хватают меня. Подняв меня почти в уровень со своими плечами, он побежал вниз по крутому оврагу. У меня замерло сердце. Я не смела ни отбиваться, ни даже крикнуть. Но это все длилось какой-то миг. Сбежав с крутого откоса, Валериан на мгновение потерял равновесие, встал на одно колено, не выпуская меня из своих рук. А потом поставил меня на ноги и, повернувшись к спускавшимся с откоса товарищам, стал театрально раскланиваться, прикладывая руки к груди.

Все товарищи, в тот момент когда Валериан бежал со мной по откосу, остановились и с затаенным от страха дыханием смотрели, что будет. Они боялись, что Валериан не сумеет удержать равновесие и свалится в овраг.

Одна учительница так испугалась, что остановилась на круче откоса и ни за что не могла двинуться с места.

Валериан крикнул ей:

— Помочь вам?

Но это предложение еще больше увеличило ее страх, и она быстро стала спускаться с откоса, крича:

— Нет, уж я сама, я сама!

Все находившиеся на дне оврага громко смеялись над этой нашей спутницей. Но вот сошла и она и неожиданно для всех бросилась на Валериана, стала колотить его по спине кулаком, приговаривая сквозь слезы:

— Никогда так не делайте, никогда... Нельзя рисковать своей жизнью и жизнью других...

Валериан, смеясь, подставлял свою спину под ее удары, а потом вдруг подхватил ее на руки и стремглав взбежал с ней на другую сторону оврага, уже по менее крутому подъему.

Все громко хохотали, а наша бедная спутница, придя наконец в себя, посмотрела на Валериана и сказала:

— Ну и сила же у вас, ну и ловкость! А все-таки я с вами никогда больше гулять не пойду.

Конечно, она не сдержала своего слова и ходила с нами гулять, и не раз; но как только на пути попадался овраг, она старалась подальше держаться от Валериана. Да, признаться, и я побаивалась этих глубоких оврагов с крутыми глинистыми склонами.

Странный вид Валериана все же смутил покой местного представителя полиции. Однажды при встрече со мной пристав многозначительно заметил:

— Сразу видно, что ваш брат нигилист [1].

А в другой раз попросил меня уговорить брата надеть другую рубашку и снять лапти.

— Смущает он всех. Вопросов много около него, да и про вас говорят...

Нас, конечно, это нисколько не испугало, да к тому же ботинки были уже готовы, так что можно было снять лапти и не вызывать лишних разговоров.

Совсем недавно, работая над материалами для книги, в одном архиве я нашла сообщение каинского жандарма тамбовскому жандарму о том, что в Тамбов следует к своей матери политический поднадзорный Куйбышев: «Примите меры к строжайшему наблюдению и сообщению».

А мы и не знали, что за нами и за Валерианом установлена слежка, и вели себя поэтому беспечно.

---

[1] Под нигилистами тогда подразумевали вообще революционно настроенных людей.

Однажды я, Валериан и Маруся поехали в город. Я получила жалованье, и мы решили купить Валериану ботинки. Кроме ботинок, купили ему белье и очень обрадовавшую его черную накидку.

В это время многие носили летом вместо пальто накидку.

Валериан был страшно рад этой покупке, он сразу же надел накидку и гордо посматривал на свое отражение в окнах магазинов.

«Кутить — так кутить!» решили мы и зашли в столовую пообедать. Сидим, обедаем. Воля все как-то непокоен.

— Что ты?

— Нет, ничего...

Через несколько минут он опять выдал свое волнение. Я и Маруся уже стали думать, не заметил ли Воля за собой слежку шпика.

Оказалось, он боялся, что кто-нибудь стащит из передней его накидку.

Мы много смеялись над его опасением. Он тоже смеялся и говорил:

— У меня так давно не было новой вещи, купленной по вкусу, что мне очень жаль потерять ее.

Вскоре Валериан уехал в Петербург. Там он опять не мог установить связь с партийным комитетом. Поехал в Вологду, но и здесь почти вся организация была арестована, и Валериан отправился в Харьков.

В Харькове он приступил к своей любимой работе пропагандиста. Он очень умело провел многолюдную демонстрацию, выступил с речью о международном пролетарском празднике Первое мая.

Но это выступление не прошло даром. За ним стали всюду появляться шпики. Валериан решил опять поехать в Петербург, тем более что он уже имел несколько адресов партийных товарищей.

В Петербурге, наладив связь с партийной организацией и получив задания от комитета большевиков, он устроился работать в рессорной мастерской Мохова.

Опять закипела работа. Партийные задания Валериан выполнял не только в мастерской Мохова, но и на «Треугольнике», и на «Путиловце», и на многих других предприятиях, а также среди солдат местного гарнизона.

Валериан опять весь ушел в работу.

В. В. Куйбышев в Петербурге (1914 год).

Скоро он стал секретарем больничной кассы на заводе «Треугольник».

Больничные кассы были легальными учреждениями при заводах, но большевики старались проводить туда своих людей и через них вести нелегальную работу.

Правление больничной кассы выбиралось на общих собраниях рабочих. Администрация стремилась выдвинуть своих людей, чтобы иметь возможность контролировать работу кассы и соблюдать интересы капиталиста, но это ей не всегда удавалось. Благодаря большевистской агитации рабочие выбирали своего представителя.

Валериан был на заводе как бы посторонним человеком, просто служащим кассы, получающим жалованье. На самом же деле он был послан комитетом партии для проведения большой политической работы.

Валериан быстро осмотрелся в новой обстановке и понял, что меньшевики навредили здесь немало. Они были всюду и действовали с администрацией заодно.

Поэтому Валериан сразу же начал жестокую борьбу с меньшевиками. Он стал знакомить представителей больничной кассы, выбранных рабочими, с деятельностью меньшевиков, пробравшихся в это учреждение.

В кассе лежали деньги, а у рабочего не было возможности лечиться или получить пособие на лечение ребенка, жены.

Администрация всегда находила предлог, чтобы отказать рабочему. Валериан объяснял каждому рабочему, что такое больничная касса и для чего она нужна рабочему:

— Это твоя касса. Ты хозяин над ее средствами. И ты, и Смирнов, и Волков, вы все хозяева и можете распоряжаться этими деньгами во время нужды. И выпрашивать у администрации деньги из кассы ты не должен, не ее это деньги! Ты должен сказать в правлении больничной кассы рабочим, которых ты выбирал, о своей нужде, и помощь будет тебе оказана...

Если нужно было что-нибудь отстоять на собрании, Валериан учил:

— Помни, что ты будешь говорить перед всеми рабочими, и ты обязан сделать доклад так, чтобы доказать правоту своего дела, и, если кто выступит против тебя, ты должен суметь защитить свой взгляд, разбить в пух и прах своих противников.

Затем Валериан проверял, что будет говорить рабочий, поправлял его. Зато всегда, когда выступал това-

рищ, подготовленный Валерианом, на собрании проводились те решения, в которых были заинтересованы рабочие, а не администрация.

Так рабочие добились увеличения пособия по болезни, они добились, чтобы врач внимательно осматривал больного и давал ему освобождение, если он действительно не может работать. До этого времени врачи играли на руку администрации, часто выписывали на работу совсем больных, чтобы не выплачивать пособий.

Валериан сам ходил на квартиры к больным рабочим, знакомился с их бытом, всячески помогал.

Он скоро заслужил авторитет и любовь среди рабочих завода «Треугольник».

Кроме того, Валериан так повел политику в кассе, что рабочие вывели из состава правления больничной кассы всех меньшевиков.

В помещении больничной кассы происходили тайные совещания, писались листовки и прокламации. Составляя прокламации, Валериан советовался со старыми рабочими, выяснял, все ли им понятно, стараясь, чтобы прокламации достигали цели.

Партийная организация хорошо знала Валериана, и он был избран членом Петроградского комитета большевиков.

Время для партийной работы было исключительно трудное. Началась война, большие массы рабочих были угнаны на фронт. Остались жены, дети, матери; они нуждались в помощи, и больничные кассы широко развернули свою работу по обслуживанию солдатских семейств.

Царскому правительству нужны были деньги на войну. Оно выпустило военный заем. Администрация заводов и фабрик вела через своих ставленников агитацию среди рабочих, уговаривая их отдать на этот заем деньги из больничных касс.

Большевики вели совсем другую агитацию. Они говорили: деньги нужны для сирот — детей рабочих, погибших на войне. Ни одной копейки помощи организаторам кровавой бойни — царю, капиталистам и помещикам!

Всюду шныряли меньшевики, они отравляли сознание рабочих ядом шовинизма, стараясь доказать, что война якобы нужна трудящимся.

Валериан опять организовал школу для подготовки рабочих к выступлению на собраниях, для борьбы с мень-

шевиками и для проведения линии большевиков на заводах и фабриках.

Печатались листовки, разбрасывались по всем заводам и фабрикам. Каждый день рабочие находили у своих станков прокламации большевиков.

Однажды был такой случай. Старый рабочий-большевик привел к Валериану молодого рабочего.

— Вот, товарищ секретарь, привел к тебе хорошего парня, а только не хочет он понимать истины.

— Что такое? — спросил Валериан.

— Да вот сегодня, — говорит молодой рабочий, — на своем станке я нашел прокламацию. На что мне она? Я и пошел отдать ее старшему мастеру.

— А зачем мастеру-то?

— Пусть он разбирается, что в ней написано. Я тут ни при чем, а кто положил — догадываюсь. Так вот пусть с ним мастер говорит.

Парень недоверчиво смотрит на Валериана и на того рабочего, который его привел.

— У тебя семья есть?

— Жена, да ребенок, да мать больная — старуха. А что вам до этого?

— А ты говоришь, что тебе не нужны листовки. Вот ты прочел бы ее и увидел, что там про твою жену написано, про твою семью, про больную мать.

Парень совсем недоверчиво смотрит на Валериана, а тот продолжает тихо расспрашивать и убеждать. Беседа длится долго.

Молодой рабочий внимательно слушает. Потом он уже сам задает вопросы, сам рассказывает о своих нуждах и о том, что привело его в Питер, а уходя, застенчиво просит:

— А вы, того... Коли нужно, так я тоже смогу разбросать листовки. Уж меня-то никто не увидит, я сумею.

И вскоре этот рабочий стал активным помощником партийной организации. Валериан умел так искренне убеждать рабочих в правоте дела партии, что число сторонников ее росло с каждым днем.

Большая и кипучая деятельность Валериана не могла, конечно, не быть замеченной, и за ним началась слежка. В охранке фамилия Куйбышева была известна: он не раз появлялся в Петербурге и о нем много уже было записано в жандармских дневниках и протоколах.

Начальник Петроградского охранного отделения 5 ию-

ня 1915 года в письме к приставу третьего участка Нарвской части предложил «немедленно произвести тщательный и всесторонний обыск в помещении больничной кассы завода русско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник» и подвергнуть безусловному задержанию в случае присутствия там В. В. Куйбышева».

Валериан в течение месяца скрывался от агентов охранного отделения. В июне он был арестован.

Досадно было итти в тюрьму, чувствуя, что близится революция, что ей нужны большевистские кадры.

Каждый день в тюрьму приводили все новых и новых арестованных.

Поздно ночью, когда уже в камере укладывались спать, Валериан полушопотом начинал беседу с вновь прибывшими товарищами, расспрашивал о текущих событиях в городе, о настроении рабочих.

Новые арестованные приносили сведения о забастовках, которые вспыхивали все чаще и чаще, о вооруженных столкновениях рабочих с полицией и царскими войсками.

Валериан и в тюрьме не прекращал своей пропагандистской деятельности. Его окружала молодежь, первый раз попавшая в тюрьму, у которой было много неразрешенных вопросов, молодежь, которую меньшевики своими «теориями» нередко сбивали с правильного пути. Валериан подолгу беседовал с ними, знакомил их с историей партии, рассказывал о трудах Ленина, внушал им веру в победу большевиков.

— Революция приближается, — говорил он молодым товарищам. — Она быстро охватит страну, так быстро, что царское правительство не успеет оглянуться... Нужно только скорее кончать войну. Нужно обратить ее в гражданскую...

А на прогулках он мимоходом, как бы невзначай, бросал меньшевикам:

— Революция приближается! А вы говорите, что революционное движение не может развиваться во время войны. Утверждаете, что нужно дожидаться победы царя над немцами. А вот массы опрокидывают вверх ногами все ваши меньшевистские прорицания.

И здесь, в тюрьме, Валериан умножил число сторонников партии большевиков.

Валериана приговорили к высылке в Иркутскую губернию.

Под усиленным конвоем привели заключенных на Николаевский вокзал. Вот в конце поезда зеленый вагон. На окнах тяжелые чугунные решетки.

До Красноярска ехали сравнительно свободно: женщины и мужчины в одном вагоне. Переговаривались, делились впечатлениями, смеялись, тихо пели революционные песни, делились продуктами. И здесь, в вагоне, не обошлось без споров с меньшевиками.

Молодежь, ехавшая в тяжелую далекую ссылку, умела уже не только защищать взгляды большевиков, но и разбивать несостоятельные доводы меньшевиков. Она переходила в яростную атаку.

— Ты что, в тюрьме прошел большевистский университет? — злобно кричал меньшевик на одного молодого рабочего. — Совсем недавно ты был согласен с моим мнением и поддерживал меня в спорах.

— Всякому заблуждению должен притти конец, — весело отвечал паренек. — Куйбышев вывел меня и моих товарищей из заблуждения, в которое ты нас ввел, пользуясь нашей молодостью и малограмотностью.

Меньшевики чувствовали, что их споры бесполезны, поэтому часто, как только начиналось обсуждение каких-нибудь вопросов, уходили от беседующих. Они наперед знали, что все вопросы будут задаваться Валериану. Их бесило, что этот юноша-большевик пользуется таким большим авторитетом у молодежи.

Нередко возникал спор между эсерами и меньшевиками. Валериан, прислушиваясь к этим спорам, подсылал кого-нибудь из своих учеников, чтобы тот разбивал и тех и других.

— Это для тебя большая школа, — говорил Валериан, — а если я увижу, что эти вороны начали тебя клевать, приду к тебе на помощь или пошлю вот его, — он указывал на одного из товарищей.

Посланный Валерианом юный большевик старался выдержать экзамен. Он не давал себя заклевать.

Меньшевики и эсеры все больше озлоблялись против Валериана, но это только усиливало любовь к нему молодежи.

После Красноярска сменился конвой. Режим резко переменился. Конвойные всех рассадили — женщин отдельно от мужчин, запретили разговаривать, переходить с места на место. Особенно грубо, издевательски обращались с женщинами.

Валериан выразил протест. К нему присоединились и остальные арестованные: поднялся настоящий бунт. Конвойные испугались и ослабили репрессии.

В Иркутске всех привели под усиленным конвоем в тюрьму. Нужно было ждать, пока организуется большая партия для этапа.

Ссылка в Тутуры

В иркутской тюрьме свирепствовал тяжелый режим: не разрешалось подходить к окну, нельзя было читать, громко разговаривать, кормили отвратительно — какой-то бурдой, в которой плавали черви и тараканы.

В Иркутске Валериан узнал, что он направляется в Верхоленский уезд, в село Тутуры.

Наконец была собрана достаточная партия ссыльных для отправки их этапом.

Вывели всех на улицу. Был ноябрь. Погода была какая-то странная — то метель и снежная буря с колючим, как иглы, снегом, то вдруг дождь. После дождя опять наступила ужасная стужа, от которой замерзала одежда, покрываясь коркой тонкого льда. Замерзали ноги, коченело все тело.

Во дворе всех переписали, сделали перекличку, проверили документы и поставили по четыре в ряд. Сковали кандалами по два человека — рука с рукой — и двинулись в далекий, страшный путь по сибирскому тракту.

Днем и ночью неустанный лязг цепей... Кандальный звон, раздирающий душу...

Шли, проваливаясь по колена в снегу, с трудом борясь с ветром и вьюгой. Шли в страну вечных слез и проклятий. Многие отмораживали себе конечности, болели, отставали от этапа и в какой-нибудь глухой заброшенной деревушке ждали следующей партии, если не погибали.

Шли без отдыха двадцать пять — тридцать верст до этапного пункта. Там отдыхали от кандалов, расправляли усталые спины, отогревались. Пили горячий чай, старались шутить, чтобы поднять друг у друга настроение.

Утром опять шли, опять звенели кандалы... И так триста пятьдесят верст!

Чтобы хоть немного облегчить тяжелую ходьбу, заключенные тихо напевали революционные песни или песни сибирских каторжников:

Дзинь-бом, дзинь-бом, слышен звон кандальный.
Дзинь-бом, дзинь-бом, путь сибирский дальний...

— Почему поют скучные песни? — спросил однажды Валериан своего соседа. — Гораздо легче итти под веселые, бодрые песни.

Сосед ничего не ответил. Дальше шли молча. И вдруг:

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает,
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.

Эту песню запел юноша, идущий сзади Валериана. Валериан обернулся, удивленно и ласково посмотрел на поющего:

— Откуда ты знаешь мое стихотворение?

— Его вся молодежь нашей организации знает. Я переложил слова на музыку, и мы пели эту песню на каждом собрании, — застенчиво сообщил юноша.

1 декабря пришли в село Тутуры. Это было глухое село, расположенное далеко от железной дороги, на берегу реки Лены.

Ссыльные, освободившись от конвоя, пошли искать себе квартиры. Валериан поселился в деревенской избе, в маленькой комнатке, где могли поместиться только стол, кровать и стул.

Сейчас же принялись за организацию столовой, библиотеки, народного дома, школы.

Изба, которую сняли для столовой, стала местом собраний. Здесь читались рефераты, велись споры с меньшевиками, здесь же редактировали рукописную газету и журнал.

До приезда Валериана в этой ссылке было тихо, никакой политической жизни, полный застой. Валериан, имея уже большой опыт работы в прежней ссылке, вместе с другими большевиками вовлек всех ссыльных в разнообразную политико-воспитательную работу. Жизнь пошла по-иному.

Валериан рассказывал, что одна учительница очень помогла им в проведении занятий: она доставала нужные книги и для занятий и для чтения. Она часто устраивала у себя «приемы гостей», на которых руководители большевистской организации составляли планы своей работы, планы борьбы с меньшевиками.

Я пыталась узнать фамилию этой учительницы, но мне

это так и не удалось. Вероятно, она уехала из Тутур, и о ней забыли.

Между прочим, у нее оставалась шкатулочка, которую сделал в Тутурах сам Валериан. Шкатулочка была очень замысловатой конструкции, с секретными затворами, с маленькими совершенно неожиданно открывающимися ящичками.

Валериан любил столярное дело и в ссылках часто, утомившись от чтения и занятий, принимался за столярничество. Многие думали, что он по профессии столяр, так хорошо и тщательно он отделывал детали.

Под редакцией Валериана в тутурской ссылке стал выходить журнал. Нашлись художники, которые делали прекрасные иллюстрации к рассказам и стихам. Нашлись поэты, писатели, критики. Журнал был рукописный, переписывался от руки в нескольких экземплярах.

После прочтения журнала всеми ссыльными в Тутурах его отправляли в другие села к ссыльным, и так он переходил из села в село, привлекая все новых читателей, корреспондентов, художников и критиков.

Все чаще приходили к Валериану деревенские юноши и просили позаниматься с ними математикой, историей. И Валериан никому никогда не отказывал. Часто такие занятия превращались в беседы на политические темы, и Валериан втягивал в организацию новых сторонников.

Как-то раз один деревенский юноша обратился к Валериану с просьбой объяснить ему смысл слов «замучен тяжелой неволей». Песню эту местная молодежь часто слышала от ссыльных да и сама подпевала.

— Вот вы в неволе, а какой веселый, — смущенно сказал парень.

Валериан стал рассказывать ему о тюрьмах, о каторгах, о царских застенках, об издевательствах над заключенными, избиениях, казнях...

— Что же, и вас ждет такая же участь, если вы не подчинитесь царским жандармам?

— И меня ждет такая же участь.

— И вы не пугаетесь?

— Нет, не пугаюсь.

— Да, видно, правда, что вы за хорошее дело боретесь.

Любила крестьянская молодежь беседовать с Валерианом.

«А как он нам историю рассказывал! — вспоминали они. — Так расскажет про всех царей и князей, что навек запомнишь. Тут только мы поняли, что обманывали нас, скрывали от нас правду, не так историю описывали, какой она на самом деле была».

Кипел в работе Валериан. Дня ему было мало, чтобы все успеть сделать. Он писал маме:

«Много работаю, читаю, занимаюсь. Дня нехватает. Если бы его увеличили в два раза, то и этого было бы мало. Хорошо бы в сутках было 72 часа».

И все-таки потянуло Валериана в центр, к большой, кипучей деятельности, к рабочим, в гущу революционной работы.

Побег

Наступила масленица. Жители Тутур пекли блины и катались на тройках в широких сибирских кошевках. Бдительность полицейских, настроенных празднично, в какой-то мере была ослаблена. Валериан решил воспользоваться этим. Вместе с товарищами он нанял тройку крепких сибирских лошадок якобы покататься.

— До Качуга доедем, там с друзьями повидаемся. На блины пригласили, — сказал Валериан крестьянину.

Качуг — это большое село, в которое без разрешения урядника нельзя было отлучаться ссыльным.

— В гости к друзьям? Можно, почему не проехаться! — согласился возница. Он уж был навеселе и ничего не заподозрил.

Шумно выехали из Тутур. Все пели веселые, праздничные песни и радостно смеялись.

Из Качуга Валериан не вернулся...

Прошла масленица. Стражники пошли по избам проверять, все ли ссыльные на местах. На квартиру к Валериану тоже пришел стражник.

— Где Куйбышев?

— Он ушел к товарищам, — сообщила хозяйка.

— А тут он, в Тутурах? Не бежал?

— Куда он денется! Тут, конечно тут!

Через несколько дней стражник опять приходит.

— Куйбышев дома?

— По слухам, в Качуг уехал...

— Как в Качуг?! — вскричал стражник. — Да как он

В. В. Куйбышев (1915 год).

смел самовольно отлучиться из волости? Что он, закона не знает?

Стражник бросился в волостное село Жигалево, где был телеграф. Запросил Качуг.

— Приезжал к вам Куйбышев?

— Нет, не видели, — ответили ему.

В центр полетело срочное сообщение:

«Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что административный Валериан Владимиров Куйбышев, высланный в пор. 34 ст. Положения о государственной охране, с места водворения (село Тутуры) скрылся.

Приметы Куйбышева — 28 лет, рост 2 арш. 7⅝ вершка, волосы черные, глаза серые, лицо чистое.

Подписал исправник *Чуприанов*».

Между тем Куйбышев в Качуге сговорился с обозчиками, которые ехали в Иркутск за товарами, чтобы они его довезли до города.

В Иркутске он в партийной организации получил паспорт на имя Иосифа Андреевича Адамчика.

Свободный и радостный, Валериан сел в поезд и решил ехать в Петроград. По дороге остановился в Самаре.

Там его стали уговаривать остаться и наладить работу в партийной организации, так как многие товарищи были арестованы и высланы. И Куйбышев остался в Самаре.

Самара

Нужно было спешно устраиваться на работу.

Сначала Куйбышев поступил в пекарню табельщиком, потом работал там же бухгалтером. Однако, работая в пекарне, трудно было проникать на другие предприятия, а между тем партийная работа требовала связи главным образом с крупными предприятиями.

В партийной организации решили устроить Куйбышева фрезеровщиком на Трубочный завод.

Его привели на завод и отрекомендовали мастеру как высококвалифицированного фрезеровщика.

— Возьмем на испытание, выполнишь норму — останешься работать, — сухо сказал мастер.

Валериан, не имевший до того и представления о фрезерном станке, быстро освоился с работой, постиг ее премудрость и стал квалифицированным рабочим.

Партийная организация была настолько развалена жандармским террором, что с трудом удавалось собрать всех членов партии на собрание.

Война все еще шла, правительство создавало военно-промышленные комитеты, втягивало туда рабочих. Нужно было как можно скорее привести в действие все силы большевиков и не только в Самаре, а и по всему Поволжью.

Валериан и Шверник были главными организаторами самарских большевиков. Они издавали листовки, прокламации, доставали литературу, выступали с речами на собраниях.

Адамчика встречали и среди рабочих Гранатного завода, и на заводе, изготовляющем оболочки для ручных бомб, и на других предприятиях.

Многие с завода имени Масленникова, бывшего Трубочного, помнят Адамчика и всегда охотно рассказывают о совместной работе на заводе и в партийных кружках.

Один рабочий рассказал мне такой случай:

«Я не был в партии и не состоял ни в каких кружках, но так как-то смутно чувствовал, что из тяжелого положения, в котором находились рабочие, можно выйти только при помощи какой-то сильной борьбы. Но какой должна быть эта борьба? Я много читал, но ответа на свои вопросы не находил. Когда на нашем заводе кого-нибудь арестовывали, я с горечью думал, что, наверное, этот человек мог бы мне многое рассказать, объяснить.

Я стал присматриваться, прислушиваться. В это время к нам на завод пришел новый рабочий — Адамчик. Я видел, что некоторые рабочие очень тепло относились к нему, как-то особенно с ним разговаривали. Я хотел, но никак не мог подойти к нему. Все время ждал удобного момента. И вот однажды я пошел за ним с завода, все собирался заговорить, но не решался. Так мы дошли до Некрасовской улицы. Он вошел в дом, а я пошел дальше, ругая себя за нерешительность. Походил, походил и решил зайти к нему. Спрашиваю: «Здесь живет Адамчик?» Оказалось, здесь. Иду к нему. Вхожу в маленькую, почти темную комнату, такую маленькую, что ее можно скорее назвать чуланом. Ни стола, ни кровати здесь не было. На полу лежала снятая с петель дверь — это и была кровать... На этой «кровати», вытянувшись во весь рост, лежал наш рабочий Адамчик. Он увидел меня, приподнялся.

— А я вот решил отдохнуть... Что тебе?

Завязалась беседа. Он меня расспросил обо всем: о семье, о книгах, которые я читал, о товарищах. Сам о себе он ничего не рассказывал, на волнующие меня вопросы тоже не отвечал, а посоветовал чаще встречаться с некоторыми рабочими и посещать профсоюзные собрания.

С каким-то раздвоенным чувством вышел я от него. Говорит, как с равным, — задушевно и хорошо, а вот на вопросы, на больные вопросы не отвечает...

Через несколько дней я уже сошелся с товарищами, которых мне порекомендовал Адамчик, и вскоре узнал правду, за которую нужно бороться, и как бороться».

Валериан очень осторожно относился к знакомству с новыми товарищами, он знал, что шпики, подосланные жандармами, всячески стараются войти в доверие к рабочим.

Он говорил партийным товарищам:

— Присматривайтесь к новому человеку, не доверяйте ему сразу, особенно берегите себя от меньшевиков и эсеров. Выдав свою работу, вы можете провалить всю организацию.

Жандармы проявляли беспокойство, они чувствовали, что не все большевики еще пойманы, не все заперты в каменных мешках и отосланы в далекие, суровые края. Для них было ясно, что есть еще кто-то, кто руководит организацией, возбуждает рабочих и крестьян.

А большевики действительно всё шире и шире развертывали свою деятельность, привлекая в свою организацию все новых и новых членов из среды рабочих.

Но связь с другими городами все еще не была установлена. Поэтому большевики решили созвать конференцию партийных организаций всего Поволжья.

Примерно в это время Валериан приехал в Тамбов, где я тогда работала.

Мне сказали, что меня спрашивает какой-то господин. Выхожу.

— Валериан!

Бросаюсь к нему, обнимаю. Он мне тихо говорит:

— Я Иосиф Адамчик, а это моя жена.

Он указал на женщину, стоявшую рядом с ним.

Я была рада, что у Валериана есть жена. Нам все время казалось, что брат страшно одинок в личной жизни, и мы страдали за него.

Всего несколько часов пробыл Валериан у меня. Ему нельзя было задерживаться. Он страшно сожалел, что не увиделся с мамой, которой в это время не было в Тамбове.

Валериан был очень ласков со мной, крепко обнимал меня, тормошил, спутывал мои волосы, вообще вел себя, как старший с младшей, хотя у меня была уже маленькая дочка.

Валериан играл с моей дочкой, смеялся над ней, когда она сидела в ванночке, и сказал мне, что у него тоже скоро будет ребенок.

О жене Валериана я узнала, что она вместе с ним бежала из иркутской ссылки под чужой фамилией — Воробьева.

Конференция

Еще до созыва конференции Валериан и Шверник организовали на Трубочном заводе забастовку, которая повлекла за собой забастовку и на других предприятиях.

Трубочный завод работал на военные нужды. Все начальство на заводе было военное: генералы и полковники. Вести революционную работу было чрезвычайно трудно — следили за каждым рабочим. В этот период усиленной агитации против войны жандармы особенно свирепствовали и разыскивали зачинщиков.

И все-таки, несмотря на все трудности, Шверник и Куйбышев забастовку провели.

Товарищ Амбражук, работавший тогда на Трубочном заводе, рассказывает:

«Товарищ Адамчик собирал нас в инструментальной кладовой. Он говорил нам, как нужно выступать на митинге, учил, как должен был вести себя большевик.

— Главное, не волнуйтесь, только этого начальство и ждет, чтобы воспользоваться вашим замешательством и пригласить казаков для избиения, — говорил он».

Когда начался заводской митинг, казаки окружили завод, заполнили коридоры.

— Расходитесь немедленно, иначе прикажу стрелять! — кричал управляющий заводом генерал Зыбин.

Казаки взяли ружья наизготовку. Но рабочие продолжали спокойно стоять и слушать выступления Адамчика и Шверника.

Начальство волновалось, но стрелять в рабочих не решалось.

Боясь сорвать военные заготовки, администрация пошла на уступки. Но все выступавшие были взяты на заметку, и слежка за ними усилилась.

Большевики с большим напряжением и осторожностью готовились к проведению в Самаре поволжской конференции.

В самарской организации состоял некий Сапожков-Соловьев. Умело маскируясь, он до самой революции состоял в большевистской организации, будучи провокатором. Есть основания предполагать, что от него и стало известно жандармам о подготовке поволжской конференции. После революции в документах самарской охранки были найдены записи жандармского полковника Познанского, где он писал: «По сведениям агента жандармского управления «Кудрявого», выясняется, что поволжская конференция состояться не может, так как в рядах партии идут большие разногласия...»

Кто был этот «Кудрявый», до сих пор неизвестно.

Полковник Познанский разослал телеграммы в Симбирск, Саратов, Астрахань, Казань, Нижний, Кострому, Ярославль, Уфу и другие города с сообщением, что, по сведениям агентуры, в Самаре ожидается поволжский съезд большевиков. «Телеграфируйте имеющиеся по этому поводу сведения, в случае выезда делегатов сопровождайте».

Все запрошенные города ответили: «Сведений не имеется».

Но опытный охранник Познанский поставил на ноги весь свой шпионский аппарат, и не без результатов. Скоро стали поступать из всех городов Поволжья телеграммы: выехал такой-то делегат... место его явки на такой-то квартире... пароль: «От Самуила».

На Вознесенской улице в доме № 13 начали собираться делегаты конференции, представители партийных организаций всех городов Поволжья. Приходили по одному, соблюдая осторожность.

Адамчика нет. Его ждут как руководителя и организатора конференции. Сапожков-Соловьев здесь, вероятно здесь и «Кудрявый».

А в это время Валериан, задержавшийся на заводе, торопился на конференцию. Подойдя ближе к дому № 13,

проверил, как обычно, нет ли за ним слежки. Он зашел неподалеку в Александровский сад и стал оттуда следить за домом. Опытный глаз заметил типичную фигуру шпика, разгуливающего около дома с палочкой в руках.

Нужно было незамеченным пробраться в дом и предупредить товарищей об опасности.

Воспользовавшись моментом, когда шпик отошел от дома на несколько шагов, Валериан быстро перескочил садовую изгородь и вбежал в дом.

— Конференция не может состояться, — взволнованно сообщил он: — за домом следит шпик, нужно скорее расходиться...

Некоторые товарищи не поверили в опасность и стали смеяться:

— Ты страдаешь манией преследования!

— У тебя шпикомания!

Но Валериан настойчиво потребовал немедленно разойтись и стал буквально силой выпроваживать из дому одного делегата за другим.

Вскоре опасения оправдались: явились жандармы и полиция. Хозяин квартиры был тут же арестован. Не удалось скрыться и делегатам — они были арестованы поодиночке на улице. Был арестован и Валериан.

Снова тюрьма

Валериан попал в одиночку. Полковник Познанский заподозрил, что Адамчик — это крупный политический деятель, видимо бежавший из каторги под чужим паспортом.

— Вы беглый каторжник, мы вас уже разоблачили. Почему вы не хотите назвать свою фамилию, которую мы все равно знаем? — орал Познанский на Валериана при допросах.

— Я Адамчик и из каторги никогда не бежал, потому что там никогда не был, — сдержанно отвечал Валериан.

Его даже на прогулки выводили одного, боясь его общения с другими заключенными.

Книг не давали. Сидеть сложа руки Валериан не мог, и он стал работать в столярной мастерской. Столярную работу Валериан издавна любил. Еще в тутурской ссылке

он много столярничал и на удивление всем делал очень красивые вещи.

Здесь в мастерской он сделал очень хорошую кушетку, которую забрал себе начальник тюрьмы.

А Познанский все допытывался у Валериана:

— Как ваша настоящая фамилия? У вас в паспорте сказано, что вы сын крестьянина, а я вижу, что вы интеллигент и по всем вашим манерам, по разговорам да по всему... Вы говорите, что первый раз арестованы, а я вижу, что вы опытный политический заключенный, вы знаете все обычаи тюрьмы и даже правила конспирации революционера в тюрьме вы хорошо знаете. Вы умеете перестукиваться, вы умеете использовать каждую случайную встречу с заключенными для агитации. Зачем вы скрываете? Ведь мы все равно всё знаем.

Валериан не хотел называть своей фамилии, так как не знал, в чем состоит обвинение. Один побег из ссылки еще ничего страшного не сулил, это все-таки меньше, чем побег с каторги, который предполагали жандармы. Важно было установить, что обнаружено при обыске квартиры, где собиралась конференция, что известно жандармам об участии в революционной работе Адамчика. Но оказалось, что обыск на квартире, где должна была состояться конференция, ничего нового не дал в руки жандармам. Тогда Валериан сказал Познанскому:

— Вы ошиблись, господин полковник, я просто бежавший из ссылки, а не с каторги Куйбышев Валериан.

— Не может быть! Вы опять придумываете!

— Вам это легко установить. Возьмите мое дело в жандармском управлении, установите личность по фотокарточкам...

И действительно, через несколько минут Познанский должен был согласиться, что перед ним стоит не каторжник, а бежавший из иркутской ссылки административный ссыльный Куйбышев.

***

Тринадцать товарищей из числа арестованных по делу самарской партийной организации были приговорены к высылке в Туруханский край.

Валериан и его жена были приговорены к пяти годам высылки, как бежавшие из ссылки и проживавшие под чужими паспортами; остальные получили по три года.

Жена Валериана была оставлена в тюрьме, так как ожидала рождения ребенка и не могла итти в ссылку.

В. В. Куйбышев у станка на Трубозаводе в Самаре (1916 год). (С картины художника В. Сварога.)

В последних числах января, в самые жестокие, трескучие морозы, был назначен день высылки. Всех перевели в одну камеру и выдали вещи, отобранные при аресте. В камере было оживленно. Многие из заключенных давно не виделись друг с другом. Веселые разговоры, шутки... Все рады вырваться из душной тюрьмы, и предстоящий длинный путь по сибирскому пути как-то никого не беспокоил.

Одному из заключенных родные сообщили, что рабочие Трубочного завода и других заводов собираются устроить проводы заключенным, что около тюрьмы собралась уже большая толпа, разогнать которую полиция и тюремная администрация не решаются.

Все были взволнованы этим сообщением. Валериан радостно и возбужденно ходил по камере. Вот он сел на нары и начал быстро что-то писать.

И через несколько минут обратился к товарищам:

— Послушайте, что я написал для наших друзей, которые нас не забыли и выражают нам любовь, преданность и дружбу.

И он прочел написанное экспромтом стихотворение:

Тянулась нить дней сумрачно пустых.
Но мысль о вас, о милых и родных,
Тоску гнала. Улыбка расцветала,
И радость бурная по камере витала.
Мы светло грезили о счастье дней былых.
Мы в путь пошли под звуки кандалов,
Но мысль бодра, и дух наш вне оков,
Когда увидели мы лица дорогие,
Заботы милые, улыбки молодые,
Веселый смех и ласку милых слов.
И там вдали, в снегах страны чужой,
Ваш образ милый, бодрый, дорогой
Растопит лед суровой, злой неволи
И воскресит мечту о светлой, гордой доле,
О днях грядущих, наполненных борьбой.

Все заключенные подписались под этим стихотворением и передали его провожающим друзьям.

Проводы

Вот всех вывели на тюремный двор, стали делать перекличку и проверять документы.

— Куйбышев! — выкрикнул начальник тюрьмы.

— Здесь!

— Что же это вы? Образование — кадетский корпус... Жаль, жаль... были бы теперь офицером...

Валериан еще не успел ответить, как кто-то из заключенных громко выкрикнул:

— А у нас он будет генералом!

Начальник побагровел от злости.

— У кого это у вас? А вот у нас мы одинаково закуем в кандалы и вашего генерала и тебя, рядового солдата.

— Это не надолго...

— Ну ты там, поговори еще!

Всех заковали в кандалы. А Валериан улыбался светлой, задорной улыбкой, глядя прямо в глаза начальнику тюрьмы.

— Очень весело! — ворчал начальник, видя смеющихся заключенных. И вероятно, в это время думал: «Ничто их не берет: ни тюрьма, ни ссылка, ни каторга, ни кандалы!..»

По четыре в ряд вывели арестованных из тюремного двора.

Толпа рабочих, жен, сестер, братьев, отцов, матерей, родных и знакомых ожидала у ворот, чтобы проститься с заключенными, проводить их в далекий, трудный, суровый путь.

Провожающие с волнением разыскивали своих родных и друзей. Подбегали, выкрикивали имена и приветствия. Конвоиры свирепо их отгоняли, а те снова и снова подходили к заключенным, стараясь пробраться как можно ближе.

У многих заключенных появились в руках цветы. Ничего, что на снежной вьюге они завяли, потеряли свою красоту и свежесть. Цветы говорили о многом. Их язык был понятен Валериану.

Чуть-чуть сутуловатый, высокий и широкоплечий, в сапогах, в старом черном пальто с бархатным воротником, закованный рука к руке с соседом, Валериан шел с букетом цветов и ласково улыбался друзьям.

До самого вокзала толпа не покидала заключенных. На вокзале оказались еще новые провожающие.

Гремя кандалами, вступили на перрон. Сотни голосов в одном приветственном порыве выкрикивали имя Валериана.

В этих взволнованных проводах была большая надежда на скорое возвращение Валериана и великая вера в близкую победу рабочего класса.

— До свидания, друзья! — говорил Валериан со ступенек арестантского вагона. — До свидания! Мы скоро вернемся!

И в ответ Валериану опять раздаются приветственные выкрики:

— До свидания, родной наш Валериан! До свидания! До скорого!

В самую последнюю минуту, когда толпа провожающих стояла у окон вагона, Куйбышев с радостной улыбкой, совсем не похожий на узника в кандалах, еще раз сказал товарищам:

— Не горюйте, друзья, скоро увидимся!

Последний этап

Опять пересыльные тюрьмы, жуткие, грязные каземата-камеры, отвратительная пища. Особенно зверским режимом и грязью отличались тюрьмы в Оренбурге, Челябинске и Иркутске.

От Иркутска длинный суровый путь по занесенным снежным дорогам, в мороз, вьюгу...

В этапках отдыхали. Снимали кандалы, боролись, чтобы отогреться и размять окоченевшие мышцы.

Пили чай, за чаем беседовали, пели тихо, громко петь и здесь запрещалось. В комнате с заключенными все время находился солдат из конвоя, который, выполняя приказ старшего конвоира, распоряжался:

— Ну, ну, вы, господа заключенные, не расходитесь больно-то, а то...

Над ним смеялись.

— А все-таки мы господа заключенные! А ты?

— Не приказано мне с вами разговаривать, — отделывался солдат.

Среди ссыльных, идущих этапом в Туруханский край, был старик-рабочий. Он высылался из Петербурга, сидел в «Крестах». В Иркутске много месяцев ждал оказии, чтобы отправиться в Туруханку. Истощенный, больной, но бодро переносящий свою судьбу человек.

Валериан всячески старался облегчить старику трудный путь. На стоянках он снимал с него сапоги, растирал ему ноги, закутывал их в свое пальто.

— Грейся, грейся, а то далеко еще двигаться твоим ногам... не выдержат еще...

— Выдержат! Я им не разрешаю уставать, — смеялся рабочий и ласково гладил непослушную шевелюру Валериана. — Пословица говорит: «С горя и печали русые секутся», а у тебя вон как буйно волнуются — не удержишь ни под какой шапкой.

— А начало-то пословицы забыл: «С радости-веселья сами кудри вьются...» Вот у меня и вьются, — смеялся Валериан.

Во время отдыха рассказывали забавные истории из жизни, сочиняли длинные сказки.

Начнет один, фантазирует, фантазирует, а потом передает другому, тот продолжает.

Получалась длинная смешная сказка, она веселила арестованных, и они часто ее продолжали даже дорогой от одной этапки до другой.

Часто в этапках Валериан декламировал свои стихи-экспромты или старые, давно написанные.

Однажды старый рабочий сказал Валериану:

— Я приметил, что в твоей песне часто встречаются хорошие слова о цветах. Мне это особенно по душе. Помню, десять лет тому назад был такой случай. Арестовали меня, заковали и отправили в Сибирь. Где поездом ехали, где пешком, где опять поездом... И вот на станции Петропавловск в арестантский вагон, отталкивая конвоиров, пришли рабочие с букетами цветов. «Вам от Касаткина», сказал кто-то и передал мне большой букет цветов. Вольным-то не держал цветов в руке, не до них было, а тут... Как ребенок был обрадован. И, признаться, даже расплакался. Кто такой Касаткин, я понятия не имел и до сих пор не знаю, кто он такой. Понял только всем сердцем, что свой. В ту минуту он был для меня ближе родного...

— Постой! — перебил рассказчика другой ссыльный. — Я знаю Касаткина. Это вот он, — ссыльный показал на Валериана, — так мы его называли в петропавловском подполье.

Старик вскочил и, радостно обняв Валериана, стал целовать его.

***

В Зимнем дворце уже заседало Временное правительство, царь был свергнут, а по Енисейскому тракту в Туруханский край все еще гнали партию за партией закованных в кандалы ссыльных.

Валериан с партией заключенных приближался уже к

месту ссылки. Вот еще одна этапка, а в следующую ночь все ссыльные будут спать без конвоиров, разденутся, вымоются, удобно лягут на подушку... Все ждали этого момента в тревожном нетерпении, и многим казалось, что последние тридцать верст будут самые тяжелые, что вот эти-то последние версты они и не смогут пройти.

Валериан, как всегда, заражал всех своей бодростью и жизнерадостностью. Он шел с высоко поднятой головой и пел свою песню:

Гей, друзья, вновь жизнь вскипает,
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.

А радость действительно мчалась. Ее разносили телефонные и телеграфные провода, она покатилась по всем глухим местечкам необъятной России и докатилась до обездоленного Туруханского края.

Вот последняя этапка в селе Бобровке, а там уже Казачинское, где останутся жить ссыльные.

В этапке стали пить чай, удалось даже купить колбасу. Все только и говорят о конце путешествия. Приходит солдат и, обращаясь к Валериану, говорит:

— Вас требует старший конвоир...

— Я еще не согрелся. Поем, отдохну, тогда приду.

Солдат ушел, но через несколько минут опять приходит.

— Скорее идите, требует... Серчает...

Валериан пошел.

Войдя в конвоирскую, он увидел старшего конвоира за столом и в его дрожащих руках длинный, как прокламация, листок.

— Вот прочтите и объясните, — как-то нерешительно попросил конвоир.

Валериан стал читать листок, и все закружилось перед ним, забегали буквы, зазвенело в ушах, сильно-сильно застучало сердце.

Это была телеграмма о свержении царя, о создании Временного правительства, о свободе для политических заключенных и ссыльных...

Валериан бросился бежать к товарищам.

— Постойте, постойте! Куда же вы? Объясните!

— Что тут объяснять? Мы свободны, царя нет!

— Нет, подождите, подождите! Я не могу вас отпустить, пока не узнаю в точности, правда ли это.

— Что же тут узнавать? Вот вам телеграмма.

— Я ничего не знаю, может быть это провокация, а не правда. Я служил царю... Буду стрелять, если кто из вас посмеет не подчиниться мне и вздумает бежать, — погрозил конвоир.

— Ну, это мы увидим! — крикнул ему Валериан и побежал к товарищам.

Он остановился на пороге и не мог от волнения сказать ни слова. Все с удивлением смотрели на бледного, взволнованного Валериана.

— Что случилось?

— Товарищи! Мы свободны! Царь свергнут! Создано Временное правительство... Вот, смотрите... — Но телеграммы в руках у него не оказалось, конвоир ее вырвал из рук Валериана, когда он побежал к товарищам.

Валериан стал рассказывать о содержании телеграммы. Ему не верили. Он, волнуясь, убеждал всех, что это правда, и страшно нервничал, что ему не верят. Он готов был расплакаться. Наконец поверили.

Наступил торжественный, незабываемый момент: узники стали обниматься, целоваться, громко петь революционные песни. Конвойные столпились здесь же в комнате и не мешали им. Они нерешительно уговаривали: «Потише, потише...», но не грозили, не требовали.

Вошел старший конвойный.

— Я все равно вас не отпущу. Пока я самолично не услышу, что это правда, вы у меня под конвоем. Будете сопротивляться, стрелять буду.

Спорить бесполезно было, а умирать накануне свободы, конечно, никто не хотел. От конвоира всего можно было ожидать — он был страшно обозлен. И все решили подчиниться.

Опять заковали, опять выстроили в шеренги, и опять по снежной, вьюжной дороге двинулись этапом. Конвой оцепил их со всех сторон, и всем казалось, что он особенно зорко наблюдает за всеми, что он особенно свирепо настроен.

— За попытку к бегству буду стрелять, — повторил еще раз конвоир.

Как-то особенно давили кандалы, как-то особенно трудно было итти эти последние версты.

Но вот вдали показалось что-то черное. Стали присматриваться. Что это могло быть? Одни говорили, что это лес, другие что-то еще придумывали, но никому и в

голову не пришло, что это их встречает толпа политических ссыльных из Казачинского и других ближайших сел.

Но вот все ближе, ближе... Вот уже видны люди, они идут со знаменами, поют. Вот раздалось:

— Ура! Ура!

Заключенные подхватили:

— Ура!

Как хотелось вырваться из цепей, обнять своих товарищей, уже свободных, открыто держащих красное знамя...

Но конвоир свирепо повторял:

— Буду стрелять!

— Не имеешь права! — кричали ему встречающие. — Мы все свободны! Почему они в кандалах? Долой кандалы!

Кто-то пытается всунуть в руку заключенному красный флаг.

Но конвоир уже приготовился стрелять.

— Отойдите! Буду стрелять! За это не отвечу!

— Нет, ответишь! Не имеешь права!

— Потом судить будете, а сейчас дайте довести заключенных до этапки...

Пришлось опять подчиниться.

Образовалось странное шествие: идут заключенные, гремя кандалами, окруженные конвоем, а близко от них идет веселая, свободная толпа с красными знаменами и поет смелые, бодрые запрещенные когда-то революционные песни.

Вот и Казачинское. Конвоир приводит заключенных в этапку, запирает их на замок, а сам уходить узнавать, правда ли или неправда, что царя больше нет и что эти люди, которых он вел в кандалах по Енисейскому тракту, вдруг стали свободными.

Он пришел в волостное управление и увидел, что там нет портрета царя. Все украшено красными флагами. Нет и волостного старшины. Сидят какие-то новые, незнакомые люди, и у всех на груди приколоты красные банты.

Конвоир посмотрел, посмотрел, прислушался к разговорам, плюнул, бросил ключ и ушел.

А заключенные, запертые в этапке, сидят и ждут. Прошло несколько часов, пока какой-то товарищ разбил замок и выпустил заключенных.

Все радостно побежали сразу на митинг.

Митинг был многолюдный — собрались ссыльные со всех ближайших сел, местные жители.

Валериан выступил с радостной, пылкой речью о свободе.

Радости не было конца! Ликовали все. Местные жители были рады за своих поселенцев, к которым они все относились с большим уважением и всегда скорбели об их тяжелой судьбе.

Опять в Самару!

У Валериана, как и у многих ссыльных, в пальто были зашиты деньги. Все достали деньги и стали искать подводы, чтобы ехать туда, куда тянуло каждого, — домой, к родным, к товарищам.

Валериан мчался на лошадях в Красноярск, чтобы сесть в поезд и скорее-скорее к своим самарским друзьям!

В это время жена Валериана Владимировича едва не погибла в тюрьме вместе со своим новорожденным сыном.

С революционными песнями и красными знаменами ворвалась толпа в тюрьму освобождать политических заключенных.

У матери и ребенка уже началось заражение крови; положение было настолько серьезным, что даже в больницу везти их нельзя было.

Спешно превратили тюремную камеру в больничную палату. Приехала доктор Близнянская и спасла от смерти жену и сына Валериана.

Валериан приехал в Самару 16 марта.

Самарские рабочие знали, в какой день приедет Валериан, и вышли его встречать огромной радостной толпой.

Вот поезд подходит к платформе. Еще не остановились колеса, а толпа устремилась к самому поезду.

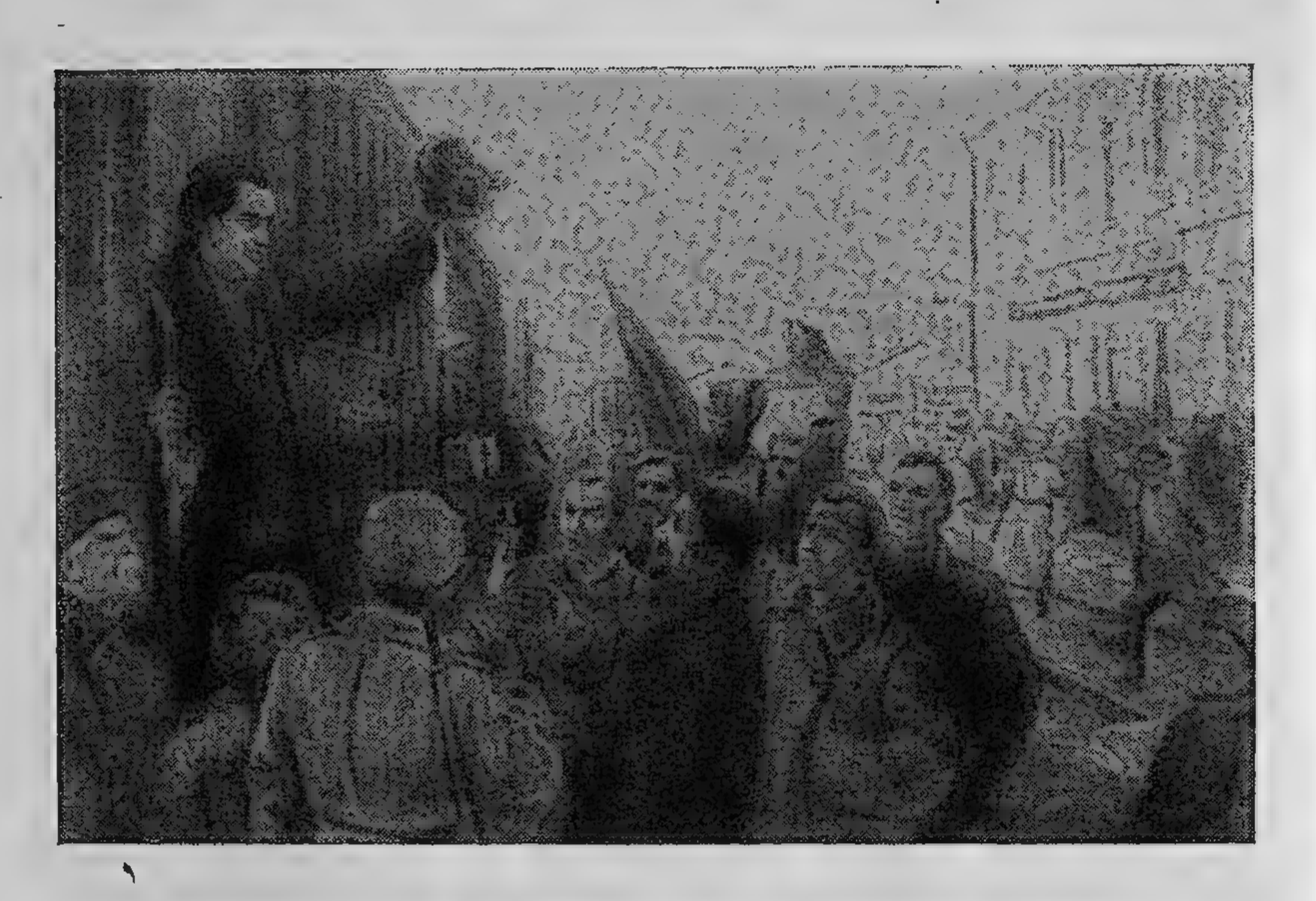
На площадке появился Валериан и его товарищи.

Он снял шляпу и машет ею, высоко поднимая над головой... Он все в том же черном пальто с бархатным воротником. Он все тот же.

— Вот он, наш Валериан! Вот он! Ура!

— Ура! — пронеслось в воздухе.

Объятия, поцелуи, веселые приветствия и опять цве-

Возвращение В. В. Куйбышева из последней ссылки.

ты! Молодежь окружила Валериана и не дает ему итти.

— Ура! Ура!

Сейчас же начался митинг. Тысячная толпа заполонила вокзальную площадь, с глубоким волнением и вниманием все слушали пылкую, победную речь Валериана.

А потом раздалась бодрая песня:

> Радость жизни, радость битвы
> Пусть умчит унынья след.
> Прочь же робкие молитвы,
> Им уж в сердце места нет!

Валериан говорил:

— Борьба еще не кончена, складывать руки нельзя... Для нас, большевиков, начинается широкое поле деятельности, но и большая жестокая борьба!

И борьба началась.

Началась кипучая жизнь. Валериан выступал на заседаниях совета с декларацией об отношении к Временному правительству, об империалистической войне, по рабочему и аграрному вопросам.

Не было дня, чтобы он не посетил нескольких заводов. Везде он выступал на митингах, разоблачая мень-

шевиков и эсеров, которые старались всеми силами проникнуть всюду и захватить власть.

Валериан говорил:

— Мы, большевики, хотим, чтобы вся земля принадлежала крестьянам без выкупа, а фабрики и заводы — рабочим! Мы этого добьемся! Долой войну! Обратим ее в гражданскую, будем воевать с помещиками и фабрикантами! Кто против этого, тот не с нами, тот ведет страну к гибели...

С митинга Валериан всегда уходил окруженный рабочими.

Рабочие-большевики, ученики Куйбышева, шли на заводы и фабрики, на многолюдные митинги и собрания и говорили:

— У власти та же буржуазия, что была при царе. Она немного перекрасилась, чтобы только обмануть пролетариат... Они хотят надеть на нас ярмо, мы опять будем работать на них. У власти должны стоять большевики. Земля должна быть отдана крестьянам, фабрики — рабочим. Мы сумеем своими собственными руками производить на фабриках и заводах то, что нам будет нужно. Мы сумеем заставить землю родить столько хлеба, сколько это будет нужно, чтобы все жили сытой, здоровой жизнью.

В Самаре было много еще купцов и фабрикантов. Меньшевики и эсеры имели большинство в совете, и все же Валериан Куйбышев был избран в Исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов.

Самарские рабочие очень любили Куйбышева и называли его «наш Валериан».

Старые самарцы еще помнят, что когда на трибуне появлялся Валериан, враги его, меньшевики и эсеры, старались сорвать его выступление. Начинался свист, стук, крики.

Рабочие-большевики тесным кольцом окружали Куйбышева: попробуйте суньтесь!

Валериан терпеливо ожидал, когда стихнут его враги, с улыбкой смотрел на своих друзей и громко смеялся, когда слышал, как какой-нибудь меньшевик со злобой кричал, что он сумеет надеть на Куйбышева наручники.

Когда шум прекращался, Валериан спокойным голосом начинал говорить.

Так было везде. И в совете, и на заводах, и в казармах, и на улицах, где ежедневно бывали митинги. Ника-

кие крикливые выступления меньшевиков не могли помешать ему. Он умел овладеть толпой, он умел заставить слушать себя. А уж раз он заставил слушать, значит он победит!

Куйбышева избрали председателем совета. Злобно встретили его меньшевики и эсеры, засевшие в совете, но рабочая большевистская масса поддерживала его.

То там, то здесь вспыхивали забастовки с требованиями уменьшения рабочего дня, увеличения заработной платы.

Меньшевики суетились, волновались.

— Нельзя сейчас, в такое тяжелое для страны время, заниматься забастовками. Победим врага, тогда будем добиваться своих прав. А сейчас надо работать, помогать Временному правительству.

Так они выступали в совете. Валериан потребовал, чтобы была создана авторитетная комиссия, которая бы разобрала на месте, чего хотят рабочие, почему они бастуют.

Разобрав требования рабочих, комиссия постановила поддержать эти требования. Администрации пришлось сдаться.

Подобные забастовки проходили на строительстве в Коптевом овраге, на заводе «Зингер», на Трубочном заводе, и с помощью большевиков рабочие выходили победителями — добивались от администрации выполнения своих требований.

Меньшевики негодовали, а на сторону большевиков переходило все больше и больше рабочих, все теснее и теснее окружали рабочие своих руководителей.

Уже в апреле 1917 года самарская партийная организация стала одной из крупнейших в стране: в ее рядах насчитывалось две тысячи семьсот человек.

На первой губернской конференции самарских большевиков Валериан был избран в состав губкома, членом редколлегии газеты «Приволжская правда» и делегатом на VII Всероссийскую конференцию большевиков.

Усилия врагов были напрасны: Валериан все крепче и крепче связывал свою жизнь с пролетариатом Самары, а пролетариат все больше верил своему руководителю и смело шел за ним.

***

Большевики Самары часто собирались за городом на Красной Глинке для совещаний по важнейшим вопро-

сам. На одном из таких совещаний было решено вооружить рабочих, организовать рабочие боевые дружины.

Представители Временного правительства стали говорить о ненужности рабочих боевых дружин.

— У нас есть солдаты, которые вооружены. Зачем вооружать рабочих? — говорили они. И стали настаивать на разоружении дружин.

Но рабочие знали цену своей организации, они знали, что их вооруженная сила пригодится еще не раз для боев с буржуазией. Они спрятали оружие.

Боевая рабочая дружина тесно связывалась с солдатами, крепила с ними дружбу.

Из Петрограда пришли вести, всполошившие самарский пролетариат. Министр иностранных дел Временного правительства Милюков обратился с нотой к союзникам — Англии и Франции, в которой заверил, что русский народ стремится довести мировую войну до решительной победы. Он клялся в незыблемости царских договоров и обещал пролить столько народной крови, сколько этого потребуется империалистам для достижения их завоевательных целей. В ответ на эту ноту рабочие и солдаты Петрограда вышли на демонстрацию с лозунгами «Долой войну!», «Вся власть Советам!»

На многих улицах Петрограда произошли столкновения демонстрантов с вооруженной буржуазией. Генерал Корнилов предложил дать команду о расстреле демонстрантов. Команда была дана, но солдаты отказались стрелять и стали присоединяться к демонстрантам.

Большевики Самары настояли на созыве объединенного совещания совета с партийными и общественными организациями. Всю ночь длилось совещание, яростно велись споры большевиков с меньшевиками и, несмотря на то что в советах и в общественных организациях большевиков было меньшинство, почти все присутствующие выразили недоверие Временному правительству и голосовали за его свержение.

Раздавались выкрики:

— К оружию! Долой буржуазное правительство! Долой войну! Вся власть Советам!

На плакатах меньшевиков было написано: «Война до победного конца!»

Большевиков поддерживали солдаты, и демонстрация прошла под лозунгами прекращения войны, недоверия Временному правительству, за Советы.

***

Валериан был делегатом Апрельской конференции большевиков. С конференции он заехал к нам в Тамбов.

В Тамбове жила мама, я, сестры Маруся и Галя.

В этот приезд к нам Валериан был особенно оживлен и радостен. Собирая всех нас около себя, он придумывал разные игры, увлекая даже маму. Она смеялась.

— Валериан вспомнил детство. Вот что значит быть спокойным и радостным!

— Я всегда был спокоен и радостен, — шутил Валериан.

— И тогда, когда боролся с царской властью?

— И тогда я был спокоен, потому что знал, что победим, и сейчас, когда борюсь с Временным правительством, потому что тоже знаю, что победим!

— Опять борешься?! — с удивлением говорила мама. — Ведь царя нет, жандармов нет. С кем же ты борешься?

Валериан рассказал нам, что Временное правительство не удовлетворяет рабочий класс, что оно буржуазное и рабочий класс сбросит его, что новая, социалистическая революция неизбежна.

— Кто же тогда будет, когда вы сбросите Временное правительство? — испуганно спрашивала мама.

— Будем мы, большевики... Руководить правительством будет Ленин.

Валериан рассказывал нам о решении конференции, о выступлении Ленина. Он рассказывал, какое огромное впечатление произвело выступление Ленина на всех присутствующих, его призыв перейти от революции буржуазно-демократической к революции социалистической.

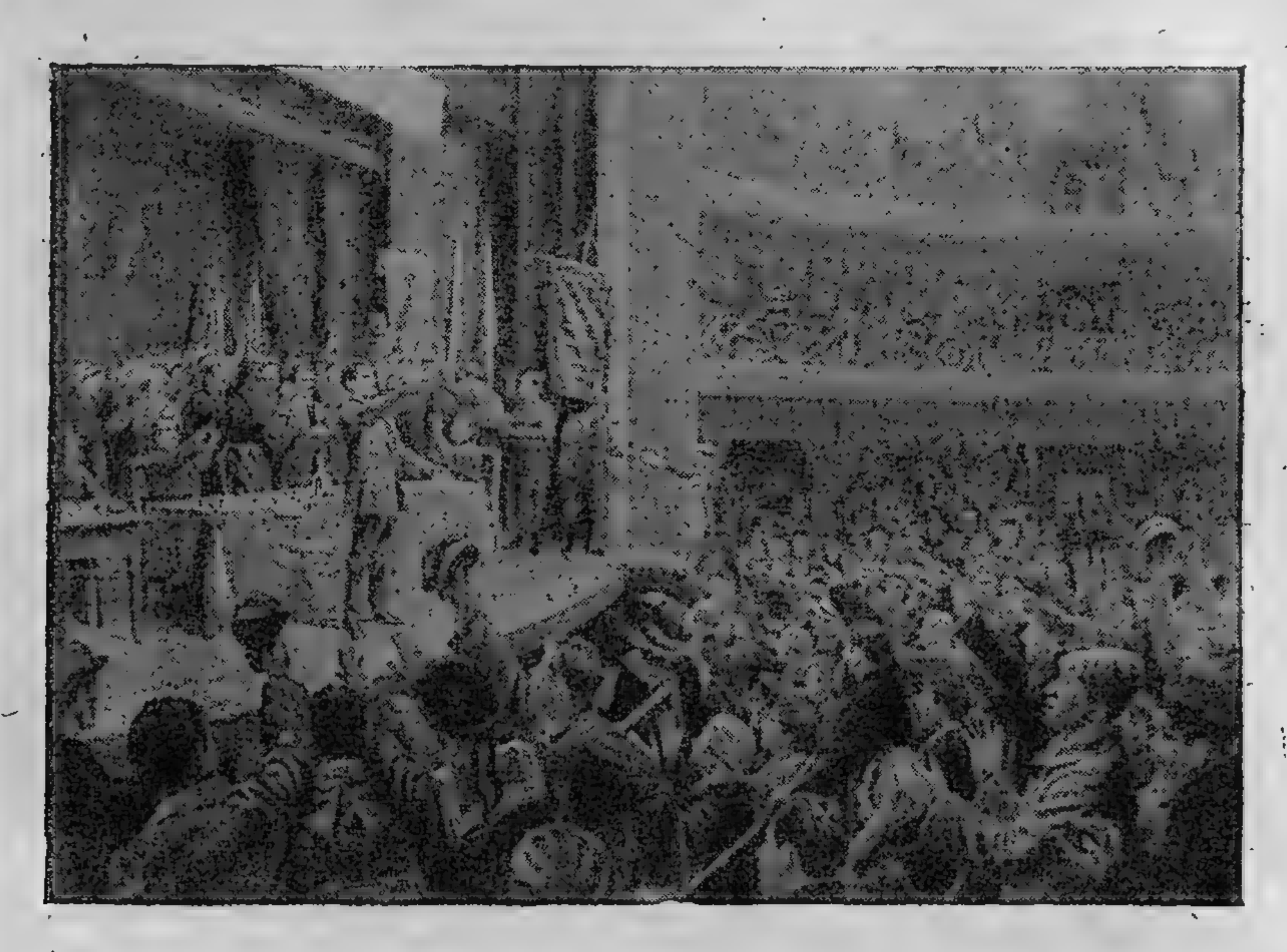
Мама с тревогой говорила:

— Валериан опять в борьбе... Когда же это кончится, когда успокоится его мятежная душа?

К нашей квартире часто подъезжали автомобили, которые в это время были редкостью в Тамбове. Валериан уезжал куда-то и возвращался оживленным, возбужденным. Он часто декламировал в нашей маленькой дружеской компании:

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает,
Слышны всплески тут и там!

Мы все заражались настроением Валериана и, конечно, были уверены в полной победе дела, за которое он борется.

Провозглашение В. В. Куйбышевым советской власти в Самаре 8 ноября 1917 года. (С картины художника И. Борисова.)

В дневнике у матери описан приезд Валериана к нам. Она писала:

«Что-то будет? Страшно за Волю, что он вечно в борьбе. Так хочется пожить с ним, последить за его питанием. Он говорит, что бывают дни, когда он забывает пообедать. Так хочется, чтобы он спокойно пожил хотя бы месяц. Да разве его уговоришь! Он ищет бури, как будто в буре есть покой».

В Самаре на вокзале Валериана встретили родные и друзья. Он всем крепко пожимал руки и, заглядывая в глаза, радостно говорил:

— Я видел Ильича и слышал его пламенное выступление!

В своем докладе об Апрельской конференции Валериан сказал:

— Я почувствовал новую силу от выступления Ильича. Товарищи, я хочу эту силу передать и вам!

Новый заряд энергии Валериан сумел передать самарскому пролетариату.

С новой силой закипела деятельность Валериана. Он никогда не знал отдыха.

В течение дня его можно было видеть в совете, на заводе, в Аржанском саду, в кинотеатре «Триумф», на заседании актива, на уличных митингах, в партийном комитете, в редакции газеты «Приволжская правда». В газете каждый день появлялись его статьи.

Рабочие и солдаты вышли на улицы Петрограда с лозунгами о недоверии правительству, с требованием власти Советам.

С фронта на Петроград были двинуты контрреволюционные войска и «дикая дивизия» для усмирения демонстрантов. Юнкера и офицеры набросились на демонстрантов — они не хотели уступать своей власти рабочим и крестьянам.

Все эти события отразились и на Самаре. Черносотенцы и меньшевики подняли головы, и большевикам опять пришлось собираться тайно, за городом, уезжать на Красную Глинку.

На Красной Глинке зародился устав Красной гвардии, который вошел потом в историю самарского революционного движения. Этот устав впоследствии, когда советы были уже большевистскими, Валериан прочитал огромной массе красногвардейцев и рабочих.

А в это время в Петрограде Ленину грозил арест, ему пришлось спешно покинуть Петроград, скрыться на станции Разлив и оттуда руководить работой большевиков.

Центральный комитет партии разослал своих уполномоченных по всем крупным городам для организации восстаний на местах. Валериан также получил специальное задание по организации восстания в Самаре. По указанию Центрального комитета, были организованы военно-революционные комитеты.

Валериан поставил во всех учреждениях своих людей, которые должны были контролировать работу и быть в курсе всего, что делается в учреждениях.

Об этом периоде работы Валериана в Самаре мне много и задушевно рассказывали старые большевики-самарцы: Фролов, Марин и другие.

Товарищ Фролов был прикомандирован Куйбышевым к телеграфу.

— Все телеграммы, полученные из центра, сейчас же

приноси мне, — сказал Валериан Владимирович товарищу Фролову.

Была получена телеграмма, что Балтийский флот восстал и присоединился к большевикам.

Фролов прямо выхватил эту телеграмму и помчался к Валериану. В кабинете Куйбышева сидел меньшевик Капцан.

Куйбышев прочел телеграмму, радостью заблестели его глаза. Он обратился к меньшевику, показывая ему телеграмму:

— Как вы смотрите на это с точки зрения вашей теории?

Тот покраснел от злобы, выскочил из кабинета.

— У меньшевиков была большая надежда на этот флот! — сказал Валериан Владимирович.

Фролов попросил Валериана Владимировича объяснить, как произошло, что балтийцы стали большевиками.

— Наша агитация открыла им глаза на политику Временного правительства, — сказал Валериан Владимирович, — они тоже не хотят проливать кровь рабочих за интересы буржуазии.

Через несколько дней товарищ Фролов принес новую телеграмму: крейсер «Аврора» обстреливает Зимний дворец.

И, наконец, последнюю телеграмму, шифрованную, Фролов принес Куйбышеву и ждал, что Валериан, как всегда, расскажет ему содержание. Вдруг Валериан Владимирович, радостный, вскочил из-за стола, прошелся крупными шагами по комнате, потом подошел к Фролову, крепко сжал его руку.

— Это замечательная телеграмма! — сказал он. — Зимний дворец занят большевиками. Керенский бежал. Ленин вернулся в Петроград и будет возглавлять правительство!

Он подошел к телефонному аппарату и стал вызывать к себе в кабинет членов совета и губкома.

— Валериан Владимирович, я оповещу всех, — взволнованно сказал товарищ Фролов. Ему передалось радостное волнение Куйбышева, хотелось бежать и громко кричать о том, что произошло.

— Нет, подожди. Об этом так не объявляют. Нужно, чтобы слышали все! — радостно говорил Валериан. — Мы сейчас пойдем в самое большое здание, где собирает-

ся много народу, а потом на всех площадях и во всех учреждениях устроим митинги. Вот тогда ты выступай и оповещай о радостном событии.

Стали собираться члены губкома. Лица у всех радостные. Многие обнимались, выкрикивали какие-то революционные лозунги. Вновь входившие в кабинет сначала смотрели удивленно, но, узнав, в чем дело, сейчас же присоединялись к общему ликованию.

И вот в «Олимпе» при громадном количестве присутствующих Валериан Владимирович провозгласил советскую власть.

И везде — на пристанях, в учреждениях, на площадях, на фабриках и заводах — было торжество большевиков: они победили!

— Теперь наша власть, — говорили рабочие, — сбросили наконец буржуев!

— Нашу власть мы никому никогда не отдадим!

***

— Борьба продолжается, — говорил Валериан Владимирович. — Мы в капиталистическом окружении, внутри нашей страны еще остались притаившиеся враги. Нужно опасаться провокаций, нужно все время быть настороже.

И действительно, притаившийся враг не дремал. Происшествие ближайших дней подтвердило это.

В бывшем губернаторском доме, где помещался Революционный комитет, во время ночного заседания произошел взрыв.

Точно от могучего землетрясения, зашаталось большое каменное здание. Погасло электричество, на заседавших полетели обломки штукатурки. Все ощупью стали пробираться к выходу, но оказалось, что и лестница была взорвана. Пришлось спускаться по веревочной лестнице через окно.

Каким-то чудом уцелел зал, где происходило совещание, пострадал сильно нижний этаж.

Вражеская бомба взорвалась не там, где предполагали враги. Погубить руководителей большевистского движения не удалось.

Фронт

Надвигалась новая опасность. Наступали чехи. Пролетариат Самары мобилизовал все свои силы, чтобы организованно встретить нового, сильного врага.

В самых неожиданных местах появлялся Валериан Владимирович. Только что его видели на пристани, и вот он уже на совещании Революционного комитета делает новые сообщения или слушает доклады в совете, беседует с командирами красногвардейских отрядов. Под градом пуль мчался Валериан Владимирович на фордике по Самаре. Он объезжал заводы, проверял посты. Часто близко разрывались снаряды, свистели пули. В самые рискованные моменты он стремился пробраться на завод, где формировался отряд рабочей дружины.

Чехи шли с быстротой молнии, им очищала дорогу уцелевшая буржуазия, меньшевики и эсеры.

Буржуазия подняла свою змеиную голову и стала группироваться в отряды, собираясь помогать белым генералам в борьбе против молодой Республики Советов.

Валериан Владимирович был председателем Революционного комитета. Он объявил Самару на военном положении. Был организован революционный штаб, который обратился ко всем рабочим Самары с призывом стать под оружие на защиту Самары от интервентов и белогвардейцев.

«Социалистическому отечеству, — писал в этом обращении Валериан Владимирович, — грозит смертельная опасность. Руководимые преступной рукой российской и международной контрреволюции, отряды чехо-словаков подступают к Самаре.

...Враги советской власти ныне приступили к осуществлению широко задуманного плана порабощения трудящихся России российскими и международными капиталистами...

Враг близок. Все к оружию!»

На этот призыв откликнулись рабочие. Сотни добровольцев записывались в отряды для защиты социалистического отечества.

Чехи уже заняли Пензу, Кузнецк, Сызрань и приближались к Самаре.

Отряды добровольцев из самарских рабочих наскоро обучались стрельбе, обращению с ружьем и пулеметом. Настроение у всех было боевое, оживленное.

Валериан сам руководил формированием дружин, следил за их обучением, заботился о вооружении. С помощью военных товарищей намечал места укрепления, выбирал удобные позиции для артиллерии, для пулеметов.

Куйбышев и его боевые товарищи Маслянников и Венцек были почти неразлучны в эти тяжелые для Самары дни. Под обстрелами противника они руководили оборонительными пунктами, проверяли оружие, подвозили снаряды, воодушевляли бойцов — рабочих-красногвардейцев.

Боевые дружины готовы были до последней капли крови защищать советский город, но враг был сильнее и количественно и оружием. Кроме того, чехам помогали изнутри города белогвардейцы и изменники.

Валериан Владимирович рассказывал, что он сам видел одного знакомого, работавшего раньше с большевиками, который стрелял с каланчи из нагана по красным.

Убрать изменника не удалось, он ловко скрылся.

«Мне едва удалось уйти из Самары, меня пулеметами обстреливали изменники, разъяренные против большевиков обыватели хотели меня схватить. Рядом со мной рвались снаряды чехов. Уйти все-таки удалось... Я ушел не один, ушел с руководящей группой большевиков».

Так рассказывал Валериан Владимирович.

Пришлось спешно покидать Самару. Валериан Владимирович сам организовал эвакуацию войск и жителей, пожелавших уйти с большевиками от чехов и белогвардейцев. Он распоряжался и погрузкой ценностей, продовольствия.

Пароходы беспрепятственно отходили от Самары, чехи почему-то их не задерживали.

Валериан Владимирович объяснял это тем, что на пароходах вместе с большевиками, вероятно, отправлялись и те, которые с целью диверсии перебрасывались чехами из Самары.

Куйбышев оставил город последним. Он задержался, уничтожая документы, списки, давая наставления остающимся в подполье товарищам. Товарищи требовали, чтобы он быстрей уходил, чехи уже вошли в город и расставили по всем улицам свои патрули. Но Валериан отвечал:

— За меня не бойтесь, я успею.

Вдруг в штабе, который уже собирался покинуть последний оставшийся там товарищ, раздался телефонный звонок. Говорил Куйбышев.

В. В. Куйбышев в годы гражданской войны (1919 год).

— Я окружен чехами. Пришли на подмогу людей.

Но людей послать было уже невозможно: все ушли.

Валериан рассказывал, что из здания, в котором он находился в последние минуты, ему пришлось выходить через окно и спуститься по водосточной трубе. Он спустился в соседний двор, по крышам домов и водосточной трубе попал на улицу. Таким образом он добрался до пристани, минуя охрану, которую чехи расставили уже по всем улицам города. Он даже успел сорвать с забора несколько карикатур, направленных против него, которые уже расклеили белогвардейцы.

Назначенный Куйбышевым комендант эвакуационного парохода, рабочий Трубочного завода, не знал, как поступить. Уже дан сигнал к отплытию парохода, уже снимается трап, а Куйбышева все нет. Жутко было подумать, что Куйбышев попался в лапы чехам. Что будет?

Но вот комендант увидел мчавшегося к пароходу Куйбышева. Он сильно разбежался и прыгнул с пристани прямо на пароход.

В Самаре осталась жена Куйбышева с сыном. Володе был год и несколько месяцев.

Друзья увезли мать и сына за город. С ними была старушка-няня Прасковья Сергеевна. Старушка очень любила Володю и заботливо ухаживала за ним. Мальчик терпел некоторые лишения, так как продуктов было взято мало: думали, что чехи побудут в городе только несколько дней.

Прасковья Сергеевна собралась и пошла в город. Сколько ее ни уговаривали, что это опасно, старушка настояла на своем и отправилась.

Придя в город, она на квартире наткнулась на чешскую охрану. Ее арестовали и привели в подвал. Подвал этот был известным местом допросов и пыток, которыми отличались чехи.

Старушку стали допрашивать, где Куйбышев.

— Не знаю, уехал куда-то не то с белыми, не то с красными.

— Где его жена?

— Тоже не знаю.

— Ах, ты не знаешь, старая ведьма!

Больно толкнули в спину и захлопнули дверь.

Осмотрелась. Полутемный подвал. Стены все в крови.

Пол липкий от крови. Где-то недалеко раздавались стоны, за стеной кто-то кричал.

«Сколько времени я так просидела, не знаю, — рассказывала потом няня. — Только помню, как волокли меня по двору к начальнику и допрашивали: где Куйбышев? Где его жена? Я решила молчать. Меня спросят, я молчу. Меня толкнут, я упаду, встану и все молчу. Мне за себя не было страшно, вот за Володеньку боялась. Что они сделают с ним, если найдут!»

С руганью уводили ее часовые от начальника обратно и запирали в темном каземате.

Но старушка упорно молчала.

«Лучше я, старая, погибну, чем ребенка с матерью погублю», решила она.

В углу лежали большой кучей хомуты. Она села на них и стала думать о своей судьбе.

Погибла бы старушка, если бы не друзья, которые оставались в самарском подполье. Они подкупили часового и увезли Прасковью Сергеевну из Самары.

Штаб отступающих из Самары находился на пароходе «Лев Толстой». Было много раненых, и медицинская сестра товарищ Петрова сбилась с ног, ухаживая за ними. Валериан Владимирович почти силой заставил ее, проведшую несколько бессонных ночей, итти спать. Сестре отвели отдельную каюту. Куйбышев распорядился, чтобы ее не будили, пока сама не проснется. Она как легла, так и погрузилась в крепкий сон. Вдруг стук в дверь.

За дверью стоял красногвардеец. Знакомое лицо, но фамилии его Петрова не знала.

— Товарищ, вы как сюда попали? — спросил красногвардеец.

— Очень просто, пришла и легла спать.

— Я вас серьезно спрашиваю: как вы попали на наш пароход?

Удивленная и растерянная Петрова выходит на палубу и видит, что она на другом пароходе. На всех ведерках написано «Карл Маркс».

— Я была на пароходе «Лев Толстой», — удивленно говорит она.

— В том-то и дело. Как же вы сюда попали?

Оглядевшись кругом, сестра видит, что пароход окрашен совершенно другой краской. Чистый, блестящий.

Увидев издали улыбающегося Куйбышева, она направилась к нему.

— Ну, как спала?

— Я спрашиваю товарища Петрову, как она на этот пароход с парохода «Лев Толстой» попала. Она не хочет отвечать, — серьезно, не улыбаясь, говорит красногвардеец.

— Да мы ее на руках спящую перенесли, — смеется Валериан Владимирович. — Ты что, Петрова, разве не слышала?

Петрова удивлена: как это могло быть, чтобы она не слышала, когда ее переносили!

Через несколько часов Петрова наконец узнала, в чем дело. Оказывается, из стратегических соображений пароход спешно перекрасили в другой цвет и переменили название.

Валериан Владимирович подослал красногвардейца и научил его, как говорить, а сам долго поддерживал версию, будто Петрову спящую перенесли на руках, подробно рассказывал, как несли Петрову с парохода на пароход, придумал смешные приключения.

— А ты спала и не слышала ничего... Эх ты! Тоже боец!

Ночью Валериана вызвали к телефону.

— Кто говорит?

— Это я.

Раздался голос того изменника, который помогал чехам в Самаре и сам обстреливал штаб большевиков. Он назвал свою фамилию с прибавлением чина — корнет.

— Кто у аппарата?

— Коммунист Куйбышев. Что тебе нужно?

— Если ты сейчас же не прикажешь своим войскам прекратить борьбу, будешь подвергнут суду народа.

— Это ты говоришь от имени народа, которому ты изменил, который ты предал? Если у тебя нет более интересной темы для разговора, то разговор совершенно излишен. Я предлагаю тебе сдаться. Соглашайся, или я рву провод.

В ответ послышалась ругань. Валериан порвал провод.

Красным пришлось отступать все дальше и дальше. Но никто и мысли не допускал, что Самара, Симбирск, Казань навсегда останутся у врага.

Фронт растянулся по всему берегу Волги. Бои шли жестокие. Валериан все время был на передовых линиях огня. Он проводил беседы с бойцами, обучал малоопытных стрельбе. Он сам брался за пулемет. Бойцы все время видели его рядом с собой.

Боеприпасов было мало да и с продовольствием дело обстояло тоже не блестяще.

Красная разведка обнаружила, что со стороны станции Майна движется большой отряд противника. Стали готовиться к бою. Ночью Валериана Владимировича вызывали со станции Майна к телефону. Валериан решил, что это разведка сообщает о приближении противника.

— Здравствуйте, товарищи! — И человек, чей голос слышит Валериан, называет себя именем командира отряда, который был, по дошедшим слухам, недавно разбит чехами.

Валериан решил, что это обман: командир погиб, он не может говорить.

— Дорогие товарищи, я скоро буду у вас! — продолжает голос.

Валериан требует, чтобы командир чем-нибудь доказал, что это он. Тогда командир называет по именам товарищей, которые должны были быть с Валерианом Владимировичем.

Валериан поверил только тогда, когда командир сказал:

— Дорогой наш Валериан, долго ли ты будешь меня мучить?

Услышав «наш Валериан», Куйбышев наконец поверил. Оказалось, что отряд не погиб. Ему удалось вырваться из кольца чехо-словаков с тремя тысячами бойцов, закаленных в бою, стойких, отважных. Этих бойцов враги называли «Железная дивизия»; это название так и укрепилось за ней.

Разведка, донесшая о приближении противника, приняла за неприятеля именно этот отряд.

В сентябре 1918 года пришла тревожная весть из Москвы: эсерка Каплан ранила Ленина...

При этом известии одно стремление охватило всех — скорее, как можно скорее разбить врага.

На митинге Валериан сказал:

— Освободим родину Ильича — Симбирск — от чехов!

И скоро к больному Ленину полетела телеграмма от организованной Валерианом Владимировичем Первой Красной армии:

«Дорогой Ильич! Взятие Вашего родного города Симбирска — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую будет Самара!»

Ильич ответил:

«Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и силы. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все жертвы. Ленин».

Скоро обещание Ленину было выполнено — была взята Самара.

Центральный комитет партии назначил Куйбышева политическим комиссаром Первой Красной армии.

Торжественно вошли войска в Самару. Это были уже закаленные в боях, организованные, дисциплинированные бойцы. С радостью и ликованием встретили их жители города.

Начались митинги на всех площадях. Красноармейцы делились впечатлениями со своими родными и друзьями, рассказывали о неприятеле, который, имея большое превосходство, не мог устоять под натиском сильной, смелой Красной армии.

Но еще далеко было до конца гражданской войны. Уральское белое казачество под командой Колчака, Дутова и Толстова грозило с востока молодой Советской республике. Белые генералы и иностранные капиталисты не хотели оставить большевикам Волгу. Они пытались захватить все хлебные места и голодом задушить советский пролетариат.

Валериан был назначен членом Реввоенсовета Четвертой армии, все силы которой были направлены на колчаковский фронт.

Куйбышев и Фрунзе все время в боях. Своим примером они воодушевляют красных бойцов. Они всегда впереди, в самых опасных местах.

Четвертая армия подвигалась к Уральску. Песчаные степи были покрыты глубоким снегом. Мороз. Ветер поднимал столбы снега, перемешанного с песком. Трудно

было передвигаться войскам. Села и деревни, по которым проходили красные войска, были опустошены белыми.

Какие невероятные усилия прилагал Куйбышев, чтобы обеспечить снабжение бойцов, дравшихся на фронте!

В одной из частей Четвертой армии служил бывший царский генерал Ржевский. Пользуясь доверием, которое ему было оказано красными, он привел армию в кольцо неприятеля, а сам, сказавшись больным, лег в походный лазарет.

Армия осталась без боевых припасов, продовольствия и снаряжения. Собрались на совещание командиры всех частей. Говорить было не о чем: драться с пустыми руками невозможно.

Выступил командир 25-й дивизии Чапаев.

— Отступать! — коротко и грозно сказал он. — Спешно отступать! Не даваться врагу!

Все молчали. Другого выхода не было.

Под неприятельским огнем, под разрывавшимися снарядами стали отступать. Тяжело было у всех на душе.

Но вот через неприятельское кольцо пробилось подкрепление с боеприпасами, с продовольствием. Это пробились Фрунзе и Куйбышев.

Красные бились двое суток без сна и отдыха, наконец вырвались из кольца, взорвав вражеский бронепоезд, захватили много пленных, боеприпасов.

В этих боях особенно отличился Василий Иванович Чапаев со своей дивизией.

Встречаться и беседовать с Чапаевым Валериану Владимировичу еще не приходилось, но об отваге, смелости и находчивости Чапаева он знал.

Но вот однажды — это было около Лбищенска, незадолго до гибели Чапаева — Валериан вошел в избу, где находился штаб дивизии.

В избе за столом сидел Чапаев. Он склонил голову на руку и грустно-грустно напевал вполголоса: «Сижу за решеткой в темнице сырой...»

Ночью был сильный бой. Бойцы утомились. Врага отбросили далеко, и можно было отдохнуть. Но не мог отдыхать Чапаев, он грустил: боеприпасы кончились, продовольствия осталось мало.

— Что так грустно поешь, товарищ? — спросил Валериан.

За Чапаева ответил его неразлучный друг Петя Исаев:

— Василий Иванович на разные голоса поет эту песню. Если плохо ему, он на грустный голос поет, если хорошо — на веселый.

— О чем же грустить? Врага отбросили — радоваться надо.

— Боеприпасов мало, продовольствие кончается, — как-то нехотя ответил Чапаев.

— Так я вам привез и боеприпасы, и продовольствие, и обмундирование, и махорку, — весело произнес Валериан.

— Привез? А кто вы такой? — недоверчиво спросил Чапаев.

— Я Куйбышев.

— Ой! — вскрикнул Чапаев, вскакивая с места и обнимая Валериана. — Ой!.. Ну!.. Ой!.. — твердил он, а потом запел весело и громко:

Сижу за решеткой в темнице сырой..

С именем Чапаева связано много побед — взятие Уральска, Лбищенска и многих других городов.

Куйбышев и Фрунзе высоко ценили заслуги Чапаева. Они обратились с ходатайством к правительству о награждении Чапаева орденом Красного Знамени.

Погиб Чапаев. Не пришлось ему носить на своей груди этот орден, но память о Чапаеве осталась, большая и крепкая!

По предложению Куйбышева и Фрунзе, 25-я дивизия, которой командовал Чапаев, стала называться Чапаевской дивизией. Город, в котором родился Чапаев, стал носить его имя.

В девятнадцатом году Валериан Владимирович был членом Революционного совета Одиннадцатой армии. Фронт проходил по берегу Каспийского моря. Противник в тридцати верстах. На рассвете двинулись в бой. Противник получил подкрепление и яростно сопротивлялся.

Красноармейцы дрались, как львы, но противнику удалось обойти с тыла. Пришлось спешно уходить из того селения, где были сосредоточены все силы Одиннадцатой армии и находился штаб.

Валериан сел в автомобиль, забрав с собой нескольких раненых.

Единственный мост через речку, которую нужно было переехать, разрушен противником. Другого пути нет. Речку переехать нужно обязательно.

Шофер предлагает рискованный шаг: на машине перескочить через реку. Она не очень широкая, но глубокая, противоположный берег на сажень ниже. Единственный способ перебраться — «перелететь» речку на автомобиле.

Разогнав сильно машину, действительно оказались на другом берегу.

Удар получился сильный. Лопнули камеры задних колес. Но цель была достигнута.

Запасных камер не было, пришлось ехать по глубоким пескам на голых ободьях. Колеса затягивало. Машина то и дело останавливалась, и ее приходилось вытаскивать общими усилиями.

Иногда встречались твердые полоски земли — ехали две-три версты, и опять пески засасывали машину все больше и больше. А нужно было спешить: конница неприятеля могла догнать машину и по-своему расправиться со всеми.

Наконец совершенно невозможно стало ехать. Нужно было бросить машину. Но что делать с ранеными? Оставить их в машине нельзя.

К счастью, на дороге появилась двуколка, на которую удалось поместить четырех раненых, а остальные двое решили итти пешком.

Машина была хорошая, системы «паккард», за ней шоферы, два брата, ухаживали, как за живым существом. Они сменяли в работе друг друга.

Страшно волновались и нервничали шоферы, когда было решено оставить машину.

— Ни в коем случае не отдадим машину противнику. Надо ее поджечь, — с волнением предложил один шофер.

Облив машину бензином и положив две ручные гранаты в мотор, машину подожгли.

Грустно было сознавать, что такая хорошая машина погибает.

Шли долго. Сыпучие пески затягивали ноги. Вдруг до слуха ясно долетел звук сирены. Все узнали знакомый голос покинутой машины.

Все остановились, не понимая, в чем дело.

— Она прощается с нами, — сквозь слезы говорил один из шоферов.

— Соединились провода сирены, распаянные огнем... Сирена шлет нам прощальный привет, — пояснил другой.

Машина долго протяжно гудела.

***

Это было на фронте вблизи Астрахани. Самолеты противника часто навещали красные позиции. У красных было очень незначительное количество самолетов, да и те в таком состоянии, что их заслуженно называли «гробами». Самолеты противника бреющим полетом проносились над позициями.

Валериан решил сам подняться на самолете в воздух. Долго удерживали и уговаривали бойцы Валериана:

— Разве можно на наших «гробах» летать да еще сражаться?

Но Валериана трудно было уговорить. Однажды несколько наших самолетов поднялись в воздух. На одном из них в качестве летчика-наблюдателя — Валериан.

Белые проиграли сражение. Наши летчики сбили два самолета противника, а остальные поспешно улетели, не приняв боя.

Летчик, на самолете которого был Валериан, рассказывает, как бесстрашно и ловко орудовал на борту его машины Куйбышев.

Об этом же эпизоде нам рассказывал и Валериан. В комических тонах рассказывал, как сдавались в плен неприятельские летчики, принужденные к посадке. Они даже не успели поджечь свои самолеты и в плен сдавались без сопротивления.

Но ни словом Валериан не обмолвился о том, что он был на борту самолета. На наш вопрос, был ли он на самолете, он уклончиво ответил:

— Да, мне пришлось тоже немного полетать.

В майский день 1919 года, когда Колчак бросил в контрнаступление свой основной резерв, на командный пункт около деревни Аксеновки явились Фрунзе, Киров и Куйбышев. Отсюда было видно расположение Ижевской бригады Колчака. То и дело через головы пролетали пули.

Валериан Владимирович и Михаил Васильевич, спокойно стоя на машине, наблюдали, как наши части с обоих флангов охватывают Ижевскую бригаду.

Несколько раз в течение этого дня Куйбышев и Фрунзе вступали на передовую линию огня и вместе с красноармейцами обстреливали противника.

Один из товарищей, руководивший в то время боем, рассказывал:

Товарищи Сталин, Молотов и Куйбышев. (С картины художника Налбандяна.)

— Насколько Михаил Васильевич Фрунзе был горяч в бою, настолько же Валериан Владимирович спокоен: его крупная фигура в кожаной куртке казалась высеченной из камня.

В том же незабываемом девятнадцатом году, 5 сентября, в районе Астрахани к пристани Черного Яра причалил пароход. По шатким сходням на берег сошли Куйбышев, Киров и Фрунзе. Был яркий солнечный день. В небе белели пятна от разрыва шрапнелей. Вражеские окопы в семистах метрах.

Куйбышев, Киров и Фрунзе направились на передовую линию. Белая кавалерия двинулась в атаку. Боевые друзья залегли с винтовками в цепь и отбивали атаку.

Наступал двадцатый год. Валериан Владимирович с частями Красной армии совершал тяжелый переход по степям Туркестана.

По голой пустыне тянется большое количество красных войск. Караваны верблюдов и лошадей везут продовольствие, оружие, корм для животных и даже воду!

Кругом безводная пустыня.

Шли четверо суток. Шли днем и ночью, без сна и отдыха. Нужно было скорее перейти туркестанскую пустыню, чтобы враг не настиг. Вести бой среди песков без отдыха было невозможно.

Наконец подошли к безлесой песчаной горе, на которой находилась станция Айдын.

Решено было вступить в бой с противником на рассвете. На отдых осталось часа два. Подкрепились остатками воды и пищи.

Но отдохнуть не пришлось: с горы спускалась неприятельская разведка.

Захватить разведку не удалось — она быстро скрылась за горой.

Сейчас донесут своему штабу, и будет бой!

— Нужно немедленно перерезать телефонную связь, а также взорвать железнодорожный путь! — распорядился Валериан.

Во главе небольшого отряда Куйбышев сам отправился на эту операцию, которую провел с исключительной выдержкой и отвагой. Почти на виду у неприятеля, рискуя попасть в ловушку, отряд сумел очень быстро прекратить телефонную связь и взорвать железнодорожный путь.

Начали бомбардировать штаб деникинской армии на станции Айдын.

На горе поднялась паника.

Наступил такой момент, когда все побежало. С горы было видно, как пустыня покрылась огромным количеством бегущих людей. А через несколько минут красные увидели отделившуюся от других группу человек в десять. Это бежал командующий дивизией генерал Литвинов. К сожалению, утомленная красная кавалерия не могла догнать генерала.

Победа была полная. Захвачен был весь штаб противника, два бронепоезда, огромное количество артиллерийского оружия и продовольствия, в котором так нуждались утомленные, изголодавшиеся люди.

Набросившись на еду, все весело шутили:

— А как улепетывал генерал-то!

— Вот бы догнать!

— Где там, у него лошадка-то отдохнула!
— Ног под собой не чувствует генерал-то!
— Наверное, кричит: «Мама, спаси меня!»
Долго не могли уснуть, всё обсуждали события. Одного не могли только понять: почему, после того как разведка донесла о приближении красных, генерал Литвинов не начал бой?
Скоро разгадка была найдена.
В штабе нашли записку — рапорт разведки. Она доносила, что в четырех верстах по степи тянется большая неприятельская сила со всеми видами оружия.
Рукой Литвинова на этом рапорте было написано:
«Арестовать паникеров. Чтобы в четырех верстах были красные — это исключено. Генерал Литвинов».
Развеселил белый генерал красных бойцов и своим бегством и своей надписью.

***

С победой продвигались красные войска дальше, унося с собой из песчаной пустыни Туркестана большие трофеи, много снаряжения и продовольствия, отнятых у противника.
Однажды в окопы принесли белогвардейские газеты. Адъютант сообщил Валериану, что в газетах помещен портрет давнишнего «друга-приятеля», того изменника, с которым Валериан Владимирович имел на Волге неприятный разговор по прямому проводу.
Он был в каких-то больших чинах, грудь была в орденах и медалях, ему приписывали какие-то необыкновенные заслуги в борьбе с большевиками.
— Ну, мы еще встретимся! Он не уйдет от пролетарского суда, — спокойно сказал Валериан.
И встреча произошла.
Однажды, рассматривая с холма в бинокль местность, откуда должен был появиться противник, Валериан увидел железнодорожную станцию. Поселки. Дома. Трубы. Полотно железной дороги, серо-желтое от солдатских шинелей. Взад и вперед снуют офицеры.
— Готовиться! — приказывает Валериан, не отрываясь от бинокля.
— В цепь! — раздается команда.
Тяжело ухнули орудия. С протяжным хрипом вылетали снаряды. Пехота двинулась широким маршем.

Со стороны белых заговорили тяжелые орудия. Красные залегли.

— Цепь, вперед! — раздалась команда.

Вскочили, побежали вперед.

Внезапно артиллерия противника смолкла.

— Они выкинули белый флаг! — говорит Валериан.

— Прекратить огонь! — несется команда.

Куйбышев вызвал на командный пункт батальонного комиссара. Это был широкоплечий коренастый юноша, самарский металлист. Валериан Владимирович знал его еще по Трубочному заводу.

— Смотрите, — говорит ему Куйбышев. — Вы видите, что там творится?

Комиссар долго всматривается в сторону противника и молчит. Он видит только маленькие черные точки. Все куда-то бегут, быстро исчезают. И опять впереди появляются черные точки.

— Возьмите бинокль, — говорит Куйбышев.

Приставив к глазам бинокль, комиссар сразу засиял.

— Ого! — воскликнул он. — Какая у них катавасия! Потасовка! Офицер сорвал белый флаг. Подстрелили... Грохнулся. Солдаты бегут в нашу сторону. Вдогонку стреляют... Повернули обратно. Ну и катавасия же там!

Прибежал командир батареи. Он доложил командованию, что неприятель выслал парламентеров.

Действительно, вскоре Валериан Владимирович увидел в бинокль группу всадников. Впереди высокий, атлетического сложения человек без фуражки шагает со связанными за спиной руками.

Валериан Владимирович поручил батальонному комиссару выйти с группой бойцов навстречу парламентерам.

Уже стало темнеть. Красными пятнами мерцают костры. Доносятся обрывки разговоров. Бойцы делятся впечатлениями о только что закончившемся бое.

За последние бои бо́льшая часть солдат перешла на сторону красных. Красноармейцы узнают своих земляков и просто, по-свойски разъясняют им, что такое советская власть и за что нужно бороться солдату.

Валериан прислушивается из избы штаба к этим разговорам. Как выросли красноармейцы, как они хорошо и толково рассказывают о правде, за которую они идут на смерть! Их уже агитировать нечего. Они глубоко поняли.

Ординарец Валериана, старый солдат, недавно вступивший добровольцем в Красную армию, суетится по избе.

На улице по деревянному настилу топот. Словно целый эскадрон кавалерии. Ординарец вскочил, прильнул к окну. Всадники. В погонах.

— Мы окружены! — отпрянув от окна, шопотом говорит ординарец. — Беляки!

— Перекрестись, старик! — смеясь, говорит Валериан.

— Ей-богу! — не понимая шутки Валериана, так же шопотом произносит ординарец. И страшно удивлен, что Куйбышев спокоен.

В передней кто-то тщательно вытирает ноги о половик.

Вошел батальонный комиссар. Рапортует о прибытии парламентеров.

— Бригада противника восстала, — говорит он. — Солдаты арестовали многих офицеров, связали их и послали сюда. Временный солдатский комитет от имени своих частей выразил желание присоединиться к нам.

Валериан подошел к окну. Он увидел, как солдаты срывали с себя погоны и потом радостно обнимались с нашими бойцами.

Под усиленным конвоем прошли пленные офицеры.

Валериан Владимирович увидел высокого, статного человека без фуражки и сразу узнал в нем изменника. На нем были погоны полковника. Руки крепко связаны за спиной.

Задержавшись на минуту, полковник встретился глазами с Валерианом, но ни одним движением не показал, что он узнал, только выпрямился и неторопливым шагом пошел дальше.

В избу штаба вошли парламентеры.

***

Красные войска двигались вперед.

Валериан со своими бойцами посетил маленький заброшенный перевал Ахча-Куйма. Здесь в 1918 году английские интервенты зверски расстреляли двадцать шесть бакинских комиссаров и зарыли их в песках. Куйбышев первый принес погибшим товарищам привет от молодой Советской страны.

***

Закончился фронт на востоке; Фрунзе и Куйбышев не порвали крепкой дружеской связи, продолжали совместную работу. Партия назначила их на работу в Туркестан.

Валериан Владимирович выехал в Туркестан первым. Здесь он подбирал людей, организовывал помощь фронту, добивался улучшения системы орошения для сельского хозяйства, создавал местную промышленность.

Военно-политическая обстановка в многонациональном Туркестане в то время была исключительно сложная: басмачи хозяйничали в кишлаках, кулацкие банды, остатки белогвардейцев и английские оккупанты превращали Среднюю Азию в сплошной фронт.

С первых же дней совместной работы в Туркестане Куйбышев и Фрунзе стали твердо проводить ленинско-сталинские принципы национальной политики. Вот почему они сразу завоевали себе колоссальный авторитет и стали самыми близкими друзьями трудящихся Средней Азии.

Они принялись за реорганизацию и укрепление туркестанского фронта. Их видели постоянно вместе. Бессонные ночи в штабе. Две склонившиеся головы над картой. Они бывали в самых отдаленных, бедных кишлаках, проверяли проведение в жизнь директив партии.

Много сложилось в узбекском народе сказаний и песен о Фрунзе и Куйбышеве. Узбекский эпос отмечает их как самых сильных богатырей, которые уничтожили баев, отняли у баев и отдали народу самую большую драгоценность этого края — воду. Баи не давали ее беднякам, запирали у себя в имениях, сторожили ее, чтобы ни одной капли не могли выпить бедняки, чтобы они не могли полить свои выжженные солнцем поля, чтобы они умирали от жажды и голода.

Самые сильные богатыри, которых прислал славный из славных — Ленин, отдали воду всему беднейшему народу и сказали, чтобы они распоряжались ею, как они хотят. И с этого времени узбекский народ стал хорошо жить, и воды с каждым днем, с каждым часом, с каждой минутой становится все больше и больше.

Фрунзе-ака — полководец, храбрый, как джульбарс.
А Койбаши-ака осушал наши слезы... —

поют узбеки песню о славных богатырях Фрунзе и Куйбышеве.

В. В. Куйбышев с сыном Володей (1924 год).

***

Валериан Владимирович много раз нам рассказывал о Михаиле Васильевиче Фрунзе, к которому он необычайно тепло относился.

Однажды Валериан Владимирович рассказал нам эпизод из жизни Фрунзе. Передаю его так, как рассказывал Валериан.

Дело было, повидимому, в 1921 году или в начале 1922 года. Фрунзе был командующим войсками Украины. В это время там велась борьба с Махно и его отрядами. Фрунзе подготовлял решительные операции для полного разгрома основных сил Махно и сам выехал на место действий.

Штаб войск, которыми командовал товарищ Фрунзе, стоял в селе. В двадцати верстах от этого села была расположена деревня, в которой в то время ни наших войск, ни войск Махно не было.

Фрунзе выехал на разведку сам, взяв с собою адъютанта и двух ординарцев.

Было ясное утро, когда Фрунзе подъехал к деревне. Никаких признаков опасности не было. Но, въехав на единственную улицу этой деревни, Фрунзе увидел расположенную там воинскую часть. Он остановил своего коня прямо против группы людей, которые, сидя на завалинках, чистили ружья, приводили в порядок пулеметы.

Видно было, что часть только что заняла деревню и после краткой передышки собирается в наступление.

Все это продолжалось несколько секунд. Фрунзе понял, что это махновская часть. Да и толпившиеся на улице махновские солдаты, которые в первый момент ничего не заподозрили, вдруг насторожились и схватились за оружие.

Фрунзе крикнул своим:

— Мчитесь в разные стороны!

Сам он круто повернул лошадь. Сзади послышался крик:

— Да ведь это красный командующий!

Когда Фрунзе вылетел из деревни на дорогу, ему мало известную, он заметил погоню — за ним гнались четыре верховых. Лошадь Фрунзе мчалась стрелой; была надежда, что его не догонят. Однако и у махновцев кони были неплохие.

Махновцы начали стрелять по Фрунзе, но расстояние между ними увеличивалось.

Вдруг Фрунзе заметил, что его лошадь сдает несколько в беге. Приглядевшись, он увидел кровь на шее лошади: пуля скользнула по шее, сделав глубокую царапину. Кровь лилась довольно сильно. Соотношение сил в борьбе становится уже менее выгодным для Фрунзе, махновцы мчатся с бешеной скоростью.

Фрунзе был очень хорошим стрелком: вскинув карабин, он выстрелил назад и двумя выстрелами свалил одного из гнавшихся за ним.

Погоня продолжалась. Лошадь Фрунзе явно слабела. Он решил быстро спешиться и с упора бить настигающих махновцев. Маневр удался: пока те сообразили, он снял с лошадей двух. Третий тем временем тоже спешился.

Фрунзе скачком бросился на коня и помчался дальше. Спешившийся махновец выстрелил еще несколько раз, и Фрунзе почувствовал сильный ожог в правом боку. Он был ранен пулей, прошедшей навылет, но не задевшей ни легкого, ни кости.

Махновец, пославший ему эту пулю, вскочил на лошадь и еще некоторое время продолжал гнаться за Фрунзе, но он остался один и, очевидно, не решался вступать в единоборство. В конце концов он отстал.

Фрунзе долго еще мчался по дороге и увидел налево от себя маленькую речку. Он подъехал к ней, спешился, кое-как промыл свою рану, промыл рану лошади и вдруг увидел, что с противоположного берега кто-то метит в него из винтовки. В один момент Фрунзе успел заметить красный значок на груди прицелившегося и крикнул:

— Это я!

Стрелок оказался одним из ординарцев, который принял Фрунзе за махновца.

Этот случай стал известен Политбюро. С одной стороны, Фрунзе проявил величайшую отвагу, решительность, находчивость; с другой стороны, он не должен был как командующий войсками сам ходить в разведку.

Решение Политбюро было следующим: наградить товарища Фрунзе орденом Красного Знамени за проявленную им отвагу и объявить товарищу Фрунзе выговор за недопустимое участие в разведке.

— Насколько я помню, эта формула была предложена Владимиром Ильичем.

Так закончил свой рассказ Валериан Владимирович, я его записала почти дословно.

В Куйбышеве, в бывшей Самаре, в музее имени товарища Фрунзе, в домике, где он жил, висит большая карта. На ней светящимися точками показан путь, где проходили красные войска под командованием Куйбышева и Фрунзе.

Фронт извивается длинной линией; вот он переплетается с фронтом Колчака, вот он сделал причудливую петлю, окружив белых. Вот появляются красные флажки и красные огоньки там, где только что стояли неприятельские войска.

Лектор водит по карте длинным указателем, внимательно слушают его посетители музея, они почти все в красноармейских шинелях, у многих на груди красуются награды: орден за храбрость. Это хасановцы.

Я прислушиваюсь к тому, что говорит лектор, и к тихому шопоту стоящих сзади меня.

— Мой отец здесь проходил с Куйбышевым и Фрунзе. Горячий человек был товарищ Фрунзе и спокойный — Куйбышев. Такие разные по характеру, а как дружно и верно вели армию по такому обширному фронту...

Разные по натуре, они были одинаковы в стремлении к достижению цели — к торжеству социализма.

Восстановительный период

В 1920 году Валериан был переведен в Москву, на работу заведующего экономическим отделом ВЦСПС. В марте 1921 года на X съезде партии он был избран кандидатом в члены ЦК. А в мае этого же года партия выдвинула Куйбышева на работу в Высший совет народного хозяйства, начальником Главэлектро.

Когда я в 1922 году приехала в Москву, Валериан Владимирович был уже членом ЦК и одним из секретарей ЦК ВКП(б).

До этого я жила в маленькой поволжской деревушке, работала в школе. Все Поволжье было охвачено засухой и голодом. Меня привезли в Москву больную и изголодавшуюся. Я стала жить у Валериана.

Помню, как поздними ночами я поджидала его с работы, как меня удивляла его неутомимая энергия. Я зна-

ла, сколько часов он спал. Я видела, как он питался, и это страшно беспокоило меня.

Как-то раз я ему сказала, что он голодает почти так же, как мы голодали в Поволжье, так как он или забывает поесть, или бросает еду, вызванный по телефону на какое-нибудь экстренное совещание.

Он засмеялся над моим сравнением и кстати рассказал:

— Владимир Ильич еще в 1921 году стал обдумывать, как освободить Поволжье от засухи и голода. Он вызывал к себе специалистов-инженеров и советовался с ними, можно ли соорудить в Поволжье такую гидростанцию, которая бы дала воду всем засушливым степям. Многие говорили, что можно. Ну, нашлись, конечно, и такие, которые говорили, что это бред, фантазия, что это невозможно. А Ленин сказал, что возможно, и он, как всегда, оказался прав.

Валериан рассказал об интересных опытах в Америке, о достижениях техники на Западе. Он говорил, что если будут осуществлены все планы Ленина, то у нас не будет ни одного села, ни одной деревни не освещенной, а о голоде и засухе забудут и думать.

Когда он мне это рассказывал, я думала о маленькой заброшенной деревушке Дерябовке, где я работала, о бедных детях, умирающих от зноя и голода.

Валериан, видимо, понял мои мысли, ласково потрепал меня по голове и сказал:

— Волга разольется, образует в совершенно неожиданных местах озера, да что озера — целые моря, а гидростанции разнесут эту воду по всем степям, дадут свет. И твои деревушки и твои детишки-школьники увидят необычайную жизнь...

Он так твердо верил во все задуманное, что внушал веру всем слушающим его. Он приводил много цифр, которые знал напамять, и в это время необычайно оживлялся. Ему, вероятно, виделись уже не макеты строительства, не диаграммы, а готовые гидростанции, каналы, электрифицированные деревни...

***

Редко, только в выходные дни, вся семья собиралась летом на даче и виделась с Валерианом. Играли в волейбол, на бильярде, совершали прогулки по окрестностям. А в обычные дни Валериан всегда нас обманывал: уго-

воримся, что встретимся, соберемся все у него, ждем. Вдруг звонок по телефону и извиняющийся голос:

— Вы меня ждете? Вот хорошо! А я скоро освобожусь.

Но это «скоро» продолжалось иногда очень и очень долго. Потом мы уже стали иначе поступать — приходили к нему ночью, только тогда и можно было его дождаться и поговорить. Он обязательно станет расспрашивать обо всем и обо всех.

— Расскажи обо всех по старшинству, — просил Валериан.

По старшинству — это для того, чтобы не забыть ни о ком.

Он выслушивал все необыкновенно внимательно, вставлял свои замечания, восклицания и оживлялся, когда говорили о каких-нибудь успехах в работе, в учебе.

Валериан любил детей. Много возился со своими многочисленными племянниками и племянницами. Дети тоже его любили и с нетерпением ждали встречи с ним.

Мне живо вспоминается картина: его дочь Галя, тогда она была совсем маленькой, подбоченясь и помахивая платочком, двигается к отцу, а он вприсядку идет ей навстречу. Окружающие поют: «Ах, дуба-дуба!» и хлопают в ладоши. Лицо у Валериана сияет, как в детстве.

Валериан, когда был свободен, так же любил придумывать всевозможные шутки и шалости, как и в юности.

Как-то раз он решил ехать с дачи в город поездом. Валериан, сестра Маруся, ее муж и еще несколько человек гостей отправились на станцию.

Вдруг возвращается взволнованный Валериан один и заявляет, что все вскочили в уходящий поезд, а его оставили.

— Кто-то сильно при этом меня толкнул, так что я уже не успел вспрыгнуть на ступеньки вагона.

Мы возмущены.

Через несколько минут прибегает Маруся, за ней ее муж. Маруся набрасывается на Валериана с упреком, что он, выпрыгивая на ходу из поезда, толкнул ее, она жалуется на больную руку. Валериан упрекает Марусю — это она его толкнула, а не он ее.

Прибегают другие. У кого-то перевязана рука: ушиб, выпрыгивая за Валерианом из поезда.

Спорят, волнуются, упрекают друг друга.

Мы, недоумевая, слушаем их и не понимаем, что про-

изошло, кто в чем виноват. Вдруг взрыв хохота. Оказывается, просто все опоздали к поезду, а приключения сочинили. Но эта инсценировка проходила необыкновенно естественно, живо, правдоподобно... Инициатором был, конечно, Валериан.

В выходные дни Валериан любил играть в шахматы, в волейбол. Во всех играх он очень увлекался, и когда побеждал, его лицо было весело и радостно по-детски.

— Вот так наклепали! — говорил он, уходя победителем с волейбольной площадки.

Осталась у него с детства любовь к овощам. У нас в Кокчетаве фрукты бывали редко, лакомством были овощи: морковь, репа, горох.

На последней даче, в Морозовке, Валериан устроил несколько грядок для овощей, главным образом для гороха.

Приезжая на дачу, Валериан говорил:

— Идемте пастись.

Все шли к гороху и «паслись» — ели свежий, зеленый горох с грядки. Валериан набивал горохом себе карманы и, сидя в глубокомысленном раздумье за шахматами, вдруг вынимал из кармана горох, ел сам и угощал рядом сидящих.

Редко можно было застать Валериана без работы. Даже в выходные дни он брал с собой на дачу туго набитый делами портфель, на несколько часов запирался в комнате и работал.

***

Мы все приходили к Валериану, чтобы поделиться с ним своими мыслями, посоветоваться с ним. Он всегда очень внимательно выслушивал нас и так умел ответить на самые трудные вопросы, что казалось: «Вот с каким пустяком я оторвала Валериана от его важного дела».

Валериан никогда не опускался. Никто из нас никогда его не видел в халате, в домашних туфлях. Всегда он был подтянут, всегда деловой.

В 1923 году, на XII партийном съезде, был поставлен вопрос об объединении Центральной контрольной комиссии с Рабоче-Крестьянской инспекцией.

Председателем ЦКК — РКИ был избран Валериан Владимирович.

Это был тот период, когда во время болезни Ленина, и в особенности после его смерти, враги всех мастей

подняли голову. Они решили, что настал момент для новых выступлений.

Начал выступать Троцкий с гнусными обвинениями против руководства партии.

Начали поступать всевозможные оппозиционные заявления троцкистов, бухаринцев и других врагов партии и народа. В Ленинграде организовывался троцкистский центр, который занимался антисоветской, контрреволюционной деятельностью.

В борьбе с этой организацией и с другими антипартийными течениями Валериан Владимирович как председатель ЦКК проявил большую непримиримость и твердость.

Я помню один случай, происшедший с Валерианом в эти дни.

Валериан Владимирович выступил на собрании в Плехановском институте с докладом. Зал института был переполнен студентами. Когда Валериан Владимирович стал говорить о внутреннем положении в партии, троцкисты решили устроить обструкцию. Они подняли ужасный крик, свист, топали ногами, стучали стульями и совершенно не давали Валериану говорить.

Валериан спокойно стоял на трибуне и всматривался в расшумевшийся зал. К кафедре, на которой стоял Валериан, стали подходить студенты, они окружили ее тесным кольцом, приближаясь все ближе и ближе к Куйбышеву. А в зале шумели, кричали.

Валериан ни одним движением не показал своего волнения, он выждал момент и громко, покрывая гам и шум своим сильным голосом, закричал:

— Да здравствует ленинский ЦК ВКП(б)!

И все окружавшие кафедру студенты закричали:

— Да здравствует ЦК ВКП(б)! Да здравствует товарищ Сталин!

Коммунистическая часть студенчества проводила Валериана Владимировича из зала института под громкие возгласы:

— Да здравствует Центральный комитет партии! Да здравствует товарищ Сталин! Ура!

Валериан, рассказывая нам об этом случае, говорил:

— Мне этот случай страшно напомнил мои самарские выступления во время борьбы с учредиловцами, меньшевиками и эсерами. Они также в злобном бессилии хотели своими криками помешать выступать, помешать

Товарищи Сталин и Куйбышев на Красной площади у мавзолея Ленина (1927 год).

строить новую жизнь, но они просчитались, просчитались и эти враги. Какие они были жалкие, ничтожные, после того как увидели, что на моей стороне большинство, что за ЦК партии идет самая передовая молодежь, все лучшие студенты!

Много в эти дни работал Валериан, чтобы предотвратить раскол в партии, выявить всех врагов партии, упрочить руководство партии.

На XIV съезде партии отчет Куйбышева о работе ЦКК был одобрен большинством съезда.

На XVII партийном съезде товарищ Сталин сказал:

— Что касается ЦКК, то, как известно, она была создана прежде всего и главным образом для предупреждения раскола в партии. Вы знаете, что опасность раскола действительно существовала у нас одно время. Вы знаете, что ЦКК и ее организациям удалось предотвратить опасность раскола.

***

Помню годы работы Валериана в Высшем совете народного хозяйства. После смерти товарища Дзержинского он был назначен председателем ВСНХ.

Много путешествий совершил в эти годы Валериан Владимирович. Он неоднократно ездил на Волховстрой, на Днепрострой, на Тракторный завод в Харьков, в Мариуполь, на Урал, — да всего и не перечтешь! Где только не побывал Валериан Владимирович, в чем только он не принимал участия, чего не изучал!

Громадное значение Валериан Владимирович придавал вопросам внедрения новой техники, изобретениям и усовершенствованиям. Он резко критиковал тех хозяйственников, которые бюрократически относились к этому делу. Он сам постоянно стремился вперед, ему казалось, что каждый должен приложить больше своего собственного старания, добросовестного отношения к делу — и победа над Западом и Америкой обеспечена.

Сам он много читал специальных книг: по разведению и сушке свеклы, об использовании отечественного каучука, о доменных печах, мартеновских печах, о газовоздуходувках, о коксохимических установках и др.

— Мы должны освободиться от иностранной зависимости, мы должны делать так, как у них, и даже лучше, чем у них, — у нас все есть для этого, — часто говорил Валериан Владимирович, когда ему указывали на загра-

ничные машины, детали к ним или другие заграничные изделия.

Валериан очень волновался, когда получал сообщения о недовыполнении плана или о плохом освоении производства.

Часто, придя с какого-нибудь специального заседания по освоению техники, он рассказывал нам о новшествах или с грустью говорил о косности некоторых наших специалистов.

— Я инстинктом почувствовал, что на постройку новых сахарных заводов потребовали страшно преувеличенные средства, — рассказывал Валериан. — Вызвал снова специалистов этого дела. С пеной у рта доказывают свою правоту. Стал рассматривать иностранные журналы, рылся в специальной литературе, но как-то мне не попадались такие, которые бы открыли истину этого сложного дела. Дал телеграмму за границу нашим специалистам, находящимся там, чтобы они ознакомились с сахароварением, привезли новую литературу. И оказалось, что на Западе уже давно перешли к более дешевым, более простым способам и в то же время более усовершенствованным. Те аппараты, которые, по предложению наших специалистов, нужно было выписывать для наших заводов, были громоздкими, старой конструкции, которые уже не употреблялись за границей. Что это — ротозейство или вредительство? И то и другое, или, вернее, ротозейство, идущее рука об руку с вредительством.

Плоды своих бессонных ночей, плоды большой работы он видел в росте страны, в росте новых людей. С каким вниманием, упорством выбирал он площадку для постройки Сталинградского тракторного завода, Магнитки, Горьковского завода, Березников, Днепрогэса!

Валериан сам включил рубильник Электрозавода, одного из первенцев нашей индустриализации.

На всех предприятиях, на всех стройках приходилось вести большую борьбу с людьми, которые мешали быстрому строительству, запутывали чертежи, задерживали строительные материалы. Беспощадно боролся Валериан с вредителями на производстве, с врагами, мешающими росту социалистического государства. Враги хорошо знали непреклонную волю и твердость Куйбышева и затаили злобу.

С 1930 года Куйбышев был первым заместителем председателя Совнаркома и председателем Госплана СССР.

При этом Куйбышев еще в 1927 году был избран членом Политбюро ЦК ВКП(б). Работать приходилось ему бесконечно много, и мы все наблюдали, с каким увлечением он работал, как весь без остатка отдавался делу.

***

У себя дома, на даче он работал над составлением плана первой пятилетки. Карты, чертежи были развешаны в его кабинете, часто они перекочевывали в столовую на большой стол. Валериан, окруженный сотрудниками, часами путешествовал карандашом по карте, указывая места новых строек, новых заводов, шахт.

В выходной день он приезжал на дачу с группой сотрудников, которых он называл «пятилетчиками». «Пятилетчики» увлекались составлением плана, как и сам Валериан. Он умел разжечь интерес к делу, заразить своей верой, своей энергией.

Много дней и ночей Валериан проводил в кабинете товарища Сталина, вместе они обдумывали и пересматривали карту строительства. Валериан рассказывал нам, что Сталин страшно увлечен планированием.

— Вы не представляете себе, — говорил Валериан, — как это приятно сознавать, что вдруг на пустырях, на которые смотрели, как на ненужные клочки земли, годные лишь для свалки нечистот, вырастают красавцы великаны-заводы, фабрики, дома для рабочих, школы, ясли, клубы.

— Но это еще на бумаге, это еще в чертежах... — нерешительно замечал кто-нибудь.

Валериан оживлялся.

— Вот Иосиф Виссарионович умеет видеть все чертежи и планы превращенными в действительность. Когда мы с товарищем Сталиным говорим о каком-нибудь новом городе или рабочем городке, мы ясно с ним видим все улицы, скверы, клубы, и часто наши мысли и планы совпадают. Да и на деле уже доказано, что жизнь не расходится с планами. Вы все помните наш маленький Кузнецк на Алтае. Кто из нас думал, что в этом городишке, на этих горах, по которым мы путешествовали, в этом месте, к которому с трудом добирались на паре лошадей по крутым, плохим дорогам, вдруг вырастет великан-завод! И какой завод! И завод и весь бассейн известны теперь всему миру: Кузбасс. Вы бы не узнали этой местности. Старый Кузнецк остался, а рядом вырос другой

город — Сталинск. Бегают автобусы, автомобили, прошла близко железная дорога.

Когда составлялось решение правительства о создании Урало-Кузнецкого комбината, Куйбышев говорил на собрании молодых ударников Москвы:

— В любой другой стране такой замысел мог бы быть осуществлен в десятки, а может быть, в сотни лет. История нам не дала таких долгих сроков, да и характер у нас, большевиков, не такой: мы не можем долго ждать и топтаться на месте. Мы хотим эту проблему решить в несколько лет.

Инженер Бардин рассказывал о своей встрече с Валерианом Владимировичем. Посылая его на работу по строительству Кузбасса, Валериан рисовал ему богатства Сибири:

— Сибирь, Сибирь! — говорил Куйбышев. — Русские цари превратили ее в каторгу, и Сибирь пугает, кажется страшной. Герцен писал о Сибири...

Валериан взял с полки книгу Герцена и прочел:

— «Сибирь имеет большую будущность; на нее смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меха и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не заселен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насилием, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед». Увидим, что будет, когда Америка встретится с Сибирью.

Инженер Бардин давно мечтал о таком масштабе работы, который рисовал перед ним Куйбышев. Слова Куйбышева еще сильнее воодушевили Бардина желанием работать, двигать все с американской быстротой, перещеголять в технике Америку.

Бардин ехал на строительство по бесконечным степям, через горы, покрытые густым, непроходимым лесом, он видел пустыню полей, а в мыслях вырастали гиганты-заводы, красавцы-города. Зарядка, которую дал Куйбышев своей беседой, его энтузиазм и вера в осуществление намеченного все время руководили Бардиным.

На XVII партийной конференции Валериан в докладе о второй пятилетке говорил об условиях ее выполнения:

— Каковы же эти условия? Это прежде всего и рань-

ше всего революционная активность рабочего класса, тот энтузиазм и самоотверженность трудящихся, благодаря которым мы победили и на фронтах гражданской войны и на фронтах борьбы за выполнение первой пятилетки в четыре года.

Валериану Владимировичу не пришлось видеть энтузиазма, рожденного второй сталинской пятилеткой.

Без Валериана Владимировича началось могучее стахановское движение. Без него сооружаются грандиозные заводы, шахты, электростанции, в планах которых он принимал большое и непосредственное участие. То, что он видел в чертежах и планах, не пришлось ему видеть в жизни.

***

Помню, как-то раз Валериан пришел домой, как всегда, поздно. Только что окончилось важное государственное совещание. Он сел за стол, очень плохо ел. Мне хотелось с ним о многом поговорить. Но решила — не теперь. Надо дать ему отдохнуть. Я собралась уходить. Валериан задержал меня и неожиданно повел к себе в кабинет.

Он долго и обстоятельно расспрашивал о моих делах, высказывал свои соображения по ряду вопросов. И я поражалась, с какой удивительной простотой он находил точные и верные решения многих задач, над которыми я в то время долго ломала голову.

Во время разговора я взяла с его стола пучок сухого растения бурого цвета, очень похожего на «перекати-поле». Увидев, что я с любопытством разглядываю это растение, Валериан озарился светлой улыбкой и радостно, оживленно, без тени усталости стал мне рассказывать об этом пучке, оказавшемся каучуконосом. Он показал мне письмо любителя-геолога, нашедшего ряд ценных пород каучуконоса.

Я слушала рассказ Валериана о добыче и значении каучуконосов как увлекательную лекцию. Он умел рассказывать так, словно являлся специалистом только одного этого предмета.

Разговаривая со мной и показывая много интересных находок наших геологов и юннатов, он что-то на ходу успевал записывать в свой блокнот. Я поняла: Валериан чем-то озабочен.

— Чем ты так озабочен? Ты очень занят? Я пойду...

В. В. Куйбышев и С. М. Буденный на отдыхе в Кисловодске (1927 год)

Он провел рукой по своему большому лбу и отрывисто сказал:

— Все есть: уголь, железо, медь, — и посмотрел кругом, как будто на книжных полках, на письменном столе, здесь кругом все богатства нашей страны, и добавил: — Олова не могу найти. Нет олова... Но ничего, — скороговоркой сказал он, — отыщем! Обязательно отыщем!

И через несколько дней при встрече, это было на волейбольной площадке, он мне радостно крикнул:

— А ты знаешь новость? Мы его нашли...

Я ничего не поняла.

— Кого нашли?

— Не кого, а что...

— Ну, что нашли?

— Олово! Олово! Вы понимаете, что это значит — найти олово? — обратился он уже ко всем играющим на площадке.

***

Валериан очень интересовался работами по освоению Севера.

Он много рассказывал об этой интересной работе своей дочери Гале и так ее заинтересовал, что она повесила в своей комнате на стене большую карту Севера и отмечала все пункты, о которых Валериан ей рассказывал.

Как-то раз я застала Валериана поздно ночью в комнате у Гали. Она сидела в большом кожаном кресле, поджав под себя ноги; на коленях лежала тетрадь. Она, видимо, что-то писала в ней карандашом.

Валериан, увидев меня, встал со стула и, улыбаясь, сказал:

— Вот браню Галю, что она так поздно сидит и ждет меня.

Потом он подошел к дочери, потрепал ее по голове и сказал:

— А она жалуется на меня: «Когда же, как не ночью, я могу поговорить с тобой?» Смотри, сколько она вопросов ко мне в тетрадь записала.

У Валериана была крепкая дружба со своими детьми. Как-то спрашивал он у своего молчаливого сына Владимира, что бы ему хотелось предпринять во время летнего отдыха.

Володя долго молчал, а потом, застенчиво улыбаясь, ответил:

— Я бы хотел предпринять большое путешествие на «Товарище».

«Товарищ» — это парусное судно, которое готовилось к путешествию из Балтийского моря в Черное, огибая Европу.

Володя в это время учился в морском техникуме и страшно увлекался парусным делом.

Валериан подумал, ласково улыбнулся и сказал:

— Хорошо, я наведу справки, будешь ли ты там чем-нибудь полезен. А так просто поплавать, без пользы для дела, для удовольствия, можно и на простой парусной лодке. Ведь правда?

Володя все эти дни, пока Валериан выяснял возможность путешествия, страшно волновался. А вдруг нельзя? Он ждал с нетерпением ответа от отца.

Оказалось, что Володя может плыть как воспитанник морского техникума и что это будет его производственной практикой.

Володя торжествовал. А Валериан говорил:

— Нужно, чтобы Володя смотрел на это путешествие как на важное задание, а не как на интересное плавание с приключениями.

Володя отправился в путь. Теперь волновался Валериан.

— Интересно, как ведет себя там Володя? — говорил он.

Через некоторое время, получив известие о прибытии «Товарища», Валериан оживленно сообщил нам:

— Володя работал, учился, вел дневник, был молодцом!

Следующей производственной практикой Володи было плавание на «Буге». Это произошло уже без всякого вмешательства Валериана. Володю проверили в серьезном путешествии на «Товарище».

Валериан с любопытством следил за донесениями о продвижении «Буга» и говорил:

— Выйдет ли из моего Володи мореплаватель или он еще изменит свои намерения?

«Буг» наскочил на подводную скалу. Авария. Дан сигнал о спасении. Валериан с тревогой сообщил нам об этом. Мы видели, что он волнуется, но старается спокойно говорить:

— Опасность невелика. Им уже вышли на помощь...

Ну, а Володя, я думаю, уже опытный мореплаватель и, конечно, не волнуется.

Валериан больше не виделся с сыном. Только накануне его смерти было получено известие о том, что Володя вернулся в Ленинград. Володя приехал в Москву, когда перестало биться сердце его отца.

***

Вспоминаются дни гибели «Челюскина». Валериан возглавлял комиссию по спасению оставшихся на льдине людей, непосредственно выполнял личные указания товарища Сталина.

В эти дни его совершенно нельзя было видеть. Он запирался в своем кабинете дома, к нему приходили летчики, ученые, специалисты Севера. Не переставая трещали телефонные звонки.

Во всем мире печать обсуждала вопрос: можно ли спасти потерпевших крушение?

Авторитетные лица на страницах авторитетных газет зарубежных стран писали:

«...На льдине плывут к полюсу 103 русских, между ними семь женщин и двое детей, и с нетерпением ждут помощи...»

«Положение потерпевших крушение настолько ухудшилось, что уже в самое ближайшее время надо считаться с возможностью новой арктической трагедии. Кажется почти невозможным произвести посадку на битый лед и еще более невозможным подняться с него. Насколько можно предположить, имеется только одна возможность осуществить спасение: дожидаться на льду наступления теплого времени, когда находящиеся на льдине сумеют достичь на своих лодках берега или их отыщет на этой льдине ледокол. Спрашивается только: выдержит ли льдина до этого времени?»

Со всех концов страны слетались телеграммы, радиограммы — и с льдины, на которой образовался лагерь Шмидта, и с кораблей в северных водах, и с дальневосточных авиабаз.

Валериан, казалось, хладнокровно, внимательно прочитывал их, обдумывал, соображал и так же спокойно отвечал, давал распоряжения.

В феврале 1934 года дочери Валериана Владимировича исполнилось пятнадцать лет. В день рождения собрались гости — друзья и родные. За праздничным столом

Товарищи Орджоникидзе, Ворошилов, Куйбышев, Сталин, Калинин, Каганович и Киров (декабрь 1929 года).

оживленные разговоры, смех. Начали играть: каждый по очереди должен рассказать о себе что-нибудь смешное.

Пришел Валериан, утомленный, озабоченный. Сел за стол, но грусть и озабоченность не оставляли его.

Очередь рассказывать дошла до Валериана. Он помолчал и извиняющимся тоном сказал:

— К сожалению, я ничего веселого сейчас рассказать не могу. Мои мысли все время вот с этим письмом.

Он достал письмо и прочитал:

«Город Москва, Кремль, Председателю Комиссии по спасению челюскинцев товарищу Куйбышеву. Дорогой товарищ Куйбышев. Спасите моего папочку. Я очень люблю своего папочку. Ада».

В наши мимолетные встречи в эти дни с Валерианом мы спрашивали, налаживается ли помощь. Валериан отвечал:

— Налаживаться-то налаживается, но ведь нужна не просто помощь, а скорая помощь. — Он смотрел на московское небо и говорил: — Вот бы погода не подкачала, самолетам и так трудно будет бороться со стихиями Севера.

Но московское небо было спокойно и не отвечало на тревожные вопросы Валериана, какая будет погода на далеком Севере.

Он жадно ловил сведения метеорологических станций и облегченно вздыхал, когда они были благополучны.

— Кажется, на этом фронте спокойно, только не было бы перемен к худшему...

Валериан Владимирович уделял большое внимание работе советских полярников, а с момента организации Главсевморпути беспрерывно лично руководил всей работой в Арктике. Он внимательно следил за работой каждой экспедиции.

Товарищ Водопьянов рассказывал, что как только полярным летчикам стало известно назначение Куйбышева председателем Комиссии по спасению челюскинцев, все были уверены, что спасение людей в надежных руках.

Водопьянову очень хотелось лететь на помощь челюскинцам. Он обращался в некоторые организации, но везде ему говорили, что организует группы Куйбышев, а не они. Водопьянов рассказывает:

«Наутро мне предстоял вылет к Каспийскому морю. Я готовился к вылету, а в мыслях было одно: «Неужели

так и не придется лететь туда?» И вдруг ночью, совсем уже под утро, — звонок. Густой, спокойный голос спрашивает:

— Кто у телефона?

Я называю себя.

— С вами говорит Куйбышев. Завтра к десяти часам утра приходите в Кремль.

— Товарищ Куйбышев, через два часа, согласно приказу, мне нужно вылететь к Каспийскому морю, — сообщил я.

— Передайте своему начальнику, что ваш полет отменил Куйбышев. До свидания».

Ровно в десять, еле сдерживая волнение, Водопьянов вошел в кабинет заместителя председателя Совнаркома Валериана Владимировича Куйбышева.

Навстречу вышел из-за стола Валериан Владимирович. Большие серые глаза его казались утомленными. Видно было, что он не спал эту ночь. Но, несмотря на усталость, лицо его было очень приветливым. Он указал на кресло.

— Садитесь.

Куйбышев стал подробно расспрашивать о состоянии и пригодности машины для операции на Севере, о маршруте, который выберет себе Водопьянов, и стал его экзаменовать:

— Как полетите от Николаевска? Маршрут от бухты Нагаева к Ванкарему? Базы горючего?..

Товарищ Водопьянов об этой встрече рассказывал:

— Было удивительно, до чего ясно представлял себе Валериан Владимирович обстановку нашей работы, как он умел все предусмотреть. И еще меня очень поразили расспросы о моем самочувствии, о семье. Я хорошо помню — вышел я из Кремля словно окрыленный. Я дал клятву во что бы то ни стало добиться успеха, оправдать доверие этого изумительного человека.

Слепнев и Леваневский уже двигались на двух купленных в Америке самолетах в Аляску. Везде, на всех пунктах их ждала телеграмма от Куйбышева, и они сейчас же давали сведения, ставили в известность о своих дальнейших перелетах.

С Камчатки летел на Ванкарем Каманин. Целый отряд дирижаблей в качестве резерва был направлен на Север. Нужно было направить срочно ледокол «Красин», но, по мнению специалистов, он мог быть отремонтирован в течение четырех месяцев, а за границей — в полтора.

Куйбышев позвонил Кирову в Ленинград.

— Непонятно, почему наши мощные верфи в Ленинграде и в Кронштадте не могут сделать того, что могут сделать за границей? Уверен, что при напряжении усилий можно отремонтировать в более быстрый, чем полтора месяца, срок, — говорил Сергею Мироновичу Валериан.

Товарищ Киров поднял на ноги всех рабочих судостроения, и через восемнадцать дней «Красин» уже плыл к лагерю Шмидта через Атлантический океан.

Я присутствовала при разговоре Валериана по телефону, когда стало известно, что летчик Ляпидевский увез из лагеря первых одиннадцать человек.

Голос Валериана звучал радостно, глаза его светились. Положив трубку, он спросил:

— Кому бы еще позвонить?

Но ему не пришлось долго раздумывать. Раздался телефонный звонок. Валериан говорил:

— Правда, правда... Сразу всех детей и женщин...

Ликованию Валериана не было предела. Он звонил летчикам, спрашивал их, не сердятся ли они на него за его резкие телеграммы, за постоянное тормошение.

— Сердились, сердились, я знаю, — шутил он, — а теперь, небось, с удовольствием и гордостью вспоминаете те дни и сердиться некогда. Не сердитесь? Ну, хорошо, я поверю. Ну, будьте здоровы, до скорой встречи в Кремле. Я вам такие новые задания дам, что голова закружится! Правда, правда!

Приятно было смотреть на веселого Валериана. Утомленности как не бывало, только глаза печальные, в сети мелких морщинок, сплетенных в бессонные ночи.

***

Валериан получал много писем от товарищей, с которыми встречался на фронтах гражданской войны, от бывших красногвардейцев и красных партизан. Многие из них просили подтвердить их участие в партизанских отрядах и службу в Красной армии.

Однажды к Валериану Владимировичу пришел один товарищ — казах. Он приехал в Москву специально, чтобы встретиться с Куйбышевым и получить от него подтверждение своего участия в партизанском отряде в Казахстане.

Валериан с большим радушием встретил приехавшего и долго беседовал с ним. Товарищ рассказывал, как

В. В. Куйбышев (1930 год).

вырос его родной край, в котором провел детство сам Валериан. Товарищ рассказывал много интересного, и Валериан внимательно слушал его.

Между прочим, товарищ рассказал Валериану старую легенду казахского народа о вечном страннике Коркуте:

— Ходил Коркут по всей Казахской земле, бродил всю свою долгую, аллахом прóклятую жизнь, и везде, где собирался остановиться, его встречала вырытая могила.

— Погоди, — сказал Валериан засмеявшись, — что же, этот самый Коркут и теперь шатается без дела?

— И теперь, — ответил товарищ. — Коркут все еще странствует по нашему краю, он, кажется, геологические изыскания ведет, и везде, где он собирается остановиться, цветущий сад и счастливые люди в нем.

Валериан ласково похлопал товарища по плечу, и оба заразительно засмеялись.

— Есть и о тебе легенда, много легенд. То тебя сравнивают с прозрачным, чистым источником, то с солнцем, то с душистой розой... и даже с персиком...

Валериан, отмахиваясь от рассказчика, громко смеялся.

— У нас щедрый народ, поэтический народ и любит крепко тебя, — продолжал гость. — Вспоминают тебя и ждут в гости.

***

А вскоре Валериану пришлось побывать в этом крае — он поехал в командировку в Среднюю Азию. Там срывались заготовки хлопка, предполагалось организованное вредительство, и нужно было энергичное вмешательство.

Всю дорогу Валериан беседовал со специалистами, просматривал цифры посева хлопка, знакомился с новым строительством системы орошения, с работой колхозов, совхозов, читал нужную литературу.

В Казахстане и в Туркестане он чувствовал себя плохо, но никому об этом не сказал. Некогда было обращать на себя внимание — нужно было ехать в совхозы, колхозы и на хлопковые поля.

Без отдыха переезжал Валериан с одного поля на другое, часто приходилось делать большие расстояния пешком или верхом.

Много пришлось работать Валериану Владимировичу в эту поездку. Больной, с высокой температурой, он не прекращал своей работы. Ему предложили выписать из Москвы врачей, но он категорически отказался от этого.

И только когда было уже совершенно невозможно терпеть, согласился вызвать местного врача.

Пришлось спешно оперировать нарыв в горле. Температура спала, но была сильная слабость. И все-таки он работал, ездил по отдаленным колхозам и полям.

1 декабря пришла ужасная, потрясающая весть — троцкисты убили товарища Кирова.

Валериан Владимирович заперся у себя в купе вагона. Присутствующие в вагоне слышали его сдавленные рыдания.

Он писал в ташкентской газете 3 декабря 1934 года:

«Памяти товарища Кирова.

Злодейски убит пулей контрреволюционера член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь Центрального комитета партии и Ленинградского обкома товарищ Киров.

Международная контрреволюция знает, в кого метить.

Жертвой стал лучший большевик, лучший сын нашей родины, совершенно исключительный народный трибун, ораторское искусство которого заражало бурной активностью массы рабочих, крестьян и солдат во время гражданской войны и теперь, во время социалистического строительства.

Он был настоящим руководителем, любимым всеми пролетариями Ленинграда и колхозниками области, так же как был любим всей партией.

Я знал товарища Кирова давно. В 1909 году мне довелось сидеть с товарищем Кировым в томской тюрьме. В 1919 году мы с ним встретились на работе в 11-й армии в Астрахани. Товарищ Киров был душой армии, душой рабочих и крестьян. Он отстоял Астрахань, а тем самым и низовье Волги от нападения белой армии. Он, перейдя от обороны к нападению, разгромил белые войска и соединился с красными войсками Северного Кавказа.

Работая секретарем Азербайджанского и Бакинского комитетов и затем Ленинградского областного комитета партии, он проявил ту же бурную энергию. Он был настоящим хозяином порученного ему большого участка работы. Больше того, товарищ Киров был членом Политбюро большевистской партии, то есть государственным человеком с большим кругозором.

Товарищ Киров убит именно потому, что он был выдающимся деятелем партии, революционером-большевиком, ненавистным контрреволюционной буржуазии.

Светлая память о товарище Кирове и подлое убийство лучшего революционера-большевика вызовут огромный, бурный рост сил революции и социализма.

Светлая память о товарище Кирове двинет пролетариат и колхозников СССР с еще большей энергией на строительство социализма в нашей стране.

Со знаменем, которое всю жизнь держал в руках светлый, вдохновенный, бурно-энергичный товарищ Киров, со знаменем коммунизма — вперед!

В. Куйбышев».

***

Вот мы опять на вокзале. Встречаем Валериана, возвращающегося из долгой командировки в Среднюю Азию. Мы увидели Валериана утомленного, бледного, грустного. На вопросы, что с ним, он шутливо ответил:

— Вы просто от меня отвыкли, я всегда был такой... Просто устал, немного болел. Отдохну, все как рукой снимет.

Валериан много нам рассказывал о своей поездке по знакомому когда-то краю. Четырнадцать лет тому назад он проходил здесь с войсками Красной армии, свергал эмира бухарского, вел борьбу с басмачами и с другими контрреволюционными бандами.

— Там, где была песчаная знойная пустыня, теперь цветущие поля, — рассказывал Валериан, — там, где мы когда-то испытывали муки жажды, идя бороться с врагом, теперь журчит вода. Ее сколько угодно: пей себе на здоровье! Просто не верится, что за такое короткое время так переменился край.

***

7 января 1935 года Куйбышев сделал последний доклад на III Московском областном Съезде Советов.

— Начиная свой доклад о великих победах социализма за истекший период, — говорил Куйбышев, — я не могу не выразить величайшей грусти, что в наших боевых рядах нет активнейшего борца за эти победы, лучшего сына родины, лучшего члена партии, лучшего ученика Сталина — товарища Кирова.

Нет Кирова. Товарищ Киров погиб от руки подлого убийцы, который отразил в этом гнусном акте бешенство контрреволюции; полное бессилие воспрепятствовать победам социализма толкнуло террористическую группу предателей на убийство товарища Кирова.

В. В. Куйбышев с женой Ольгой Андреевной на даче в Краскове (1933 год).

Нет Кирова, но дело его, дело, которому он посвятил всю свою жизнь, находится в крепких руках, руках миллионов пролетариев и колхозников. Под руководством великой коммунистической партии, в острой борьбе с классовым врагом неуклонно и победоносно продвигаются пролетарии нашей страны к коммунизму, в борьбе за который погиб талантливейший сын рабочего класса товарищ Киров...

Закончил свой доклад Валериан Владимирович словами:

— Мы работаем и боремся эти годы под руководством товарища Сталина. По начертанной им программе рабочий класс и крестьянство добились грандиозных успехов. Под руководством великого Сталина — знамени наших побед и борьбы — мы выполним второй пятилетний план в целом.

Этот доклад был лебединой песней Валериана. Через восемнадцать дней перестало биться сердце этого неутомимого, энергичного, жизнерадостного, полного сил и веры в прекрасное будущее дорогого Валериана.

Еще о живом Валериане

Хочется говорить только о живом Валериане. В памяти встают дни, проведенные с ним. Вспоминаются его рассказы о поездках, встречах с людьми.

В 1929 году он провел свой отпуск в Карелии, на Медвежьей горе. Тогда Беломорского канала еще не было, поселок, где остановился Валериан, был маленький — всего несколько деревянных домиков.

За три недели Валериан совершил много путешествий на ближайшие озера, исходил все лесные тропинки. По рассказам бывших с ним товарищей, он необыкновенно правильно ориентировался в местности, ему совершенно незнакомой.

Маленькие лесные тропинки заводили в лесную чащу, куда едва проникал свет, и, чтобы не сбиться на обратном пути с дороги, Валериан делал на деревьях пометки ножом или связывал ветку одного дерева с веткой другого.

Валериан на мотоцикле совершил путешествие в Повенец, где в 1904 году работал в ссылке кузнецом товарищ Калинин. Побывал в Мурманске, на биологической

станции в Александровске. Хотелось ему пробраться на остров Кильдин, где находился песцовый заповедник, но на море свирепствовала буря, волны захлестывали катер, и его уговорили отложить поездку.

Когда Валериан отдыхал в Крыму, к нему всегда приезжали в гости пионеры из Артека. Он оживлялся с их приездом. Гулял с ними, показывал интересные места в парке, устраивал игры.

Как-то раз Валериан повел детей в тир. Ребята были рады показать свои способности в стрельбе. Рассмотрев мишень после стрельбы, Куйбышев написал на ней: «Очень плохо!»

Эту мишень ребята увезли с собой на память в Артек.

За столом он расспрашивал ребят, кто чем интересуется. Ребята свободно чувствовали себя в присутствии Валериана и стали наперебой рассказывать: один любит путешествовать, другой — строить, третий — читать, фотографировать, играть в шахматы и даже нашелся любитель ловить крабов.

— А что вы любите, товарищ Куйбышев? — спросил один из ребят.

— Я больше всего люблю пионеров. А что я люблю делать? Все люблю делать, каждую работу люблю.

А потом, сыграв с одним мальчиком в шахматы, сказал:

— Вот игру в шахматы люблю.

Сыграв партию на биллиарде с совсем маленьким пионером, он, ласково погладив его по голове, сказал:

— И на биллиарде играть люблю.

И, обращаясь к любителю ловить крабов, смеясь сказал:

— И крабов ловить люблю! Все, все люблю!

Ребята пристали к Валериану, чтобы он рассказал им о своей жизни, о фронте.

Он усадил их на удобном диване, принес фруктов и много рассказывал о боях, в которых он участвовал. Он рассказал о мальчике лет тринадцати, Ване Воробьеве, как он участвовал в разведке и принес много нужных и важных сведений.

— А где теперь этот Ваня? — спросили ребята.

— Я его с фронта отослал учиться. Его разыскивали родители и просили, если встречу, отослать домой. Он долго не соглашался, даже принимался плакать. А я уса-

дил его к себе на лошадь и сказал: «Ну, прощайся со своими товарищами бойцами и обещай им хорошо учиться, быть ученым и умным».

— И увезли? — возбужденно выкрикнул пионер.

— И увез. Теперь он инженер. Работает на заводе. Коммунист.

— Я бы не поехал. Я бы спрятался от вас.

— Он тоже всю дорогу твердил: «Зря вы, товарищ Куйбышев, со мной так поступаете, зря! Мне нужно бы спрятаться от вас, а я не догадался...»

Поздно вечером все отправились на море ловить крабов.

Впереди по темным аллеям парка шел самый высокий пионер и нес зажженный факел, который почти не нарушал темноты парка, а только бросал на дорожки и кусты фантастические тени и пятна.

Ребята окружили Валериана Владимировича — наверное, многие из них боялись темноты, но скрывали свой страх: нельзя было показать себя трусом перед Валерианом Владимировичем.

Совсем поздно уехали ребята. Им не хотелось покидать веселого, ласкового, гостеприимного товарища Куйбышева. А Валериан стоял на дороге и смотрел вслед удалявшемуся автомобилю, пока он не скрылся за поворотом дороги.

— Славные растут у нас ребята, с ними не скучно, — сказал Валериан, вернувшись в комнаты.

***

Валериан любил цветы, красивые растения. Увидя в лесу красивый куст, он останавливался около него, любовался и говорил:

— Хорошо бы у нас на даче развести такие кусты, вот было бы красиво!

Как-то раз Валериан был в доме отдыха, где отдыхала его дочь Галя. Ему там очень понравились какие-то кусты. Он, гуляя по саду, все возвращался к ним и говорил:

— Смотри, Галочка, какие красивые листики, точно серебряные, а как они горят на солнце! Вот бы к нам на дачу такие кустики!

Когда Валериан уезжал, он увидел в автомобиле несколько аккуратно завернутых в рогожу кустиков.

1 день — история + биогр.

2 день — эк. геогр. + нем. яз.

3 день — матем. + биогр.

4 день — история + нем. яз.

5 день — матем. + биогр.

6 день — физика + нем. яз.

Из записной книжки В. В. Куйбышева (1935 год).

Он ласково погрозил Гале кулаком: ясно было, что это она попросила садовника вырыть для Валериана несколько кустиков.

Валериан сам вырыл у себя в саду на даче ямы, сам посадил эти кустики и ухаживал за ними, страшно огорчаясь, что они долго болели, привыкая к новому грунту. Но скоро кусты дружно принялись расти, и Валериан был счастлив. Приезжая на дачу, он сейчас же шел смотреть на кусты и постоянно любовался ими.

Валериана нет, а кусты разрослись под окном его комнаты. Они уже не походят на те маленькие кустики, которые он так бережно рассаживал. Это оказались масличные деревья. Они тянутся к окну, из которого еще так недавно Валериан любовался ими.

Одно время Валериан увлекался разведением кроликов. Он долго просиживал у клетки, наблюдая за маленькими пушистыми, круглыми, как шарики, крольчатами.

Как-то раз под выходной день была плохая погода, и решили на дачу не ехать. Валериан играл в шахматы с одним приятелем-художником.

Во время игры он несколько раз смотрел в окно, вглядываясь в темноту, посматривал на часы, играл очень рассеянно.

— А может быть, нам все-таки поехать? — обратился Валериан к своей жене Ольге Андреевне.

Все стали отговаривать Валериана: плохая погода, слякоть. Валериан разбивал все доводы и доказывал, что ехать можно.

— Я знаю, почему Валериан так настаивает на поездке, — смеясь, сказала Ольга Андреевна. — Сказать почему?

— Скажи, — согласился Валериан.

— Ты волнуешься за кроликов.

— Угадала. Сегодня должны появиться новые крольчата, и я боюсь, что они замерзнут.

Как-то зимой поехали на дачу. К Володе и Гале приехали их друзья. Холодно на улице. Ходят по комнате, скучают, слушают патефон...

— Ребята! В волейбол играть! — скомандовал Валериан.

Сначала все удивились: как это по колено в снегу, зимой, играть в волейбол!

Замелькали лопаты, метлы, расчистили, размели площадку и принялись на свежем морозном воздухе играть в волейбол. Все были страшно довольны. А Валериан говорил:

— Ну вот, а вы говорили, что зимой нельзя. Смотрите, еще как можно!

Последняя встреча

23 января я в последний раз видела брата.

Поздно вечером он собирался ехать к себе на дачу и звал меня с собой, но я не поехала: были какие-то дела, которые мне казались важными.

Валериан и его жена, Ольга Андреевна, вышли проводить меня в переднюю. Брат стоял на лестнице, ведущей в комнаты. Я уже спустилась с лестницы, чтобы одеться, и снизу смотрела на сильную, крепкую фигуру Валериана. Он оперся на перила, как бы желая подняться на руках. Лицо его было спокойное, глаза, как всегда, ласковые и веселые.

Надевая боты, я тяжело вздохнула.

— Что, у тебя болит сердце? — озабоченно спросил Валериан.

— Нет, оно у меня здоровое, — ответила я, — а что тебе сказали врачи? Как твое сердце?

— Мое сердце? Это самое здоровое, что есть в моем организме.

Я поверила. Верила и Ольга Андреевна. Да и кто бы мог не поверить, видя перед собой этого великана с могучей грудью, с веселыми, сияющими глазами, с приветливой, радостной улыбкой?

А 25 января произошла катастрофа... Валериана не стало... Его сердце перестало биться и управлять этим могучим, сильным организмом, этим большим умом с его необузданной жаждой работать, его желанием строить и создавать счастливую, радостную жизнь для всего трудящегося человечества.

Мне позвонили из квартиры Валериана Владимировича. Я услышала тревожный голос:

— Валериану очень плохо — приходи скорей.

Как-то холодно стало, сжало сердце, тяжелыми, неподвижными вдруг стали ноги... Непоправимое. Приходит на

мысль недавняя трагическая гибель Кирова... Гоню эту мысль от себя, но все же она неотступно, все сильнее и сильнее точит мой мозг.

В Кремль я не шла, а бежала... Расстояние от моей квартиры до Кремля, казалось, не уменьшалось, а увеличивалось... Вот наконец лестница. Вбегаю на третий этаж. Бегу по длинному коридору. Коридор в комнату брата кажется особенно длинным.

Вот его кабинет. Спокойный, бледный, лежит он на кушетке в белой рубашке, под пледом. Тело его еще совсем теплое... Но он не дышит... Он не открывает глаз... Он не улыбается... «Валериану очень плохо», звучит в моих ушах тревожный голос.

Ему не плохо — его нет больше с нами. Он умер.

Около Валериана на кушетке сидит Ольга Андреевна и гладит его большой, уже холодный лоб.

— Его убили? — шопотом, еле слышно спрашиваю ее.

Ольга Андреевна отрицательно качает головой.

— Умер от разрыва сердца, — так же шопотом, точно боясь разбудить спящего Валериана, отвечает она.

Я сажусь здесь же, у изголовья Валериана.

Он умер... Не верится, не хочется верить, что Валериана уже не будет с нами... Как это случилось? Почему перестало биться его сердце? Ведь еще несколько дней тому назад специальный консилиум врачей констатировал, что сердце Валериана здоровее всего его организма. Ему были даны, по словам врачей этого консилиума, какие-то «невинные» лекарства, чтобы «укрепить» его нервную систему.

25 января Валериан, невзирая на недомогание, как обычно пришел на работу. Он принимал сотрудников аппарата Совнаркома, выслушивал их доклады, отдавал распоряжения, диктовал и подписывал важные документы. Он хотел в этот же день встретиться с Героями Советского Союза — участниками челюскинской эпопеи. В этот же день ему предстояло провести ряд совещаний в Совнаркоме и разрешить неотложные вопросы. Он торопился, чтобы к пяти часам быть на заседании VII Всесоюзного Съезда Советов.

И вот в разгар работы он почувствовал себя плохо.

Недомогание Валериана было настолько сильно, что он решил уйти домой. Этого с ним никогда не бывало, он терпеливо переносил плохое состояние здоровья в последние дни, а тут, видимо, терпеть было невозможно.

Он сказал секретарю:

— Придется сделать маленький перерыв. Мне немного нездоровится, и прием летчиков, видимо, нужно будет отложить. Я отдохну перед съездом.

Смертельно бледный, обливаясь пóтом, он отправился через большой двор Кремля на свою квартиру. Поднялся на третий этаж. Прошел в кабинет и там сбросил с себя меховую куртку, которую обычно снимал в передней. Принес из соседней комнаты подушку и плед. Синюю суконную гимнастерку не повесил аккуратно на стул, как это обычно делал, а небрежно бросил на стул.

Дома никого из близких не было — Ольга Андреевна не пришла еще с работы.

Никто не позаботился о неотложной медицинской помощи. Секретарь, оказавшийся сообщником троцкистско-бухаринских негодяев, дал поручение разыскать доктора, который тоже был в заговоре с троцкистско-бухаринской бандой, он же и давал брату «невинные лекарства».

Ниже этажом, в этом же доме, помещалась амбулатория. Там постоянно дежурили врачи и медицинская сестра. Но к ним никто не обратился.

Теперь все это стало понятным. Мы узнали из процесса «право-троцкистского блока» все подробности убийства Валериана.

Секретарь позвонил своим главарям. Он сообщил, что Куйбышеву плохо и конец, видимо, приближается. Ему ответили: «Все в порядке, не зовите врачей и держитесь молодцом».

Из квартиры работница позвонила секретарю и сказала, что Куйбышеву плохо. Секретарь успокоил ее, что он скоро будет с доктором.

Работница спросила у Валериана Владимировича, не нужно ли ему чего-нибудь. Валериан Владимирович последние дни пил молоко с боржомом, так как горло все еще болело.

— Нет, мне жидкого нельзя, я чувствую, что у меня болит сердце, — сказал Валериан. — Зайдите ко мне через десять минут.

Через десять минут работница, войдя в кабинет, увидела, что Валериан Владимирович уже умер.

Она опять позвонила секретарю.

— Я сейчас буду, — последовал холодный ответ.

Из записной книжки В. В. Куйбышева (1935 год).

***

Я сидела у изголовья брата, а мысль о неестественной, загадочной смерти все время точила мой мозг. Я спросила находившегося здесь доктора:

— Почему так неожиданно, так быстро перестало работать сердце Валериана?

Он раздраженно ответил:

— Ничего тут неожиданного нет! Напряженная нервная работа привела сердце в такое состояние, что катастрофы можно было ожидать каждую минуту...

Я была в таком тяжелом состоянии, смерть близкого человека так потрясла меня, что ничего не могла возразить этому на вид почтенному старику-доктору, который потом был тоже разоблачен, как один из главных убийц моего брата.

...Я прерываю эти тяжелые, скорбные воспоминания. Трудно писать об этом ужасном несчастье, постигшем не только нас, родных, но и всю нашу страну, нашу партию.

Его убили враги народа

В зале суда 2 марта 1938 года я увидела их всех... Вот они, убийцы!

Это они убили товарища Кирова, Куйбышева, Менжинского, Горького и его сына.

Они еще в самом начале Октября, в 1918 году, готовили покушения на товарищей Ленина, Сталина и Свердлова. Это они послали эсерку Каплан убить Ленина, это они дали ей в руки револьвер с отравленной пулей.

Вот доктор. Он монотонно и спокойно, словно читает лекцию, рассказывает суду, как он отравил Менжинского, Куйбышева, Горького и его сына. Он рассказывает, как его задаривал и подкупал Ягода, снабжая цветами, французским вином, дачей, разрешением беспошлинного провоза заграничных вещей.

Он стал неправильно лечить тех, кого ему было поручено убить. Он давал такие лекарства, которые разрушали здоровье. Он привлек себе на помощь и других убийц, в том числе секретаря Куйбышева.

Секретарь на суде говорил, что он получил распоряжение от лидеров антисоветского «право-троцкистского блока», а также лично от Ягоды следить за здоровьем Куйбышева. На его обязанности было следить, чтобы Куйбышев не показывался другим врачам. Он так и делал.

Убийцы признавались во всем: они действовали организованно, чтобы отнять у трудящихся их лучших руководителей.

Все это я услышала на суде.

Так был умерщвлен врагами Валериан Владимирович Куйбышев.

***

Печально звучит симфонический оркестр в Колонном зале Дома союзов. Красные знамена с черным трауром на стенах и на окнах. На высоком постаменте утопающий в цветах гроб с нашим родным и близким Валерианом. Сколько цветов! Он любил цветы, любил музыку...

Течет толпа с опущенными траурными знаменами. Организации рабочих и колхозников, красноармейцев, моряков, служащих, учащихся входят с венками, на лентах которых они написали прощальные слова:

«Твое дело живет. Спи спокойно, дорогой товарищ».

«Мы, твои ученики и последователи, будем продолжать начатое тобой дело. Клянемся тебе, дорогой наш Валериан Владимирович».

Идут делегаты VII Съезда Советов проститься с Куйбышевым, который только вчера собирался делать им доклад о растущих богатствах страны...

Здесь таджики, киргизы, грузины, русские, татары, узбеки, чуваши, украинцы...

У гроба сменяется почетный караул.

Все члены правительства пришли проститься со своим другом. Вот длинной шеренгой стоят военные, вот ученые-академики, вот Герои Советского Союза...

Товарищ Сталин близко-близко подходит к нам, стоящим у гроба. Мы чувствуем его присутствие, мы знаем, что он хочет нам, близким Валериана, показать, что разделяет нашу скорбь, он знает, насколько тяжела для нас эта утрата...

26 января мы простились с Валерианом навсегда.

На Красной площади у мавзолея траурный митинг.

Красную площадь слушает вся страна. Города и колхозы, фабрики, далекий Север, сибирские окраины, шахты и нефтяные промысла, вся необъятная страна слушает Красную площадь, присутствует на траурном митинге, провожает в последний путь Валериана Куйбышева.

Товарищ Молотов говорит о Куйбышеве — о чутком друге, боевом товарище, о человеке с кристальной душой:

—...В годы пролетарской революции Валериан Куйбышев там, где партия решает самые трудные задачи. Он на партийной и советской работе в провинции, на боевых фронтах против Колчака и в Средней Азии, руководитель Центральной контрольной комиссии партии в период борьбы против поднявшего голову контрреволюционного троцкизма и его охвостья — зиновьевщины, он неутомимый строитель нашей крупной промышленности и руководитель работы по составлению второго пятилетнего плана, наконец — первый заместитель председателя Совета народных комиссаров Советского Союза, где его выдающаяся роль у всех на глазах.

Мы, работающие с ним бок о бок до последнего дня, будем особенно больно и долго чувствовать потерю Валериана Владимировича, которого все его хорошо знающие горячо любили.

...Мы прощаемся сегодня с дорогим, незабываемым товарищем Куйбышевым, полные той веры в наше дело, в дело коммунизма, с которой жил и боролся в наших рядах Валериан Владимирович.

В правительственных сообщениях товарищ Сталин и его ближайшие соратники писали о преждевременной гибели Валериана Владимировича Куйбышева:

«Он отдал всю свою жизнь, всего себя делу рабочего класса, делу нашего героического народа.

Прощай, наш родной и близкий Валериан!»

Оглавление

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор
И. Резникова.
Подписано к печати 15/IV 1941 г.
12 печ. л. (10,35 уч.-изд. л.). 37 312 зн.
в печ. л. Тираж 50 000 экз. А 6567.
Заказ № 221.

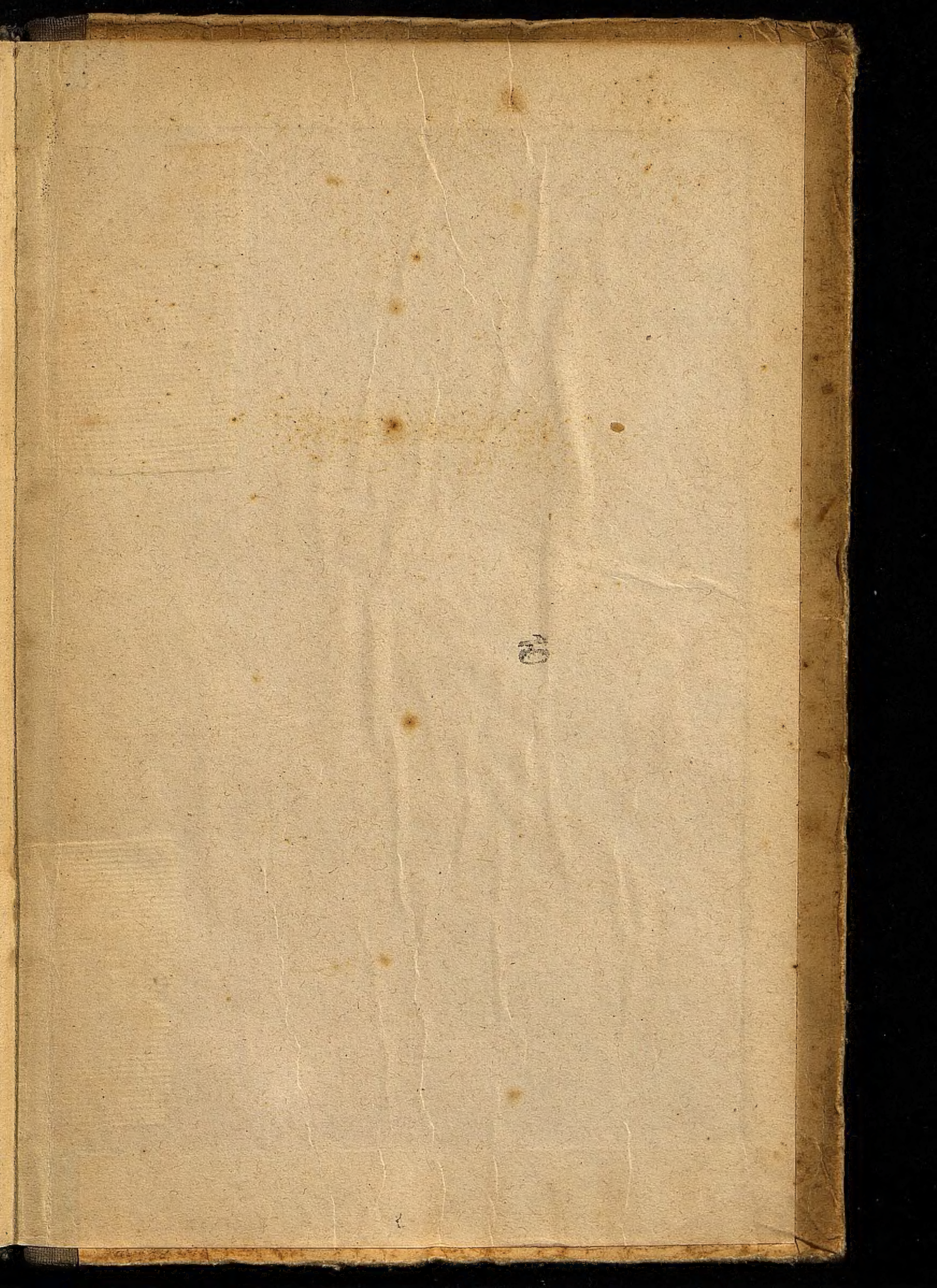
Цена в переплете 3 р. 75 к.

Фабрика детской книги Изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сущевский вал, 49.

Ребята! Напишите нам свое мнение об этой книге. Какие вы видите в ней недостатки? Каковы ваши пожелания? Укажите свой адрес, имя, фамилию, возраст.

Отзывы шлите по адресу: Москва 12, Малый Черкасский пер., д. 1. Массовый отдел Детиздата ЦК ВЛКСМ.

Цена 3 р. 75 к.